

Шая Воронкова

КРОВЬ И СТРУНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Шая Воронкова

Кровь и струны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69668335

SelfPub; 2024

Аннотация

Говорят, что в Урносе высохли все реки и озера, а по дорогам бродят мертвецы с белыми глазами. Говорят, здесь за многое платят кровью. Говорят, в край, где смерть – лишь новое начало, сунется только безумец. Но иногда выбора просто нет. Бродячая артистка, жена купца, а теперь и вовсе беглянка – Марита успела сменить множество ролей. В Урносе она надеялась наконец обрести тихую жизнь, но оказалась втянута в войну двух разбойничьих шаек. Пришлось вспомнить старые таланты и вновь взять в руки лютню. Что же сильнее – язык крови или язык струн? И возможно ли, прячась за чужой личиной, обрести себя? Это Марите только предстоит узнать.

Содержание

Равновесие	5
Шаткость	14
Глава 1. Фокус с монеткой	25
Глава 2. Клетки и ключи	78
Глава 3. Ночные секреты	110
Глава 4. На длинной цепи	146
Глава 5. Второе дно	178
Глава 6. Горячая картошка	209
Глава 7. Шанс для паршивой овцы	238
Глава 8. За белой вуалью	264

Шая Воронкова

Кровь и струны

Пич добав описание подвески

Равновесие

Крыса кидалась на железные прутья с отчаянием человека, противостоящего волчьей стае. Ее грязная шерсть вздыбилась и растрепалась, а глаза опасно блестели, будто два сигнальных костра. Марита знала, что если просунуть в ловушку палец, крыса тут же вопьется в него зубами, но все равно испытывала к серой твари жалость. Та продолжала бороться, хотя не могла победить. А что бы делала на ее месте сама Марита?

В последний раз полоснув по металлу когтями, крыса приникла к днищу, злобно оскалившись. Она часто и тяжело дышала, и сквозь проплешины на боках виднелись очертания ребер. Похоже крыса в ловушке уже давно. Даже делать ничего не надо – еще день голода, и уйдет в Тень. Марита чуть повернула ловушку, и они с крысой столкнулись взглядами. В звериных глазах не было страха, только желание сражаться до конца. Марита покачала головой, будто отвечая на собственный невысказанный вопрос. Нет. Сегодня – нет.

Она перехватила ловушку поудобнее и спустилась по влажным ступеням вниз, на задний двор. Туман, почти растаявший на солнце, тут же принялся хвататься за щиколотки дымчатыми щупальцами. Каблуки туфель вязли в сырой земле. Обойдя расставленные ровными рядами ящики из-под овощей, Марита опустила ловушку на землю и села ря-

дом на корточки, придерживая подол.

– Верис не будет рад, если я тебя выпущу, – сказала она крысе, словно делилась большим секретом. Та не двинулась, следя за потянувшейся к клетке рукой напряженно блестящими глазами. – Но мы ему не скажем.

Марита бледно улыбнулась и осторожно подняла заслонку. Та скрипнула, неприятно резанув по ушам, и на пальцах остался слой ржавчины.

Крыса застыла, все еще настороженная и слишком истощенная борьбой, потом на пробу повела по воздуху носом. Ну же, глупая, беги, пока можно. Палец щелкнул по прутьям, заставив их зазвенеть, и тварь наконец-то выскочила наружу и быстрыми скачками понеслась прочь. Ее серая спинка мелькнула меж крепких перекладин забора и исчезла вдали. Марита кинула вслед крысе последний взгляд. Легко зверю: от проблем можно просто убежать. У людей все немного сложнее. Она постояла еще чуть-чуть, оттягивая возвращение в дом, но все-таки подхватила ловушку и поднялась по ступеням.

Внутри было жарко и влажно, отчего волосы на затылке мгновенно взмокли. Тут же захотелось вернуться обратно во двор, но Марита задавила это желание на корню, как и ворочающееся в груди волнение. Все выглядело идеально: блестящий от чистоты пол, свежестырированные занавески, ровно разложенные инструменты в кладовке, куда она собственно-ручно вернула пустую ловушку, решив не дергать слуг. Бес-

покоиться не о чем.

Удостоверившись, что даже на самых дальних полках с книгами нет ни пылинки, способной испортить Верису настроение, Марита прошла в столовую. Там уже хозяйничала Лиска: порхала вокруг стола, раскладывая приборы. Ее подетски пухлые пальцы двигались удивительно быстро, а широкие глаза светились усердием. Сквозняк из окна колыхал кружевной край белой скатерти, будто корабельный парус.

Над уже расставленными тарелками поднимался пар, облачками повисая в воздухе и распространяя густой, насыщенный аромат мяса. Он успел заполнить собой всю комнату, казалось, пропитав насквозь и настенные полотна с цветочной вышивкой, и узорчатый ковер на полу, и даже глиняную вазу со свежим васильковым букетом.

Марита поздоровалась кивком и уселась на лавку, оправив платье. Двухцветное по вентонскому обычаю, оно состояло из двух равных вертикальных половин. Сегодня это были золотистый и пепельный. Будто бы свет сражался с тьмой, но никто так и не мог победить. Равновесие. Платье, как нельзя лучше подходящее этому дню.

Лиска почти закончила, когда дверь распахнулась, пропустив внутрь Вериса. Свет, проникающий сквозь окно, мягким сиянием обрамил его лицо, и Марита застыла, вновь замороженная этой красотой – прямо как в день, когда они впервые встретились. Верис казался изящной стеклянной фигуркой или диковинным цветком. Сказочным принцем,

чьи волосы сотканы из солнечных лучей, а в глазах прячется туман.

– Доброе утро, господин, – чуть присев, поздоровалась Лиска.

Верис улыбнулся, и на его щеках появились очаровательные ямочки. Он кивнул служанке и повернулся к Марите. Та почувствовала, как в животе у нее екнуло.

– Здравствуй, – сказал он, мазнув по ее щеке поцелуем, прежде чем сесть на единственный стул.

Губы, едва коснувшиеся кожи, показались влажными и холодными, будто лед. Видно, только вернулся из погреба, в котором недавно начал ревизовать вино. Марита заставила себя не кривить лицо, хотя ощущение склизкого отпечатка на щеке не желало пропадать.

Верис, казалось, этого не заметил. Щурясь, будто кот, он склонился над тарелкой и с наслаждением втянул носом разлившийся над ней аромат. Фарфорово-белые щеки порозовели от жара.

– Пахнет отлично. Новый рецепт?

Лиска горделиво приосанилась, и прежде, чем Марита успела ее остановить, ответила:

– Это мне госпожа подсказала. Она часто по готовке советует! Правда вкусно?

Верис удивленно вздернул бровь, и в его взгляде почудился металлический отблеск. словно бы сверкнул меч, чуть вытасненный из ножен. Проклятье! Марита внутренне съе-

жилась, но позволила вырваться наружу только досадливому вздоху.

– Ты можешь идти, Лиска, – сказала она, повелительно взмахнув рукой. Но увидев, как опустились плечи Лиски, добавила уже теплее: – Спасибо.

Служанка почтительно присела, отчего ее пушистые волосы заколыхались, словно головка одуванчика, и поспешно юркнула за дверь. Наверняка теперь замучается от совести, бедная девочка. Особенно, если заметила, как дрогнула хозяйкина рука. Может, не стоило ее так резко отсылать? Впрочем, сейчас Марите было не до Лискиных чувств.

Сцепив под столом пальцы, она неотрывно наблюдала, как Верис неспешно зачерпывает суп, как дует на ложку и как тягуче медленно подносит ко рту... От волнения поджался низ живота и аппетит пропал – совсем. Казалось, ложка будет вечно плыть по воздуху, так и не коснувшись губ. Но тут Верис наконец опустошил ее и заработал челюстями. Сердце замерло в ожидании.

– Неплохо, – оценил он и требовательно поинтересовался: – Почему скрывала? Я-то думал, это Лиска наловчилась, жалование хотел поднять.

Грудь затопило облегчение, и плечи сами собой опустились, более не скованные идеально выверенной позой. Обошлось. Марита погладила переставшие дрожать колени.

– Подними, – улыбнулась она и добавила виновато: – Ты же запретил мне готовить. Но я просто хотела быть полезной.

– Дурочка, слуги справятся с этим лучше, – снисходительно отмахнулся Верис. – Впрочем, хочешь – возись. Главное, сама руки не порть и ничего от меня не прячь. Ты же знаешь, я не люблю, когда ты так делаешь.

И, перегнувшись через стол, покровительственно потрепал Мариту по подхваченным заколкой волосам. Та замерла, не отстранившись, но и не потянувшись навстречу ласке. Только кончики темных прядей защекотали плечи. Странное дело, но пальцы Вериса были холодными, почти ледяными – прямо как лезвие ритуального серпа. Стоило об этом подумать, как вспомнился голос женившей их жрицы и срезанные пряди, летящие в костер. В воздухе почудился запах паленых волос.

Верис откинулся на спинку стула и вновь зачерпнул суп. Он никуда не спешил, и эта леность сквозила в каждом его взгляде и жесте. Марита глядела на зажатую в сильной руке ложку, на гладкий край тарелки и на белую скатерть, настолько чистую, что первый снег рядом с ней показался бы грязью, и пыталась найти в себе силы сделать все правильно. Наконец, она решилась и заглянула мужу в глаза.

– Верис, я...

Но тот вдруг перебил, поморщившись:

– Милая, закрой-ка окно.

Марита досадливо дернула уголком губы и оглянулась через плечо. Причина недовольства Вериса прояснилась быстро: с улицы доносились веселые крики и музыка. Марита

быстро подошла к окну, спеша вернуться к разговору, но не сдержалась и выглянула.

Солнце лизало стены жмущихся друг к другу домов. По улице живо семенила низкая, но крепенькая лошадка, каких любят в Мозории. В ее гриву были вплетены разноцветные ленты, а позади ехала крытая деревянная повозка с полукруглой крышей, красной, как спелое яблоко. Из квадратных окон высывались то дрыгающиеся сапоги с бубенцами, то лица в уродливых разукрашенных масках, кривляющиеся на потеху толпе.

Марита невольно засмотрелась и пришла в себя, только когда фургончик почти проехал мимо. Позади, на маленькой ступеньке, сидела девочка и болтала ногами. Увидев зрительницу, она подмигнула и залилась смехом.

Марита привычно скривила губы. Какая отвратительная безвкусица! Неужели она сама когда-то была такой? Прав Верис – этим бездельникам стоит запретить въезжать в города. Только порядочных людей обирают и улицы пачкают, а пользы не принося... Марита запнулась, резко осознав, что же такое она думает, и в груди неприятно заворчалось. И как раньше не заметила этого голоса, заменившего собственный, как позволила пустить корни так глубоко?

Как посмела ему поверить?

Со злостью схватив ставни, она изо всех сил дернула их на себя. Хлопнуло. Тревожно заколыхалась задернутая занавеска. Ярость схлынула так же резко, как пришла, оставив после

себя раздирающую вину, и Марита закусила губу. Все так запуталось... так переплелось... Легче разрубить весь комок, чем пытаться развязать по узелку. Но она обязана попытаться. Марита медленно обернулась, украдкой выравнивая дыхание.

Пока она разбиралась с окном, Верис успел ополовинить тарелку. Проглотив очередную ложку, он вытер от жира губы, оставив блестящий след на тыльной стороне ладони, и потянулся за чашкой с травяным чаем. Серые глаза медленно скользнули по Марите. Она замерла, гадая, зацепится ли Верис за прилипшие ко лбу влажные прядки, за пальцы, стиснутые до бела, за наверняка ставшие резкими черты лица. Но тот лишь вскользь мазнул по переливающемуся на свету подолу.

– Забыл сказать – отлично смотришься в этом платье, дорогая. Не привык видеть тебя в нем в обычный день, – мужчина поднес к губам чашку и осушил за пару глотков. – Есть какой-то пов...

Верис вдруг запнулся и побледнел – так мгновенно, будто весь цвет покинул его разом. Марита открыла рот, но ничего сказать не успела. Мужчина подскочил на ноги, пошатнулся – и рухнул на пол, опрокинув стул. Раздался грохот, звон, в сторону разлетелись черепки от разбитой чашки.

Марита сдавленно вскрикнула и, рванув вперед, склонилась над неподвижным телом, не думая ни о том, что пачкает подол об пол, ни о случайно оголившемся бедре. Неуже-

ли... неужели он правда... Пальцы с дрожью коснулись чужой шеи, сжались на плечах.

Глаза Вериса закатились и покраснели, будто в них лопнули все сосуды разом, рот скривился, а в уголке губ вспенилась слюна. Несмотря на кровь, болезненно бьющуюся в висках, Мариту охватила странная легкость, почти на грани потери сознания: звоном отдалась в голове, заставила онеметь руки и затуманиться в глазах.

Едва не теряясь в расплывающемся мире, Марита затрясла Вериса за плечи, но тот только безвольно трепыхнулся, словно кукла. Обмякший. И холодный, как ледяное изваяние. Как он мог так быстро остыть? Как? Казалось, все происходит не на самом деле и вот-вот развеется, будто сон.

Но Верис продолжал лежать, а Марита – цепляться за его неподвижное тело. Мысли вспыхивали в ее пустой голове и тут же гасли, словно искорки в ночи. Надо проверить... Ей правда надо проверить... Преодолевая поступившую к горлу вместе с ужасом тошноту, Марита порывисто прижалась ухом к мужской груди, смяв шелковую рубашку, и вслушалась в стук сердца. Она все ждала и ждала хоть какого-то звука, но вокруг стояла будто бы непроницаемая тишина.

Верис был мертв.

Шаткость

Эстелла кралась по каменной лестнице, представляя себя прекрасной принцессой, которая бежит из замка через тайный ход.

Ход действительно был тайным и выглядел соответствующе, словно сошел со страниц книг: темный, узкий, холодный, будто змеиное чрево, он заставлял вздрагивать от каждого звука. Не хватало только слоя пыли и затхлой вони. Воткнутые в щели курительные палочки неторопливо тлели, источая сладковатый аромат. Запускать даже такие места было не в характере отца.

Эстелла чихнула и шмыгнула носом, борясь с желанием его почесать. Руки были заняты: одной пришлось подхватить платье, чтобы подол не елозил по влажным от сырости ступеням, вторая же держала маленькую масляную лампу. Огонь бросал красновато-оранжевые отблески, следующие за Эстеллой, как живые, словно ее маленькая личная свита.

Через еще пару выщербленных ступеней лестница кончилась и вывела на небольшую площадку. Дальше коридор заворачивал вправо. Эстелла остановилась и осторожно выглянула из-за угла, прикрывая лампу рукой. До этого каждый шаг отдавался гулким эхом, поэтому наступившая тишина заставила холодок поползти вниз вдоль позвоночника.

Ей нельзя было находиться здесь. Категорически, совер-

шенно, никак нельзя. Она чувствовала себя обласканной домашней кошкой, сбжавшей в лес к дикому коту, и это было недалеко от правды. Эстелла досадливо закусил губу. Она боролась с любопытством каждый раз, когда Ранни спускался в тайный ход вместе с отцом, но проиграла только сегодня. Потому что Ранни впервые пришел не один.

Коридор за углом оказался пуст, но это не успокоило, а только заставило сердце забиться еще сильнее. Как же страшно! Но назад поворачивать нельзя. Эстелла сделала глубокий вдох, представляя, как на ее плечах появляется плащ-невидимка, и так же медленно выдохнула. Пальцы, держащие лампу, перестали дрожать, и оранжевые отблески остановились. Вот и все. Она давно уже взрослая, а чудовищ не существует.

– Чудовищ не существует, – прошептала Эстелла одними губами, словно заклинание, и, пригибаясь и вжимая голову в плечи, двинулась вперед.

Раньше она никогда не заходила так далеко. Даже отец, вода по обходным путям из замка, этот ход пропустил, показав только лестницу. Именно поэтому его запрет было так волнительно и жутко нарушать.

Там, за поворотом, потолок был выше, а на стенах горели факелы, воткнутые в металлические крепления. На камне виднелись неровные круги въевшейся копоти. Воздух заметно посветлел, а темнота отступила, притаившись по углам, и Эстелла почувствовала себя увереннее. Она замедлилась и

принялась было с любопытством оглядывать идущие друг за другом двери, но тут же себя одернула и направилась к последней. Единственной с двойным замком.

У двери Эстелла остановилась – гулко стукнули о пол каблуки туфель – и, поставив лампу у стены, приложилась к прохладному дереву ухом. Сперва ничего, кроме собственного дыхания и треска факелов, не услышала. Неужели ошиблась? Она уже собиралась отстраниться, когда изнутри наконец донеслись приглушенные голоса.

– Как продвигается? – спрашивал отец.

– Все по плану, – отвечал ему низким голосом Ранни.

Эстелла не смогла сдержать улыбки и поерзала на месте, заставив платье зашелестеть. Вот бы увидеть... Может, приоткрыть дверь? Замерла, пораженная собственной смелостью. «Нельзя. Заметят. Обязательно заметят!» – протестовал внутренний голос, будто невидимая гувернантка, угрожающе качающая пальцем.

Но тогда удастся увидеть Ранни...

Эстелла вознесла краткую молитву Сиро и осторожно потянула за ручку. Внутри все сжалось, но скрипа не последовало – дверь мягко приоткрылась, словно ее регулярно смазывали. Стискивая дрожащими пальцами подол и едва дыша, Эстелла осторожно приникла к щели. Она чувствовала себя глупо, слово маленькая девочка, которая подглядывает за взрослыми. Но отступить было поздно.

По комнате разливался мерный оранжевый свет. В зазоре

виднелся кусочек стола с лежащим на нем свертком и высокие отцовские сапоги. Такие начищенные, что всполохи огня отражались в них расплывчатыми бликами. Эстелла затаила дыхание, прислушиваясь.

– Все слишком затянулось. Мы и так ходим по льду, так что я хочу точно знать, когда он треснет.

Голос отца звучал слегка устало, но твердо. Сапоги медленно прошлись взад-вперед, на мгновение остановившись перед щелью. Он же сейчас увидит, что дверь открыта!.. Эстелла испуганно зажала ладонью рот, но отец, постояв, вновь вернулся к столу.

– Я понимаю, мой лорд. Что по поводу вопроса, о котором...

– Мы обсудим его позже.

Отец оборвал Ранни в своей манере: мягко, но непреклонно. Раздался шелест, и в проеме мелькнула знакомая рыжая прядь. Как бы взглянуть... Эстелла нетерпеливо заерзала, переместившись влево, и наконец смогла увидеть все: и широкоплечую фигуру, и пылающие костром волосы, и даже высящийся позади книжный шкаф. Сердце едва подпрыгнуло, но тут же ухнуло обратно. Рядом с Ранни стоял тот, второй. Невысокий, тощий юноша с жесткими, зачесанными набок прядями.

– Хорошо, – легко согласился с требованием отца Ранни и подтолкнул юношу в спину. – Давай, Крысенок.

Тот насупился, но зашагал – сперва по инерции, а потом

уже сам. Дойдя до стола, Крысенок остановился и потянулся к свертку. Ткань с шелестом соскользнула на пол, обнажив что-то округлое и белесое. Эстелла прищурилась, вглядываясь, и едва не дернулась от ужаса: пальцы Крысенка бережно придерживали человеческий череп.

Нет, быть не может! Просто почудилось от страха, как бывает, если разглядывать спальню в темноте. Только вот в комнате так светло, что можно прочесть название на корешке ближайшей книги. Эстелла попыталась потереть глаза или хотя бы зажмуриться, но тело будто оцепенело.

Юноша медленно провел по черепу пальцами. Это был такой привычный, даже будничный жест, что в груди проклюнулся страх и пустил корни глубже, достав прямо до живота, где свернулся склизким комом. Крысенок глубоко вздохнул – поднялись и опустились плечи – и, обхватив череп по бокам ладонями, приложил к своему лбу. Так, словно просто воссоединялся с давно потерянным другом.

Руки Эстеллы, стискивающие подол, свело дрожью. Ее разум рисовал картины одну другой ужаснее: выскакивающих из теней зубастых тварей, льющуюся из пустых глазниц кровь или даже самого Зилая, воплотившегося посреди комнаты. Но ничего не происходило, лишь мгновения тягуче длились одно за другим. Спина Эстеллы начала ныть, поджатая нога занемела. Крысенок замер с закрытыми глазами, веки его не двигались. И тут вдруг волосы на голове юноши зашевелились.

Сначала подумала – показалось. Слишком уж напряженно вглядывалась. Но тут пряди закачались вновь, словно нежно подхваченные ветром. В груди у Эстеллы похолодело. Она видела – ворот куртки Крысенка не шевельнулся.

А невидимый ветер усилился: зашипел, будто змея, начал неровную челку, взъерошил короткий ежик на затылке. С каждым разом он налетал все резче и злее, все безжалостнее, пока, наконец, не принялся хлестать волосами прямо по щекам – и вдруг затих. Пряди застыли в воздухе, словно время на мгновение остановилось, а потом медленно опали обратно. По черепу пробежала рябь и отдалась дрожью в держащих его пальцах.

К горлу подкатила горячая волна, и Эстелла сглотнула, а потом еще раз и еще. Надо бежать, надо спастись, пока Оно не вернулось, не заметило ее, притаившуюся у двери. Но ноги отказывались слушаться.

Крысенок шипяще выдохнул сквозь сомкнутые зубы, резко и почти болезненно. То ли так падал свет, то ли глаза Эстелле вращались, но вены на руках юноши вздулись и засияли жемчужно-белым. Однако стоило моргнуть, как наваждение пропало. Крысенок медленно, словно преодолевая сопротивление, опустил череп обратно на стол и приоткрыл глаза, растерянно моргая.

– Ну? – поторопил его Ранни.

Юноша беззвучно зашевелил губами, вздрогнул, прокашлялся.

– Скоро... очень скоро... – неожиданно звонко начал он, но под конец все-таки сорвался на сип. – Месяца три максимум – и все будет кончено.

Отец досадливо цыкнул. Этот звук, такой привычный и даже родной, привел в себя. Эстелла даже увидела перед внутренним взором, как мужчина задумчиво трет переносицу, перебирая варианты, и тошнота, наконец, отступила. Только во рту остался противный привкус, а по спине сбегала капелька пота. Эстелла осторожно пошевелилась, разминая успевшие затечь конечности. Надо уходить... Но она продолжила слушать.

– Можешь замедлить это или остановить? – спросил отец.

Крысенок, уже успевший отступить к Ранни, словно пугливый зверек, помотал головой.

– Нет, наверное... Может, смогу погрузить в сон, но не знаю, удастся ли пробудить ее снова. Да и это только отсрочит смерть. Совсем чуть-чуть.

Юноша звучал неуверенно, словно сам путался в том, что говорил. Отец вздохнул.

– Хорошо. Тогда действуем дальше, как и собирались.

Ранни улыбнулся – понимающе, но хищно. Эстелла все еще не привыкла видеть его таким... довольным, как зверь, спущенный с цепи.

– Слушаюсь.

Он кратко, с почтением кивнул и потрепал Крысенка по плечу. Тот вздрогнул, приходя в себя. Отец продолжил:

– А по поводу нашей маленькой помехи – время настало, я развязываю тебе руки. Сейчас мне меньше всего хочется видеть на доске лишние фигуры.

В этот раз улыбка на лице Ранни была такой же ослепительной, как солнце. Он поклонился, плавно проведя рукой в сторону, и рыжие волосы мелькнули в воздухе языками пламени.

– Благодарю, мой лорд.

Странное дело, но его слова возымели такой же эффект, как щелчок кнута над ухом. Эстелла с непонятно откуда взявшейся прытью вскочила на ноги и, подхватив лампу, попятилась к лестнице. А потом побежала. Быстро, как олень, спасающийся от стаи гончих.

Но от мыслей, пчелами роящихся в голове, убежать не удалось. Что это было там, внизу? Мерзость. Запретное колдовство. И Ранни в этом учувствовал? Неужели он?.. А отец? Эстелла упрямо мотнула головой. Нет, нет, нет! Отец ни за что бы не пошел на подобное просто так. Наверняка у этого Крысенка есть разрешение. Верно. Иначе и быть не может. Отец всегда чтит закон, он не стал бы так беспечно через него переступать.

Переступать... Перед глазами вновь всплыл зияющий пустыми глазницами череп, и Эстелла, пожившись, ускорила шаг, отбивая каблуками военный марш. Стоило быть тише, но она не могла себя заставить. Стены вокруг словно давили, а аромат курительных палочек вис на шее петлей. Быст-

рее, быстрее на воздух, пока не стало совсем дурно. Эстелла взлетела по последней ступеньке и, едва нащупав нужную выемку, протиснулась в появившийся проход. И тут же закрыла его, резко дернув вниз закрепленный на стене канделябр. Глухо заскрежетало. Оплывший на ножке воск оставил на ладони тонкую пленку.

Эстелла выдохнула, щурясь от слишком яркого света и чувствуя, как сдавливающее грудь металлическое кольцо разжимается. Успела. Утерев уже почти не дрожащими пальцами пот со лба и оправив платье, она развернулась и столкнулась нос к носу с Тернием. Ойкнула от неожиданности. Мозориец всплеснул руками и изобразил на лице крайней степени изумление.

– Молодая леди! Какая приятная встреча, – весело сказал он с улыбкой, но в глазах так и осталось что-то темное.

Как же не вовремя! Эстелла поспешно спрятала лампу за спину.

– Здравствуйте, уважаемый Терний.

Она поежилась, будто снова оказалась в холодном подвале, и тоже приветливо заулыбалась. Как и всегда при встрече с Тернием, в груди сам собой задрезжал страх. При первом знакомстве мозориец напомнил раскормленного домашнего кота. Округлый живот, похожий на барабан и всегда неизменно обтянутый линялым бархатным камзолом, густые пшеничные усы, румяные щеки, нос картошкой – прямо-таки добродушный толстяк из сказки. Но порой Терний казал-

ся лисом, вьющимся возле курятника.

Например, сейчас.

– Ну какой «уважаемый Терний», я же просил звать меня просто дядюшка Толли, – деланно нахмурился он и погрозил Эстелле пальцем.

Та почувствовала, что улыбка вот-вот из непринужденной станет натянутой.

– Дядюшка Толли, – послушно повторила она.

И почему Эстелла вообще должна расшаркиваться перед каким-то начальником стражи? Но с указами отца не спорят.

Терний довольно сощурился.

– То-то.

И вдруг неожиданно ловко ущипнул Эстеллу за нос. Та растерянно и недовольно заморгала. Мозориец хохотнул, удовлетворенный своей проделкой, и степенно двинулся прочь.

– Доброго вечера, молодая леди, – сказал он, проходя мимо. – А платью лучше сменить. Прискорбно, но вы где-то испачкались.

Эстелла резко обернулась. На подоле расплывалось жирное пятно от вытекшего из наклоненной лампы масла. Зилай! Теперь точно попадет, как ни ври. Она нахмурилась, глядя вслед Тернию, и замерла, осененная внезапной мыслью.

Отец звал Терния своим приятелем, что было странным, но допустимым. Он же разрешил тому гостить в замке, и это

тоже подозрения не вызывало. Конечно, приятель лорда Каллисто мог спать в его гостевой, брать книги из его библиотеки и даже подтрунивать над его дочерью. В конце концов, барон Винконо позволял себе и большие чудачества. Однако Терний был не просто начальником стражи, он был начальником стражи почившего недавно виконта.

Раньше Эстелла не придавала бы такой мелочи значения, но теперь это наблюдение отозвалось тревогой. Что-то произошло, что-то важное, взрослое, «не для твоих ушей, глупышка, в голову не бери». И Ранни сунулся в самый эпицентр.

Эстелла стиснула губы, сумрачно уставившись на выглядывающие из-под подола носки туфель. Ее мир разваливался на части, менялся, становился совершенно шатким, как бы она ни пыталась его удержать.

Глава 1. Фокус с монеткой

Запах цветов преследовал ее, даже когда сад остался позади, будто внутри стен распускались невидимые бутоны. Барон Реплих действительно был богат, раз мог позволить себе живые цветы. Правда, только снаружи – в вазах, расставленных на лестнице, виднелись розы, свернутые из ткани и сбрызнутые духами. Воду в Урносе ценили больше золота.

Широкие ступени кончились, и Марита прошла следом за Сиего в коридор. Просторный и светлый, он был пронизан золотыми лучами, бьющими в окна. Противоположную стену заставили парадными рыцарскими доспехами. В прорезях шлемов зияла пустота, но Марите все равно чудились внимательные взгляды, направленные в спину. У одного из рыцарей она остановилась и заглянула в начищенный до блеска нагрудник.

Из-под обрика выбилась прядь, а под глазами проступили некрасивые синяки. Марита со вздохом затолкала волосы обратно под ткань, покрывающую голову, и поправила удерживающий ее обруч. За месяц, поведенный в чужой стране, она так и не смогла привыкнуть к местной одежде. Укороченную спереди юбку хотелось оттянуть пониже, а скошенные рукава блузки закатать, чтобы не мешались. И как простолюдинки в таком работают?

– Да хороша, хороша, – хохотнул Сиего, видя, как она хму-

рится. – Тебе ж не замуж за госпожу идти.

– Некрасивыми любят только монеты.

Фраза слетела с языка сама собой, и Марита внутренне скривилась: по привычке сказала. Был бы тут Верис... В груди неприятно царапнуло, и она со вздохом отвернулась от собственного отражения. Вериса нет, и слушать его Марита больше не обязана.

Но отвыкнуть не получалось.

– Эт кто тебе сказал такое? Отец, что ли? – простодушно спросил конюх.

Марита неохотно кивнула, позавидовав его беспечности и неведению. В мире Сиего отец был жив, труппа процветала, а Марита всего лишь ушла из ремесла и пыталась встать на ноги после потери мужа. Она не стала развеивать эту розовую дымку, хотя от нее на душе стало гадко. Пусть так. Хорошо бы вообще не связывалась со старыми знакомыми, но выбирать не приходилось. Сиего был последним шансом.

Конюх пожевал губами. Он напоминал старого охотничьего пса, давно потерявшего нюх и хватку, которого продолжали держать только за добрый нрав. Весь сухой и морщинистый, мужчина прихрамывал на ходу и то и дело потирал рыжеватые с проседью усы. Фиалковому цвету Сиего совсем не подходил – слишком неидеальный и блеклый, даже посредственный, он не вписывался в просторные залы, отделанные мрамором и хрусталем.

Прямо как Марита.

Она отступила на пару шагов и потерела вплетенную в косу сиреневую ленту. Жалкая попытка вписаться в чужой, яркий и сверкающий мир, но Марита хотела эту работу. Очень. А в личном поместье младшей госпожи фиолетовый был повсюду. Пушистая ковровая дорожка на полу, узорчатые ставни и даже одинаковые двери с арочным сводом – все несло в себе этот глубокий величественный цвет. Один Зилай знал, сколько все это стоило, но Марите таких денег хватило бы надолго.

– Слушай, а какая она, госпожа Бланка? – спросила, заговорившая поглубже проклюнувшуюся зависть.

Сиего замялся и задумчиво потер подбородок.

– Да как и все. Ездит на балы да приемы. Цветы рисует, – сказал мужчина и, опасливо оглядевшись по сторонам, перешел на шепот: – Только капризная немного. Ты, это, лучше с ней не спорь.

Только этого не хватало! Марита напряглась, усилием воли удерживая маску вежливого внимания на лице. Непредсказуемые хозяева – хуже морского шторма. Раз оступишься – и потонешь.

– Сиего, а почему здесь так много солдат? – осторожно уточнила она, прощупывая почву. Сбежать еще не поздно. – На улице, в поместье.

– А ты что, не знаешь?

Марита скупно пожала плечами. Когда бежишь не оглядываясь, а погоня опалает дыханием затылок и почти наступает

на пятки, не до трактирных баек. В памяти вновь всплыли и липкая темнота ночи, и топот тяжелых сапог, и тощая пси-на, с которой они столкнулись в подворотне. В ушах задрезжал звонкий собачий лай. Кожа покрылась мурашками, и Марита поспешно задавила воспоминание, прежде чем то взяло над ней верх.

– Слышала, что виконтство никак не поделят, – предположила она, стараясь сосредоточиться на разговоре.

Сиего кивнул.

– Наш господин Риано-то наследничков не оставил, вот и мучаемся. Баронья грызутся за земли, как псы за кость, – конюх нахмурился, сморщив лоб. – И батька младшей госпожи тоже.

– А король?

Сиего добродушно рассмеялся, но в его голос все равно закралось снисхождение.

– Это у вас, в Вентонии, дворяне по струнке ходят и любой чих с бумажкой сверяют. А у нас Его Величество с мелкой грызней возиться не станет. Не по чину. Нет, только наш граф мог порядок навести. Но и ему не до того, – конюх досадливо махнул рукой, чуть не сшибив притороченный к стене резной подсвечник.

Марита машинально поправила его, выровняв и отряхнув от пыли.

– Я думала, это граф должен назначить нового виконта, – сказала она, оценивающе оглядев свою работу.

Сиего как-то странно скосил глаза, и Марита опомнилась и принялась с досадой отряхивать ладони. Проклятые привычки! Верис уже давно не может ее отругать, а руки продолжают сами собой тянуться к перекошенным картинам и налипшим на шторы пылинкам. Как же это вытравить, как вырвать с корнями? Вгрызлось, словно сорняки.

– Так-то оно так, – вздохнул Сиего, невозмутимо двинувшись дальше по коридору. Наверное, и не такое видал. – Но как его аквалка заболела, граф Кортес только и делает, что ищет лекарство. Уже который год.

Марита привычно подстроилась под чужой шаг, время от времени кивая в такт рассказу. Про одаренных, способных вызвать дождь, вернуть воду в иссохшее русло реки или найти подземный источник, говорили даже за пределами Урноса. Здесь же аквалы ценятся выше короля – разве что свобод у того побольше. Сиего тем временем продолжил причитать:

– Дело, конечно, важное, но я так скажу: под носом нашего графа чего только не творится. Разбойники свои поборы даже не скрывают, баронья лаются, поля сохнут. А он не замечает. Эх, Зилай, тяжелые времена пошли.

Уголки его губ досадливо опустились. Марита хмуро поглядела себе под ноги, запоминая полученную информацию, хотя больше всего ей захотелось просто выругаться. Ну и вляпалась, по самую макушку. А чего она хотела, прыгая на первый попавшийся корабль? Вот он и спас беглянку от одного чудовища и высадил прямо в пасть к другому.

Обуреваемая тревожными мыслями, Марита не заметила, как дорожка завернула за угол, и они оказались перед дверью с цветочной резьбой.

– Пришли, – объявил конюх немного нервно.

И сложил опущенные руки лодочкой, воздав молитву Си-ро прежде, чем постучать. У Мариты во рту мгновенно пересохло. За этой дверью с фиолетовыми розами, переплетшимися между собой в причудливом узоре, притаилось ее будущее. Что оно принесет: теплый суп или черствый хлеб, чистую кровать или затхлую лежанку? Марита вся подобралась в ожидании стука, а потом – последовавшего за ним ответа.

Сиего ободряюще похлопал ее по плечу и вошел в комнату первым, вынудив шагнуть следом. Запах цветов усилился, будто в нос ткнули свежим букетом. Только спустя пару мгновений Марита поняла, что это вновь духи, и украдкой чихнула, прикрываясь рукавом.

– Вот та деvушка, о которой я говорил, госпожа, – с кряхтением поклонившись, представил ее Сиего.

Марита тоже поспешила присесть и только потом осмотрелась. По светлому дереву бежал изящный рисунок распустившихся бутонов. Вдоль одной из стен тянулся ряд шкафов, по бокам – по ростовому зеркалу. Маленькие диванчики, заваленные платьями, обрамляла по низу пушистая бахрома. И все это – в оттенках фиолетового. В глазах тут же зарябило, и Марита постаралась поменьше глазеть по сторо-

нам.

– Ты можешь идти.

Голос оказался таким приторно сладким, что она невольно подняла голову.

Леди Бланка сидела на мягком изогнутом кресле, откинувшись на округлую спинку. Она медленно потягивала золотистый напиток из высокого бокала, который то и дело брала со стеклянного столика. Непривычные для урниеи темные волосы ниспадали на ее узкие плечи, глаза были картинно распахнуты, а губы изогнуты в жеманной улыбке. Марите госпожа показалаь фарфоровым цветком: хоть и красивый, но он не пахнет, и пчелы на него не сядут.

Сиего еще раз поклонился и, кинув на Мариту виноватый взгляд, юркнул за дверь. Госпожа плавно встала, заставив пухлую служанку, возящуюся с ее волосами, попятиться. Волнообразный низ ее сиреневого платья заколыхался, а похожие на капли рукава идеально очертили изящный силуэт. Широкие на плечах, они плавно сужались ближе к локтям, невесомо ложась на кожу.

Вновь вода. Урнийцы воплощали ее в каждой песне, которую пели, в каждой вещи, которую создавали, и каждой молитве, которую возносили. Иногда Марите казалось, что даже их сердца состоят из тысячи капель.

Госпожа склонила голову, и ее взгляд, холодный и оценивающий, уткнулся Марите где-то посередине макушки и стал опускаться ниже. Она продолжила молча стоять, чинно

прижимая руки к юбке, чтобы спрятать ладони в глубоких складках. Слишком нежные, без единой мозоли, они не могли принадлежать простолюдинке, и даже последняя дурнушка бы это поняла. Но леди Бланка даже не попыталась их рассмотреть. Прищурившись, она обошла Мариту кругом, будто выбирая скаковую лошадь. Взгляд последовал за госпожой и невидимой змеей обвил поперек талии, заставив напрычась, но Марита легко выдержала его, даже не шевельнувшись.

Уроки отца не прошли даром.

Эта мысль привычно наткнулась на стену. В голове завертелось: не смей, забудь, не вспоминай, он подлец, преступник, он...

«Он меня любил, – упрямо повторила про себя Марита, усилием воли заглушая чужой голос. – До последнего». Прозвучало так жалко и несмело, что стало тошно. Да кому она нужна после всего? Только Верису и была. А теперь... Марита глубоко вздохнула и запретила себе думать, всецело сосредоточилась на госпоже, будто весь мир сжался, сузился до ее фигуры.

Та плавно опустила обратно на кресло. На идеальном кукольном лице не отразились ни недовольство, ни удовлетворение. Служанка леди Бланки тут же подскочила и вновь принялась порхать вокруг ее головы, будто птичка.

Госпожа задумчиво поднесла бокал к губам.

– Как тебя зовут? – спросила она, прежде чем отпить.

– Марита, госпожа.

– Откуда ты?

– Из Вентонии.

Они перебрасывались рублеными фразами, словно шариками. Леди Бланка покачала головой с легким удивлением, отчего служанка едва не ткнула в нее заколкой.

– Ты хорошо говоришь на урнийском. Как ты забралась так далеко от родных земель?

– Спасибо, госпожа. У меня здесь дальние родственники. Они помогли мне, когда было некуда идти, но я не люблю сидеть на чужой шее.

Все это Марита говорила, опустив глаза, и, будто хороший аптекарь, тщательно вымеряла грусть и достоинство, звучащие в голосе. Многократно отрепетированная легенда сама срывалась с языка. Ложь и правда переплелись в ней так плотно, что Марита и сама начинала верить. Родня, знакомые... Какая разница?

Леди Бланка почти театрально постучала ногтями по подлокотнику кресла и окрикнула служанку, когда та слишком сильно дернула за прядь. Девица съежилась и заработала руками еще быстрее и суетливее.

– Почему у тебя такие длинные волосы? – вдруг спросила госпожа.

Внутри у Мариты потяжелело, словно на грудь опустили камень. Она невольно коснулась плотно сплетенной косы, опускавшейся чуть ниже лопаток. Надо было все-таки отре-

зять. Но не смогла. Даже нож поднесла – и не смогла.

– Это знак траура, госпожа, – медленно ответила Марита, словно сама в это так и не поверила. – Там, откуда я родом, так ходят вдовы.

Леди Бланка нахмурилась. Даже это вышло у нее совершенно неестественно, как у плохой актрисы, каких Марита встречала раньше: они всеми силами старались оставаться красивыми, даже когда роль требовала рыдать или корчиться от боли. Отец бы такую сразу выгнал, не посмотрев на прелестное личико.

Как странно было вновь о нем вот так вспоминать. Даже стыдно. Будто пытаться опереться на человека, которого еще вчера сама толкала. Марита не имела на это права. Но больше было не на кого.

– Вздор. Ты должна будешь их расплести, поняла? – почти приказала молодая госпожа.

Марита поморщилась: сама не понимала, почему так держится за эту косу, за старое платье, спрятанное в дорожном мешке, и за тень-хранителя, которого рисовала в дешевой комнате, где была вынуждена ночевать. Все это больше не имело значения. Оно сгнуло там, за морем, и хорошо бы отпустить оставшиеся крохи. Но что тогда останется от самой Мариты?

Она стиснула пальцы, заведенные за спину. Не важно. В ее кошеле – только дыры, последние монеты ушли на эту косую юбку и дурацкую блузку. Марита получит эту работу – или

сгинет в грязной подворотне.

– Если... госпоже будет так угодно, – ответила она покорно.

Леди Бланка прищурилась, стараясь разглядеть хотя бы отголосок неповиновения в чужом лице, но, конечно, не нашла. Годы на сцене даже замужеству не удалось стереть, хотя, когда пользовалась старыми трюками, Марита чувствовала себя, как воровка. Едва ли теперь она имела на них право.

– А как умер твой муж?

Сердце дернулось, как рыба, попавшая на крючок. Марита незаметно прикусила внутреннюю сторону щеки. «Жонглируй, дочка, – повторила она про себя слова отца, в этот раз уже уверенней. – Кусочки истории – это шары. Они полетят туда, куда ты их направишь».

– Волки загрызли, госпожа.

Еще одна ложь. Маленький шажок в сторону теплой постели и горячего обеда. Леди Бланка безразлично кивнула, приняв такой ответ без капли сочувствия. Впрочем, Марите оно было и не нужно – ей были нужны деньги.

– Ты умеешь ухаживать за цветами? Подстригать кусты? – внезапно спросила леди Бланка.

– Нет, госпожа, только поливать, – удивилась Марита.

– А шить?

– Вы имеете в виду починку?

– Я имею в виду это платье, например.

Марита непонимающе заморгала, словно потеряв равно-

весие. Почва, на которой она уверенно стояла, стала зыбкой слишком резко, и голос от этого перестал слушаться.

– Нет, госпожа, я...

– Рисовать? Варить отвары?

– Нет, я...

Марита вновь запнулась и замолкла, растерянно смяв в пальцах подол. К чему вообще эти вопросы? Разве служанке надо такое знать? Вопросы вспыхивали в ее голове искрами, не давая сосредоточиться, и стоило бы утихомирить их прежде, чем вновь открывать рот. Но тут леди Бланка недовольно скривила губы.

– Госпожа, я обучена всему, что должна уметь служанка: уборке, готовке, прическам и прочему, – поспешно сказала Марита, от паники вывалив все козыри разом. – Кроме того, я играю на большинстве инструментов, пою, танцую...

Это не помогло.

– Довольно, – резко прервала ее леди Бланка и махнула рукой. – Ты мне не подходишь. Можешь быть свободна.

Мариту будто молотом в грудь ударили. Она застыла и только потому смогла разглядеть эмоцию, быстро мелькнувшую на чужом лице: это было удовлетворение. Ну конечно. Леди Бланка с самого начала не хотела ее брать. Кому нужна чужачка, когда вокруг столько идеально вышколенных кандидатов без странных кос и мертвого мужа?

В носу защипало от обиды, стремительно перерастающей в отчаяние. Вязкое и склизкое, оно поднималось все выше,

пока не встало в горле комом, который не удавалось проглотить. Все кончено. Хлипкая лестница, по которой Марита все это время карабкалась, все-таки рухнула. Она стиснула челюсти, словно разом ощутив эту груду рухнувших ступенек, но заставила себя не опускать голову. А потом медленно, с достоинством поклонилась, хотя больше всего хотелось просто разрыдаться прямо перед проклятой госпожой. Но нет уж, Марита не доставит ей такого удовольствия. Она отвернулась, готовясь уходить.

Служанка, почти закончившая с прической леди Бланки, потянулась к столику за последней заколкой. И уже почти подхватила, когда леди Блака вдруг резко выпростала руку в сторону бокала. Две ладони, холеная и грубая, столкнулись, и тот упал со стола.

Остальное произошло так быстро, что Марита не успела ничего осознать. Бокал полетел на пол, и она машинально крутанулась, поймав его в воздухе, как раньше ловила брошенные отцом шарики.

В комнате повисла тишина. Служанка по-деревенски вытаращила на Мариту глаза, а сквозь маску красоты на лице леди Бланки проступило настоящее, не наигранное удивление. Верно отец говорил – можно проиграть в карты последние штаны, но умение – никогда. Впрочем, на что оно теперь? Марита вновь спокойно поклонилась и, со стуком поставив бокал обратно на столик, направилась к двери.

– Стой.

Оклик застал ее почти на пороге. Сейчас бы завершить сцену как следует: рассмеяться и уйти, картинно хлопнув дверью. Это был бы красивый жест, щелчок по благородному носу... И бездарно упущенный шанс. Поэтому Марита развернулась.

Леди Бланка выглядела так, будто бы делала одолжение, но наметанный глаз все же заметил тщательно скрываемое за напускным безразличием любопытство. Так смотрит заскучавшая кошка, специально отпустившая пойманную мышь: убежит или нет?

– Ты знаешь, что это мой любимый бокал? – спросила леди Бланка, и ее губы тронула наигранная улыбка. – Брат привез мне его из Измовии.

Чуть помедлив, Марита покачала головой:

– Нет, госпожа.

Леди Бланка задумчиво подхватила тонкую ножку и отпила, с наслаждением прикрыв глаза. Марита терпеливо ждала, хотя ее руки, вновь спрятанные в складках, дрожали, а в груди несмело теплилась искра, готовая вот-вот перерасти в надежду. Стоять вот так было едва выносимо, словно держать на плечах каменную глыбу. Наконец, молодая госпожа вновь подала голос:

– Пять вернингов в неделю тебя устроит?

Сердце сделало кувырок и забилося еще быстрее, чем до этого. Едва сдерживая рвущуюся наружу радость, Марита скупо кивнула, ничем себя не выдав. Сейчас она готова была

стать даже крысой, если ей пообещают за это заплатить.

Герб Реплихов представлял из себя черный цветущий чертополох, заключенный в желтый круг. Из того, что Марита слышала про этот род, ей больше всего запомнились шутки. Реплихов сравнивали с репейником, сорняками и липкой смолой. Леди Бланка эти слухи подтвердила, сразу же прицепившись намертво.

«А как в Вентонии? А правда, что вы просто закапываете мертвецов в землю? Отвратительно. А все вентонцы видят ложь? Я вру? А сейчас?» Поток вопросов остановился, только когда госпожа задремала, убаюканная мерным покачиванием кареты. Вторая служанка, та самая пухлая урнийка, заплетавшая леди волосы, тоже то и дело клевала носом. Только Марите не спалось.

Она со вздохом повела плечами. Леди Бланка была в них более узка, так что старое платье госпожи жало и, казалось, вот-вот могло разойтись по шву. Плавный изгиб ассиметричной юбки должен был кокетливо приоткрывать часть ноги, но из-за низкого роста почти волочился по земле, а объемные рукава делали плечи некрасиво широкими. Марита чувствовала себя в этом изящном платье, как осел в дорогой сбруе. Еще и фляга, притороченная к поясу, мешалась. Но делать нечего – здесь их носили все, кроме детей.

Марита перевела взгляд на лицо леди Бланки. Та сидела, чуть откинувшись на мягкую бордовую спинку и прислонив-

шись к стене щекой, и тихо сопела. Сейчас госпожа наконец-то походила на человека, а не на красивую куклу: рот забавно приоткрылся, а одна из прядей съехала на глаза.

«Что же ты задумала?» – спросила Марита про себя, с опаской вглядываясь в безмятежное лицо. Сразу же взять новую служанку на бал – еще куда ни шло. Но зачем отдавать ей свой наряд?

– Твоя одежда слишком поношенная. Да меня засмеют! – вот как это объяснила сама госпожа.

Да, другие девушки в поместье носили вещи подороже, но Марита чувствовала в происходящем подвох, будто зверь, учуявший спрятанный под листьями капкан по стальному душку. И это не давало насладиться мягкими сиденьями и прохладным ветерком, покачивающим тонкую шторку. Нет, надо все выяснить, пока есть возможность. Только как? Ответ тут же глумливо возник в сознании, такой очевидный и такой нежеланный. Она не должна... Но время бала приближалось, а госпожа не спешила раскрывать все карты. Ладно, в последний раз. Марита вновь прислушалась к чужому мерному дыханию и, убедившись, что госпожа действительно спит, чуть наклонилась вперед.

– Эй, Аделла, – шепотом позвала она.

Вторая девушка вздрогнула и суетливо завертела головой по сторонам.

– Приехали?

– Нет, – Марита помедлила, подбирая слова. Это далось

непросто – старые навыки успели покрыться пылью и теперь казались чужими. – Ты не знаешь, зачем это все?

Марита взмахнула рукой, указав на свой наряд. Аделла с опаской покосилась на спящую хозяйку. Когда служанка думала, у нее на лбу пролегла забавная складка – вот и сейчас так же.

– Я не должна об этом говорить, – неуверенно и просто-душно ответила Аделла.

Внутри невольно потеплело от удовлетворения. Вот она, брешь. Не заметив, как карету качнуло на очередной кочке, Марита наклонилась и слабо сжала руки служанки в ладонях.

– Прости, не стоило мне, – мягко сказала она и заставила голос истончиться и задрожать: – Просто я так боюсь – колелки трясутся. Если это все злая шутка...

Боги, зачем она так играет и зачем играет вообще? В ушах снова зазвучал голос Вериса – словно из змеиной пасти ядом закапало. Марита отмахнулась от его слов, как и от проклянувшей вины. Не сейчас.

Аделла закусила губу. Она колебалась, и эти сомнения почти можно было ощутить кожей. Мир привычно замедлился, и вместо пухлощек урнийки перед глазами встал замок, вот-вот готовый открыться. Ну же, еще чуть-чуть! Марита внутренне напряглась, словно и правда пыталась осторожно повернуть отмычку, и... Выпустила чужие руки, сдаваясь.

– Я понимаю, – сказала она тихо, и голос услужливо дрог-

нул. – Тебе незачем рисковать ради меня. Забудь.

Уголки губ сами собой опустились, а голова понурилась. Марита не видела лица Аделлы, только ее пальцы, беспокойно перебирающие подол, но безошибочно поняла: сейчас. Урнийка кратко вздохнула, и «замок» в ее сердце щелкнул. Аделла бросила на свою госпожу быстрый взгляд и поманила рукой, предлагая наклониться. Марита поспешно подставила ухо.

– Ладно, скажу, – зашептала Аделла, то и дело оглядываясь. – В этом платье леди бывает на официальных приемах. Наверное, она надеется, что вас будут путать со спины. Ей это кажется смешным. Просто молчи, и все обойдется.

Урнийка ободряюще улыбнулась, и Марита почувствовала легкий укол стыда. Азарт, охвативший ее до этого, бесследно рассеялся, оставив после себя неприятное послевкусие.

– Спасибо, – почти искренне поблагодарила Марита, хотя радости от победы не испытывала.

Она ей все равно не принадлежала.

Марита отвернулась и принялась смотреть в окно. Значит, госпожа изволит развлекаться. Такое опасно. Кто знает, когда кошке покажется забавным убийство мышки? Но с этими когтями еще можно разминуться. Марита вздохнула, и, сдвинув давящий на виски обрик, временно выкинула тревожные мысли из головы.

За окном проносились сероватые урнийские просторы. К

местной природе привыкнуть было сложно – блеклая и скудная, она не любила чужаков. Почва тут была сухой и часто трескалась, кусты щетинились колючками, а травы напоминали жесткую собачью шерсть. Даже здешние деревья, тонкие и скрюченные, носили шапку из мелких, почти серых листьев. Местами виднелись мальвадки – странные растения, состоящие из одних только толстых мясистых стеблей, покрытых шипами. Жуткие уродцы.

Как-то Верис сказал: «В Урносе кровь меняют на воду». Пожалуй, он был прав. Все вокруг привыкло бороться за каждую каплю, как за последнюю, и не дай Зилай оказаться посреди этой борьбы.

Марита подперла подбородок ладонью, вспоминая зеленые луга, залитые солнцем и усеянный цветами, словно небо – звездами, прохладную тень раскидистых дубов и холмы, прячущиеся в туманной дымке. Удастся ли вновь увидеть их хотя бы раз? Мысль отозвалась тоской, и Марита задернула шторку, не желая больше вспоминать. И тут же поймала взгляд заскучавшей Аделлы. А ведь служанки знают больше всех. Почему бы не потратить время с пользой?

– А правда, что у вас тут много разбойников? – спросила Марита на пробу.

– Да! – откликнулась Аделла с каким-то почти детским восторгом. – У меня даже подружка с одним из Псов крутила, он ей золотые колечки дарил!

– Псов? – переспросила Марита.

Громкий шепот служанки стал заговорщицким, и в этот раз Марита наклонилась сама, заражаясь чужим интересом. Они сдвинули головы, почти соприкасаясь макушками. Щеки Аделлы зарумянились, а глаза горели от возбуждения. Урнийка самодовольно, с нотками превосходства улыбнулась, явно радуясь, что ей есть, что рассказать.

– У нас их две шайки, разбойников этих. Города Псам принадлежат, у них у всех на шее оскаленная собака набита. А дороги – Костям.

Марита подавила смешок. Аделла напоминала маленькую девочку, рассуждающую о взрослых вещах, которых не понимает. Даже палец к губам поднесла в невинном жесте. В одно мгновение даже показалось, что это Лиска треплется об очередном фокуснике, доставшем из шляпы платок. Марита незаметно поежилась.

– А у Костей что? Черепа какие-то? – попыталась угадать она.

Аделла отмахнулась.

– Нет, у них ничего. Но я слышала, если им перейти дорогу, то ихний главарь сделает из твоего черепа кубок для вина. Говорят, у него в логове целая комната, заполненная такими кубками, – ответила урнийка, понизив голос и забавно округлив глаза. – И в них души всех врагов заперты!

Марита скептически нахмурилась.

– Из них же все вино выльется...

Аделла уже собиралась ответить, когда карета вдруг, рез-

ко качнувшись, остановилась. Марита вскрикнула и вцепилась в сиденье руками, чуть не ударившись о потолок. Леди Бланке повезло меньше – она не успела сориентироваться спросонья и теперь с болезненной гримасой терла голову. Марита приоткрыла шторку и осторожно выглянула в окно. По ту сторону простиралась лишь безлюдная земля, поросшая травой и кустарниками.

– Что случилось? – спросила она у всадника в желто-черном жакете – одного из солдат, сопровождавших карету.

Тот вместо ответа потянулся к ножнам и с шелестом вынул из них меч. От тревоги перехватило дыхание, и все веселье слетело с Мариты, как шелуха. Она поспешно отодвинулась от окна и оглянулась на леди Бланку. Та пригласила растрепавшуюся прическу, ничуть не испуганная.

– Почему мы остановилась? – требовательно окликнула солдата госпожа.

Мужчина поиграл желваками.

– Оставайтесь в карете, госпожа, сейчас...

Он вдруг болезненно вскрикнул, забулькал и начал заваливаться на бок. Из его шеи торчала стрела, и кровь лилась красной лентой, пропитывая одежду. Мгновение – и солдат с глухим звуком рухнул с лошади.

Марита оцепенела. Время словно замедлилось, позволяя в мельчайших деталях разглядеть, как закатились чужие глаза, как поднялась пыль и как встала на дыбы лошадь. А потом оно вдруг побежало с огромной скоростью. Рядом завизжа-

ли, слышались крики и звон стали о сталь. Придя в себя, Марита быстро кинулась на пол. Мысли панически метались в ее голове, испуганные и растерянные.

На них напали? Кто? Разбойники или враги барона? И в проклятой карете, как назло, нигде не спрятаться. В карете? Внезапная мысль повергла в ужас. Если лошади испугаются, карета может перевернуться! Марита прижалась к полу, почти уткнувшись в него носом, и поползла в сторону двери.

Страх сковывал мышцы, призывая забиться в угол подобно испуганному зверьку, платье путалось в ногах, и подол едва волочился, неожиданно потяжелевший. Сердце глухо колотилось, отдаваясь пульсацией в висках, и казалось, еще чуть-чуть – и оно просто разорвется. Спрятаться. Нужно спрятаться. Марита стиснула зубы. В носу уже зудело от пыли, а от криков и грохота снаружи не было слышно даже собственного сбивчивого дыхания. Но карета в любой момент могла превратиться в ловушку, и Марита продолжала ползти.

Она не знала, сколько вязла в своих юбках, как муха в паутине, едва двигаясь с места, когда впереди замаячила ручка. Рука потянулась к ней, но так и замерла в воздухе, когда за спиной что-то громко шелкнуло. Марита порывисто обернулась. Вторая дверь кареты распахнулась, и в прямоугольнике света мелькнул мужской силуэт. Марита успела заметить только темный, без единой нашивки стеганный доспех, прежде чем воин схватил визжащую леди Бланку и выволок

наружу.

Нет! От ужаса воздух камнем встал в горле. Марита зазмурилась и попыталась схватить ручку наощупь. Пальцы пару раз вслепую царапнули по дереву, прежде чем сомкнулись на чем-то длинном и гладком. Громко заржали лошади, и карета затряслась из стороны в сторону. Собрав последние силы, Марита подтянулась и дернула. Вновь раздался щелчок, по лицу хлестнул ветер, бросив в глаза пыль, и она с криком вывалилась наружу. Удар отдался в выставленные впереди руки, стесав кожу, но боли она не почувствовала, только прижала ладони в груди и попыталась встать.

Мир трясся и дрожал. Звенели мечи, смешались люди и лошади. Перед глазами замелькали пятна: желтый, серый, красный. Все вокруг было красным, словно кто-то раскидал цветные ленты. Мимо пронесся жеребец, сбросивший наездника, в воздух взлетела пыльная взвесь. Марита шарахнулась в сторону на полусогнутых ногах. Тут же закружилась голова, и она осела обратно. Ну же, вставай. Ну!

Поднялась еще раз, медленно, словно конечности налились свинцом. Рядом испуганно заржали жеребцы, беснуясь в упряжи, колыхнулась длинная тень, и карета вдруг начала заваливаться набок. Марита вскочила на ноги и побежала, запинаясь и путаясь в юбках. А потом земля вдруг задралась, а мир качнулся и смазался, подергиваясь мутной дымкой. Запоздалой мыслью блеснуло в сознании: она падает. Марита дернулась, в тщетной попытке закрывая руками го-

лову.

Последним, что она видела прежде, чем все заволокла тьма, была иссушенная земля и собственные сбитые костяшки.

Покалывание в районе плеча – вот первое, что Марита ощутила. Было темно. Способность управлять собственным телом возвращалась медленно, как чувствительность к онемевшей конечности. Но воспоминания воскресали еще неохотнее. Марита поморщилась, пошевелила руками. Неужели все-таки задремала в карете?

– Сейчас, сейчас, – забормотала она невнятно.

Плечо вновь кольнуло болью, словно на нем стиснулись острые иглы. Марита дернулась и распахнула глаза. Сразу поняла – не в карете. Она лежала, уткнувшись носом в сырую землю, а в бок упиралось что-то твердое и холодное. Марита резко села, и тиски на плече разжались. В воздух с карканьем взметнулся ворон и, громко хлопая крыльями, исчез вдалеке.

От смены положения тела закружилась голова, и Марита застыла с ладонями, прижатыми к щекам, пережидая, пока цветные пятна перед глазами рассеются. Налетел холодный ветер – хлестнул по лицу и принес странную смесь запахов: соли, травы, железа, сухой земли и почему-то, едва различимо, гнили. Какого Зилая? Марита отняла руки от лица и обеспокоенно огляделась.

Рядом простиралось поле. Примятая трава гнулась к земле, и меж колышущихся стеблей виднелись бугорки, черные и желтые пятна. На дороге, вся усеянная этими бугорками, лежала перевернувшаяся на бок карета. Возле нее беспокойно прятала ушами лошадь, волоча за собой остатки сброуи. Солнце терялось в серых облаках, похожих на утреннюю дымку.

Ветер вновь налетел, колыхнув траву, и тошнотворный запах усилился. И тут воспоминания вернулись все разом, будто кто-то пробил плотину: стрела в шее солдата, кричащая леди Бланка, беснующиеся кони. Карета, вот-вот готовая упасть. Марита испуганно ощупала себя и выдохнула – цела. Мир чуть прояснился, и бугорки принялись приобретать человеческие очертания. Сердце дернулось и замерло, будто сжатое в ледяных пальцах.

– О, боги, – прошептала Марита, сглатывая подступивший к горлу липкий ком, и собственный голос показался ей хриплым и чужим. – Леди Бланка? Аделла? Кто-нибудь?

И тут же зажала ладонью рот. Дура. Если ее услышат чужие... Но вокруг было тихо, как на кладбище, даже птицы и кузнечики замолкли. А глаза подмечали все больше: засохшую кровь, вспоротое бедро, отрубленные... Марита резко, до боли, зажмурилась и задышала медленнее и глубже, пережидая новый приступ тошноты. К горлу поднялась горячая волна, лоб покрылся испариной. Надо поискать выживших. Кто-то ведь мог спастись. Точно мог. Марита повторяла это

про себя, пока не начала верить, и только тогда тошнота отступила

«Займи руки – или мысли займут твою голову», – всплыли вдруг в голове слова отца, и она ухватилась за них с отчаянием утопающего. Пусть глупо, пусть по-детски, пусть Верис засмеял бы... К Зилаю Вериса. Марита зло стиснула кулаки и встала. Тело ныло, саднили костяшки, раны на которых успели покрыться коркой. Из рта против воли вырвалось болезненное шипение. Потирая ноющее плечо и прихрамывая, она двинулась к карете, глядя только на нее и ни на что больше. Пару раз слепо переступила через неподвижные бугорки. В воздухе плотной завесой стояла тишина, и собственное рваное дыхание казалось чужеродным.

У кареты цветных пятен была целая россыпь. В глазах вновь расплылось, а вонь усилилась, и Марита попятилась, прикрываясь драным рукавом. Нет, нельзя уходить – кто-то мог остаться. Сглотнув липкий ком, она подошла ближе. Одно из передних колес отвалилось, а второе лениво покручивал ветер. Из бока, будто замысловатое украшение, торчал меч, и вверх от него расходилась широкая трещина. Низ кареты, не выгоревший на солнце, как все остальное, показался почти черным.

Бугорки на земле смазались в сплошное полотно, и Марита представляла, что идет по цветущему лугу, пока пробиралась сквозь них к двери. Куст зверобоя, россыпь одуванчиков, бульжник, поросший мхом. И ничего более. У каре-

ты Марита остановилась и, все еще боясь говорить, кое-как подтянулась на руках. Мышцы тут же заныли, но она упрямо вцепилась в дерево пальцами и с замирающим сердцем заглянула в распахнутую дверь.

Сама не знала, чего боится больше: мертвецов или затаившегося врага. Но внутри оказалось пусто – только плясал солнечный свет на раскиданных повсюду подушках. Она спрыгнула обратно и беспомощно обхватила плечи руками. Никого. Никого не осталось. Ни на что уже не надеясь, Марита обошла карету кругом. И обмерла.

Второй лошади повезло меньше. Она лежала на боку, завязшая в упряжи, как бабочка в паутине. Темные глаза закатились и поблекли, а над рваной раной на животе, покрытой запекшейся кровью, вились мухи. Марита резко отвернулась, и ее все-таки вывернуло. А когда стало нечем, горло продолжало спазмически сжиматься еще несколько мгновений.

Когда она наконец смогла разогнуться обратно, дрожащими пальцами утирая рот, взгляд вдруг зацепился за что-то фиолетовое, выглядывающее из-под кареты. Марита прищурилась, пытаясь разглядеть. В груди похолодело, и сердце почти перестало биться. Это была рука. Тонкая, изящная женская кисть торчала из-под накрененной кареты вместе с оборванным куском фиолетового рукава. Она показалась Марите чисто белой на фоне земли, почти что сияющей мертвенным светом.

Возможно, поэтому тяжелое кольцо-печатка с гербом Реплихов нашлось почти сразу. Чуть ниже серебряного чертополоха повисла застывшая алая капелька. По земле разметались волны спутанных и потемневших от крови волос. Самой головы видно не было – скрылась под боком кареты. Но и без нее стало ясно, что она принадлежит леди Бланке. И Марита четко знала: после такого не выживают.

Губы скривились и задрожали, изо рта вырвался всхлип. И что теперь делать? Ни денег, ни коня. Марита даже не знает, где находится. И мертвецы, вокруг одни мертвецы, и никого не осталось... Она зажмурилась. Темнота принесла успокоение, но все остальное – шелест травы, вонь и холод, идущий от земли – осталось. А еще с закрытыми глазами все чувства обострились, и Марита вдруг услышала отдаленный стук копыт. Она резко обернулась и вгляделась вдаль.

По уходящей к горизонту дороге ехали всадники. Пока что они были слишком далеко, но даже отсюда удалось разглядеть притороченные на поясах ножны и колчаны за спинами. Позади процессии, покачиваясь, ползла старая телега. Зилай! Марита дернулась, готовая сорваться с места, но почти сразу осела обратно. Бесполезно. Далеко не уйти, зато под удар подставится только так. Пальцы в бессилии стиснули грязный подол.

Чужаки тем временем приближались. Теперь стали видны и стеганные доспехи, в которые облачились воины, и они заставили насторожиться. Ни одна армия не станет надевать

чужие цвета. А тут были и синие доспехи, и красные, и даже желто-черные. Нашивки тоже разнились, а часть стеганок была и вовсе без них. Сердце екнуло от тревоги. Потрепанные, то слишком большие, то маленькие, доспехи будто сняли с чужого плеча. Что стало с их настоящими хозяевами?

И что же тогда станет с Маритой?

Она стиснула подол еще сильнее и беспомощно огляделась по сторонам. Обломки, трава, окровавленный шлем... Не то, все не то. Марита рвано выдохнула, и ее взгляд вдруг вновь упал на перстень.

«В этом платье леди обычно появляется на официальных приемах. Наверное, она надеется, что вас будут путать со спины». Слова искрами вспыхнули в создании, и идея сложилась из них, как из кусочков измовской головоломки. Служанка бесполезна. А леди? Много ли людей знают младшую дочь барона в лицо?

На мгновение эта мысль ошеломила Мариту. Неужели она собирается сыграть госпожу, словно самую обычную роль? Вина сдавила грудь, словно стиснув змеиными кольцами, подступила к горлу комом. Марита на мгновение застыла, полностью захваченная этим чувством, а потом вдруг резко мотнула головой. Да, она не имеет на это права. Играть, зваться артисткой, петь, ходить по канату... После всего, что Марита сделала, после мыслей, которые думала, и слов, которые говорила, вновь вернуться в ремесло было бы святошеством. Наглостью. Почти преступлением.

Но... Она стиснула губы, чувствуя, как невидимый комок в горле обрастает иглами, а глаза начинает щипать. Но и умирать Марита не хотела. Только не так, среди окоченевших тел, в дурацком платье с чужого плеча, под незнакомыми звездами, от шальной стрелы, словно раненое животное. Она не может умереть здесь грязной, заплаканной замарашкой, так и не вспомнившей, что такое свобода.

Марита глубоко вздохнула, прикрывая глаза, и один за другим начала воскрешать давно забытые навыки, слой за слоем наращивая на себя чужую личину. С каждым следующим разум все сильнее пустел, а паника отступала, пока не пропала совсем. Когда веки Мариты вновь дрогнули, она больше не была собой. Рот испуганно скривился, ресницы кукольно задрожали. Картинно закатив глаза, Марита обмякла и рухнула на землю, накрыв руку леди Бланки собой.

В нос ударил запах гнили и земляная пыль. Живот дернулся от отвращения, но Марита запретила себе думать. Это просто кукла. Одеяло. Мешок соломы. Пальцы слепо зашарили по земле, уперлись в бок кареты, царапнув дерево. Марита стиснула зубы. Сохранять видимость того, что она неподвижна, оказалось сложно. Она протянула руку ниже, и пальцы вновь ткнулись в землю, а потом в липкую кожу, прежде чем наконец сомкнуться на холодном металле.

Послышалось лошадиное ржание, потом шелест и звук шагов. Пальцы дернулись, но чужая конечность не поддавалась, будто одеревенела. Ну же! Марита выдохнула и в по-

следнее мгновение сумела содрать с пальца перстень и зажать в кулаке, прежде чем ее схватили за шиворот и дернули вверх. Мир смазался, ткань с треском порвалась, оголив часть спины.

Марита дернулась, пряча руки за спину, и огляделась. Перед ней стояли двое, и отличались они так разительно, словно пришли из разных миров.

Первый был с юга – это выдавала и золотистая кожа, и длинные каштановые волосы, перекинутае на плечо. Он разглядывал Мариту с живым любопытством, придерживая старую широкополую шляпу. Второй, здешний, тоже глядел на нее, но скорее холодно, оценивающе. Жилистый, весь напряженный, как натянутая струна, он был одет в разы проще первого, по-воински скупо. Но при этом словно возвышался над остальными.

Похоже, именно урниец и дернул Мариту за платье – он задумчиво вертел в пальцах кусочек желтой ткани. Ветер трепал неровно обкромсанные рыжие волосы.

– Смотри, Яс, она в цветах Реплихов, – негромко сказал измовец, погладив аккуратную бородку.

Даже его голос звучал мягко и певуче, будто лютня.

– Без тебя вижу, – отозвался урниец и повернулся к Марите. На его правой щеке кляксой мелькнуло бледное родимое пятно. – Кто ты?

Смерив Мариту взглядом, он помахал перед ней обрывком ткани. Та раскрыла рот – и тут же его захлопнула. От

страха перстень едва не выскочил, пришлось поспешно натянуть его на палец. Мысли хаотично заметались в голове, как вспугнутые птицы. Ничего не получится. Стоит подробнее расспросить, и Марита расколется, будто гнилой орех. Мелко задрожали губы. Неужели все кончится так?

Пока она молчала, терпение Яса кончилось. Мужчина прищурился и неуловимо шевельнул рукой. В следующее мгновение его меч уже утыкнулся в горло Мариты острием. Чуть-чуть – и коснется кожи. Все произошло так быстро, что она даже не сразу осознала грозящую опасность, а только глупо распахнутыми глазами уставилась на лезвие. По спине протянуло холодком.

Измовец наклонился и что-то негромко сказал Ясу на ухо, но тот не отреагировал.

– Кто ты? – повторил он.

Под кожей пробежали мурашки. Хватит лишь одного движения – и меч вспорет шею. И Марита ничего не сможет сделать. Она сжалась, абсолютно беспомощная. Нужно сдаться, пока не поздно, и может о нее не станут марать руки... Марита стиснула кулак, впечатав перстень в ладонь, и в ее голове вдруг краткой вспышкой мелькнуло воспоминание: отец и фокус с монеткой. Та то появлялась, то исчезала в его кулаке, и маленькая Марита с восторгом хохотала и хлопала в ладоши, радуясь увиденному волшебству. Только когда отец повторил медленнее, стало заметно, что тот прячет монетку между пальцами.

«Люди поверят в то, что ты им покажешь, Марита».

Она незаметно прикусила кончик языка. Всегда так делала перед выступлениями, сработало и в этот раз. Плечи сами собой распрямились, а подбородок горделиво вздернулся. Верно, сейчас она должна играть роль. Мариты не осталось, вместо нее на земле сидела напуганная, но не растерявшая достоинство молодая леди.

Кончик меча намекаяще ткнулся под подбородком. Мариту бросило в жар, но вместе со страхом пришло и решение. Ее не расколут, если попросту не смогут допросить. Марита вытянулась, отклонившись назад насколько могла, и отчаянно зажестикулировала. Указала на уши, потом на рот. Вновь покачала головой. И в конце концов уверенно выставила вперед руку с перстнем.

– Немая? Или язык от страха отнялся? – удивленно спросил измовец. – Если перстень настоящий, то она из благородных. Можно выкуп потребовать. Как думаешь, Яс? – поймав предостерегающий взгляд, мужчина исправился. – То есть, командир.

– Я тебе что, гадалка, Расим? Сейчас посмотрим.

Яс с тихим лязганьем спрятал меч обратно в ножны. Не успела Марита выдохнуть, как он вдруг резко наклонился и, стиснув ее запястье, поднес перстень ближе к глазам. Руку прострелило болью, и Марита клацнула зубами, сдержав вскрик.

Яс был настолько близко, что удалось различить идущие

от него запахи пота, дыма и трав. Он рассматривал перстень долго и тщательно, даже ковырнул металл ногтем, прежде чем наконец цыкнул, удовлетворенный. Чужие пальцы разжались и вдруг ловко стянули перстень. Марита машинально взмахнула руками в воздухе, словно стараясь его удержать. Расим звонко рассмеялся, а по губам Яса скользнула едва различимая ухмылка.

– Свяжите ее, а то еще поцарапает, – сказал урниец и перестал обращать на Мариту внимание.

Воины завозились, принялись спешиваться с коней, переговариваясь. Марита так и осталась сидеть, восстанавливая дыхание. Только сейчас она позволила себе слегка расслабиться, хотя сердце продолжало пытаться проделать в груди дыру. Да, трюк с монеткой удался. Вот только какую цену придется заплатить?

Тронулись не сразу: сперва воины стащили все тела в одну кучу и сожгли. Пламя вышло странным, бело-золотым и будто бы более плотным, чем обычно. К гнили примешался совершенно чуждый здесь запах мороза и перца. Марита наблюдала за костром, как замороженная: впервые видела очищение, о котором слышала не раз. Словно легенда ожила. В Урносе мертвецов никогда не хоронили, их предавали огню. У местных это было в крови: наткнулся на труп – обрати его в пепел. Отец говорил, что одно поднявшееся умертвие могло уничтожить целую деревню.

И сейчас где-то там, в куче мертвецов, сгорала леди Бланка, а вместе с ней одна из нитей, способная разрушить Маритину легенду.

Отряд выдвинулся, только когда костер прогорел дотла. Когда они, наконец, тронулись, Марита малодушно пожалела, что все-таки не рванула в лес. Веревки, стянутые на запястьях, неприятно натирала руки. Телега, в которую ее почти что забросили, как мешок с картошкой, была завалена грудями оружия и доспехов, снятых людьми Яса с павших воинов.

Марита напряженно обкатывала мысль про мародерство в голове. Урнийцы относились к смерти с трепетом и уважением, и человек, покусившийся на вещи мертвецов, по меркам местных – чудовище. Впрочем, чего вообще ожидать от разбойников? Теперь-то Марита была уверена, что попала именно к ним. Она даже искала собачьи головы на шеях, но ни одной не увидела. Если не Псы, то кто? Кости? Или обычный сброд? Оставалось только гадать.

Марита повела плечами, стараясь снять сковавшее их напряжение, и опять устремилась взглядом вдаль, на проплывающие мимо дороги земли. Ей нужно было успокоиться, примирить с происходящим мечущееся в груди сердце. Урнос не сильно к этому располагал. Блеклый, с редкими пятнами розоватых крон или золотистых кустов, он будто излучал собой недружелюбие.

То тут, то там виднелись колючие заросли и шипы, а зем-

ля и вовсе напоминала лоскутное одеяло: вполне обычные куски перемежались с иссушенными, будто мертвыми. Марита слышала, что вода ушла из Урноса много столетий назад, спрятавшись в недрах земли, и только аквалы, дети Сиро, не давали стране погибнуть. Ни за что бы не сунулась сюда, имей выбор.

Телега все ехала, покачиваясь и иногда подпрыгивая на кочках: через десять Марита перестала молиться о подмоге, а через тридцать – вообще в нее верить. О случившемся никто не знает. А если бы и узнали, какое дело господам до служанки? Наверное, другая на месте Мариты попыталась бы сбежать, но что она всегда умела хорошо, так это оценивать шансы. Связанная, в платье, непонятно где... Как ни посмотри, побег был бы безумием. Только и оставалось, что играть выбранную роль до конца.

Проносящиеся мимо виды смазались в сплошное серое пятно, и Марита принялась разглядывать сам отряд. Здесь были и матерые мужчины, и совсем еще зеленые юноши, и местные, и чужаки. Они негромко переговаривались и обменивались шутками, обсуждая улов, кто-то уже хвастался раздобытым шлемом или новым мечом. Телега была взята разбойниками в тиски: всадники ехали спереди и сзади, словно маленький конвой.

Яс скакал чуть в отдалении, будто вожак волчьей стаи. Его темно-рыжий затылок явственно выделялся цветным пятном на фоне местности. Марита сощурилась, заметив и

единственную на весь отряд кольчугу, и одежду, более добротную, чем у остальных. Вот кого стоит опасаться больше всего. Она поставила себе на памяти мысленную зарубку.

Рядом раздалось тихое сопение и шелест ткани. Марита скосила глаза. Расим дремал, закинув ноги на грудку вещей и спрятав ладони под мышками. Шляпа сползла мужчине на глаза и теперь отбрасывала широкую тень. Вот уж кто не походил ни на разбойника, ни на воина вообще. Под землистой туникой было не разобрать фигуры, как и под складками широких штанов. Плетеный пояс на талии покосился и съехал, а из многочисленных карманов распахнутого балахона торчало всякое барахло. В отличие от Яса, измовец не пугал совсем. Сложно бояться человека, который носит с собой рогатку.

Рядом вдруг хлопнуло, и на край телеги опустилась маленькая серая птичка. Расим заворочался и сел, сонно глядя по сторонам. На удивление, птица не улетела, даже когда тот полез в поясную сумку и вынул продолговатый уголек для письма. Что он творит? Марита склонила голову, озадаченно наблюдая, как измовец закатал рукав, уселся и принялся выводить на тыльной стороне ладони замысловатые узоры. Они ложились один за другим, и вскоре глаз стал подмечать вырисовывающийся круг, разбитый на сектора. Тогда Марита все и поняла. Но все равно удивилась. Схемарий, тут? Так далеко от родных песков?

И она все время сидела с ним рядом?

Самый нестрашный, как же. Марита опасливо поежилась. Измовские маги могли и стену крепости сломать, а уж маленькую дурочку пополам переломить – и подавно.

От ее резкого движения птичка испуганно вспорхнула в воздух. Расим кинул на Мариту быстрый взгляд и дорисовал последнюю линию. Круг вспыхнул и засиял мерным светом. А Расим, широко распахнув рот, вдруг зачирикал. Марита совсем неблагородно на него уставилась. Измовец ничуть не изменился лицом, но из его глотки вырывались такие звуки, какие человеческая гортань была просто неспособна породить.

Птица, немного повисев над телегой, неохотно села обратно. Нахохлившиеся перья пригладились, а глаза-бусинки уставились на Расима. Когда тот замолк, птица наклонила голову набок и вдруг застрекотала в ответ. Марита почувствовала себя ребенком на выступлении фокусника, но к восторгу примешался страх. Кто знает, что еще измовец мог сотворить.

Тот тем временем полностью погрузился в одному ему понятный разговор. И чем дольше Расим слушал птичье чириканье, тем сильнее залегали морщины на его лбу и темнело лицо. Наконец, он кивнул птице, будто благодаря, и быстро стер одну из линий. Схема погасла. Он привстал, окликая Яса:

– Командир!

Тот обернулся, резко дернув за поводья, отчего конь взбу-

доражено заржал.

– В чем дело? – спросил Яс спокойным, но требовательным тоном.

Расим посмотрел на Мариту, словно колеблясь, но та старательно глядела в другую сторону. Измовец кратко побарабанил по краю телеги пальцами.

– Отряд, возвращающийся из города, поймал лазутчика. Он ничего не успел сделать, только одного из наших в плечо ранил, – четко, будто солдат, докладывающий генералу, сообщил Расим. – Ребята его связали, но послать бы кого на всякий, предупредить...

– Псы? – кратко спросил Яс.

Измовец кивнул. Яс досадливо цыкнул и ударил коня в бока, направляясь в хвост процессии. Вскоре от них отделилась пара воинов и скрылась далеко впереди, быстро превратившись в маленькие точки. По отряду прошла волна шепотков. Псы, значит? Марита попыталась прислушаться. Не вышло – но голоса были слишком тихими, чтобы что-то разобрать. Но под ложечкой все равно неприятно засосало.

После прилета птицы лошади ускорились, и вскоре впереди показался лес. Узкие серо-зеленые листья засушниц шуршали на ветру, а меж их тонких стволов высились заросли кустарников и сорной травы. Все же для такого края само существование лесов – уже чудо. Отец говорил, засушниц берегут корни: уходят очень глубоко под землю, почти выгрызая себе право на жизнь. Впрочем, даже это не спасало

места, покинутые аквалами надолго.

Телега резко завернула вбок, выбив все мысли разом – пришлось упереться в бортик ногами, чтобы удержаться самой. Обогнув лес так, чтобы стало не видно тракта, кони остановились. Сонливое спокойствие, до того стоявшее над отрядом, рассеялось без остатка – люди принялись спешиваться и брать лошадей под узды. Мариту сняли последней, и она поморщилась от такого обращения совершенно искренне.

Продолжили путь почему-то пешком, ведя животных за собой. Впрочем, далеко идти не пришлось – лес прятался у подножия холмов, скрытых за сплошными колючими зарослями. Кусты вперемешку с деревьями разрослись так плотно, что земли за ними видно не было. Это было странным, неестественным, почти пугающе чуждым. Такая живая стена никак не могла вырасти без помощи магии.

Марита остановилась, не желая к ней приближаться, и только потом поняла, что так же поступили и остальные. Разбойники застыли, словно каменные статуи, и все взгляды устремились в спину Ясу. Тот вышел вперед, почти уткнувшись в стену носом, забрался пальцами за шиворот и вытянул наружу круглую пластину на цепочке. Перехватив ее поудобнее, мужчина протянул медальон перед собой, словно демонстрируя зарослям.

Вспыхнуло. Глаз едва уловил узоры сложной измовской схемы, прежде чем переплетения ветвей вдруг совершенно

беззвучно разошлись в стороны, обнажив зеленый коридор, переходящий в темный подземный ход. Пахло сыростью и плесенью. Где-то там, в глубине слабо замерцали огни факелов.

Что за?.. Марита попятилась. Мимо нее скользнуло несколько разбойников и нырнуло в лаз, ведя за собой совершенно спокойных лошадей. Их фигуры почти сразу пропали в темноте прохода, как в огромной чудовищной пасти. По спине пробежались мурашки, и Марита отступила вновь, но кто-то грубо толкнул ее в спину. Марита не поддалась, и толчок тут же повторился. Проклятье. Глубоко вздохнув, она нырнула внутрь.

В коридоре стояла влажная, почти зябкая прохлада. Она прильнула к коже, успевшей покрыться тонким слоем пыли, забралась за шиворот, заставив поежиться. Мерный свет факелов едва достигал высокого свода. Проход раздавался и вверх, и вширь – хоть на телеге проезжай.

Спуск быстро кончился, и Марита замедлилась, боясь упасть. Ее сердце то и дело заходило в тревожном ритме, стоило вспомнить, что над головой лишь толща глухой земли. Потолок давил, удерживаемый одними только балками, а извне не проникало ни звука, и собственное дыхание, как и шаги окружающих людей, усиливались стократно. Красно-оранжевые облачка света перемежались с островками темноты. Откуда-то спереди то и дело тянуло потоком свежего воздуха, и от этого мысли в голове только множи-

лись. Что там, дальше? Замок? Другой лес? Змеиная пасть? И сколько уже они шагают по проклятому тоннелю? Он хоть когда-нибудь кончится?

Марита прошла мимо еще одного факела, прежде чем терпение кончилось и она обернулась. Входа отсюда разглядеть не удалось, зато была видна вся процессия. Яс шел последним, но теперь рядом с ним невесомо скользил второй человек. Она могла поклясться, что не видела его прежде, будто незнакомец возник из воздуха. С такого расстояния удалось заметить только грязно-красный отлив его волос и легкий, почти невесомый шаг. Судя по яростной жестикуляции Яса, они двое о чем-то спорили.

Марита со вздохом отвернулась, откладывая очередной кусочек головоломки на потом, и сосредоточилась на ходьбе. Каждый новый шаг давался все с большим трудом. Драгоценное платье цеплялось за пол, туфли натирали стопы, и вскоре она перестала даже глазеть по сторонам. Только угрюмо шагала вперед, молясь Тенрису об отдыхе. Но коридор все не кончался.

Разбавляли дорогу лишь разговоры немного расслабившихся воинов. Правда, они не упустили шанса пройти и по Марите.

– Смотрите-ка, даже не ноет! – сказал патлатый парень в грязно-белой стеганке. – Я-то думал, придется ей рот заткнуть, чтобы все зверье не распугала.

Раздался гогот.

– Дак она ж немая, – ответил ему плешистый мужик.

– Да ну? Не завирайся.

– Сам слышал, как командир говорил.

В Мариту уткнулись любопытные взгляды, и она невольно вжала голову в плечи.

– Вот те раз! А что, я б от такой жены не отказался, – мечтательно закатил глаза патлатый. – И личико ничего.

Взгляды заострились, и по спине Мариты пробежал холодок. Зараза, как она могла забыть, с кем имеет дело!

– У тебя денег не хватит. У нее платье стоит дороже, чем награда за твою голову, – одернул его Расим, беззлобно улыбаясь.

Все вновь расхохотались, потешаясь над толщиной кошелька патлатого и других его интересных дамам величинах. Тот погрозил шутникам кулаком.

– У кого там язык до колена? – донеслось в разгар веселья со стороны Яса. – А то я укорочу, чтоб в ногах не путался.

Все мгновенно замолчали, будто заколдованные, и дальше шли тихо, только расходилось вдаль эхо, заставляя двоиться стук копыт и звуки шагов. Когда Марита уже не чувствовала рук, проход вдруг начал плавно задираться наверх. Она принялась подниматься, едва переставляя ноги. В голове маячили мысли о теплой ванной и постели, и оттого подъем показался вечным. Кончится он или нет?!

Но в этот самый момент чуть посветлело, и туннель вновь сменился зеленым коридором. Кроны деревьев в нем пере-

плелись, сливаясь в сплошное, будто идущее волнами от ветра полотно. Потом коридор чуть загнулся вправо, вокруг еще сильнее посветлело, и Марита вышла наружу.

Впереди раскинулась огромная прогалина, которую со всех сторон стеной обступали деревья и колючие заросли. Вдали виднелось нечто, похожее на небольшую деревню: грубо сколоченные деревянные дома, частокол, ворота. Не иначе мираж. Марита запнулась, не вполне веря своим глазам, и в спину тут же кольнул тычок, заставив болезненно выдохнуть сквозь сомкнутые зубы. Она понурилась и из последних сил поплелась вперед.

Морок в виде деревни не спешил пропадать, даже когда они достигли плотного частокола, перетянутого кое-где веревками. Сидящий над воротами паренек махнул рукой, и створки разъехались, пропуская процессию внутрь. Мариту тут же окружила феерия звуков и запахов. Запахло сеном и дымом, вонь отходов мешалась с ароматом каши, от которого до боли свело живот. Кричали дети, бляяла коза, кто-то смеялся, рядом кололи дрова. После тишины леса это оглушило, ударив по ушам, и Марита оцепенела, растерянная.

А вокруг закипела суэта, в которую она не вписывалась. Воины повели лошадей прочь, кучка женщин принялась разбирать телегу. Рядом остались только Яс с Расимом и тот, третий. Преодолевая усталость, Марита прислушалась, но трое переговаривались совсем тихо, склонив друг к другу головы. Она скользнула взглядом по копошащимся вокруг лю-

дям. На нее глядели в ответ с любопытством и опаской, но подходить не спешили.

Марита чуть повернула голову, продолжая осматриваться, и удивленно распахнула глаза. Посреди разбойничьего логова высилось странное строение, состоящее из разноцветного, идущего кругом бортика и плоской деревянной крыши. Оно было большим – наверху легко уместилось бы стадо коров – но совершенно непонятым. Что это? Какое-то хранилище? Марита озадаченно нахмурилась и сделала пару шагов, норовя подойти поближе.

Сбоку громко хлопнуло – будто дверь треснула о стену. Марита обернулась и едва успела отскочить от пестрого кома, скатившегося по ступеням. Он с рычанием пронесся мимо, распавшись надвое и вновь слившись воедино. Мелькнула чья-то рука и рот, оскаленный звериной пастью. Понеслись глухие звуки ударов. В воздух взметнулись клубы пыли, и мечущиеся за завесой силуэты показались очертаниями чудовищ.

Марита прыгнула за спину Яса прежде, чем успела о чем-то подумать. Только недавно успокоившееся, сердце вновь беспокойно заколотилось вспугнутой птицей. Рычащий ком с размаху ударился о бортник, но драчуны не остановились, только завозились еще яростнее. В воздухе замельтешили чьи-то волосы и кулак с выдраным клоком. Яс отвлекся от разговора и спокойно выступил вперед.

– Хватит, – негромко сказал мужчина, но в его тоне про-

скользнула сталь.

Воздух мгновенно сгустился, казалось, еще чуть-чуть – и можно будет резать ножом. И, хотя выражение лица Яса не изменилось, его прозрачные синие глаза ощутимо потемнели, как грозовое небо.

Куча дрогнула и мгновенно распалась на двух драчунов, уважительно склонивших головы. Марита невольно восхитилась этой разительной переменой. Вот оно, настоящее чудо, рядом с которым меркнут измовские схемы.

Провинившиеся заговорили, перебивая друг друга:

– Простите, командир, виноват. Но эта девка первая меня ударила, я не мог...

Это был кряжистый, невысокий мужчина, зажимающий рукою нос. На его рубашке виднелись пятна крови.

– Еще раз на меня пасть распахнешь, и на тебя ни одна, как ты сказал, девка не посмотрит! – вклинился второй драчун – а точнее, вторая, оказавшаяся молодой загорелой женщиной.

Незнакомка встала, будто спружинив от земли. Крепкое тело выдавало в ней воина, а под мужскими одеждами перекатывались мышцы. Женщина откинула с лица выбившуюся из хвоста прядь. Ее густые волосы ложились крупными волнами и цветом напоминали горячий шоколад. Но в глаза бросилось не это, а уродливые шрамы, испещрившие все лицо. От тонких белых полос до крупных рубцов – кожа незнакомки напоминала жуткую маску.

– Не слушайте ее, командир, – поморщился мужчина и сплюнул слюну вперемешку с кровью. – Я просто рассказывал парням, как мы Мекрика чуть не упустили из-за Ревки, а эта полоумная вдруг накинулась! Где ж это видано, чтоб баба...

Говоря это, он обвиняюще ткнул в женщину со шрамами пальцем. Яс махнул мужику рукой.

– Свободен.

Тот поспешно подскочил и удрал. Ревка ухмыльнулась, продемонстрировав ряд чуть заостренных зубов, и наполовину почтительно, наполовину шутливо склонила перед Ясом голову. Только теперь Марита обратила внимание на россыпь синяков и подтеков почти на всех открытых участках ее тела.

– Все в порядке, командир. Так, поцапались, кровь разогнали, – сказала Ревка.

– Я что-то не заметил, когда Кости превратились в балаган. Может, стоит снять тебя с должности офицера? Похоже, шут подойдет больше, – жестко отрезал Яс и вдруг улыбнулся очень многообещающе: – Или нянька. Вот что: будешь следить за баронессой, пока мы не решим, что с ней делать.

Слова хлестнули в воздухе, будто кнут, но Марита даже не вздрогнула, осененная осознанием. Кости. Ну конечно, разве могло быть иначе? Если что-то могло пойти не так, оно, мать его, шло! Все рассказанные служанкой страшилки мгновенно ожили, но больше не казались ни смешными, ни глупыми.

Мариту пробрало, так что смысл последней фразы дошел не сразу. А когда дошел, пробрало еще раз. Следить, за ней? Эта дикарка? Да она даже кота угробит!

Ревка растерянно отступила на пару шагов.

– Не нужно, командир, этого не повторится, – виновато заговорила она, но остановилась и гордо задрала подбородок. – Я воин, а не нянька. Придумайте другое наказание.

Шрамы на ее лице зашевелились от смены эмоций, как живые. Мариту передернуло. Яс приподнял бровь.

– С чего бы мне это делать? Я не твоя мамочка, чтобы потакать капризам.

Спокойный, размеренный голос таил в себе даже не угрозу, а словно бы констатацию неприятного, но правдивого факта. Если ты сунешь руки в огонь, то обожжешься, детка, – в этом роде.

– Но...

Яс поднял в воздух ладонь, почти рубанув ребром.

– Хватит, Ревка. Ты знаешь правила. Если я приказываю прыгать, ты спрашиваешь, как высоко. А если не прыгаешь...

Ревка дернула губой, но продолжила:

– То ноги мне не нужны.

По лицу Яса скользнула улыбка – холодная и острая, как осколок зеркала.

– С баронессы пылинки сдуваешь и задницу подтираешь, если понадобится. Чуть что – спрошу с тебя. Поняла?

Мрачная тень пробежала по лицу Ревки, и та кивнула, а потом повернулась. Янтарные глаза впились в Мариту, и от дурного предчувствия похолодело в животе. Яс только что поручил волку охранять кролика и запер их в одной клетке. Это просто не могло хорошо кончиться.

Когда выжившая в сражении Реплихов с каким-то сбродом девка ушла вместе с Ревкой, Яс невольно выдохнул – как лошадь, с телеги которой сняли лишний груз. Сейчас хватало и других забот помимо свалившейся ему на голову аристократки и решивших устроить склоки раздолбаев. Например, что за чужаки охотились на их территории?

– Ты узнал, кто напал на солдат Реплихов? – задумчиво спросил Яс у Тэкино.

Тот скупо покачал головой.

– Пока нет, командир. Без нашивок и родовых цветов это будет сложно. Но это не Псы. Либо кто-то из баронов начал шифроваться, либо наемники. Для местных слишком хорошо одеты, мы бы не пропустили.

Яс поскреб ногтем родимое пятно. Чутье твердило, что они упускают что-то важное. Это чувство было сродни неприятному зуду, от которого так и хотелось избавиться.

– Узнай. Не нравится мне это. Не знаю даже, что больше: то, что в наших угодьях мог завестись хищник, или что баронская война перешла на новый этап, а мы не в курсе.

– Понял. Кстати говоря, не знал, что одна из дочерей Реп-

лихов глухонемая, – проронил Тэкиито, глядя вслед удалившейся парочке.

Яс с деланным безразличием пожал плечами. Он должен был держать лицо, хотя голова наполнилась мыслями одна тяжелее другой. Но тут как у волков: стоит вожаку оступиться, и он больше не встанет. Поэтому Яс не собирался оступаться.

– Я тоже, мы ведь только с бароном дело имели. Вот и проверь по своим источникам. Колечко-то похоже на подлинное, – сказал он, продемонстрировав перстень. – И кого-то из своих отправь в городе уши погреть. Только пусть сопровождение возьмут, чтоб не ждать, – и, чуть подумав, добавил: – Главное – не Ревку.

Тэкиито, который в этот момент внимательно разглядывал перстень на свету, поднял голову. Солнечный луч коснулся его волос, но те все равно остались блеклыми и тусклыми, несмотря на красноватый отлив. Невзрачные, как и весь Тэкиито.

– Как сегодня? Опять в кустах ждать, пока кто-то придет и откроет проход?

Зубы скалит? Ну надо же. Что-то все расслабились, непорядок. Яс медленно вздернул бровь.

– Именно.

Он спокойно и прямо уставился в чужие глаза. Ну-ну, попытайся. Но Тэкиито не выдержал и отвернулся, будто невзначай вновь обратившись к перстню. Верно, этот кусок тебе не по зубам.

– Если бы у меня был ключ... – негромко начал мужчина, не отрываясь от своего занятия.

Яс заметил, как чужие ноздри затрепетали от гнева.

– Как изучишь перстень, верни. Доложись, если узнаешь что-то стоящее. Но не тяни – чем раньше объявим о выкупе, тем лучше. Ах, то есть, награде за то, что вернем дочь безутешному отцу, – он сделал вид, что не услышал последние слова, и принялся разворачиваться.

Губы Тэкиито едва заметно побледнели. На его невыразительном лице даже сильные эмоции проявлялись едва-едва – будто приходилось разглядывать их сквозь толщу воды.

– Если бы у меня был ключ, все вышло бы быстрее. Командир, может, вы пересмотрите решение? – уже громче спросил Тэкиито.

Яс остановился. Проклятый ублюдок, и надо ему заводить этот разговор именно сейчас.

– Тэкиито, ты мой казначей, я все равно не отпущу тебя без сопровождения.

– И глава разведки.

– Тем более, – начал раздражаться Яс. – Я не собираюсь поливать мясной пирог медом, чтобы стало еще больше желающих его откусить. Разговор окончен.

– Но...

Между ним и Тэкиито вдруг мелькнула матово-белая фигура. Проклятье! Яс отшатнулся, но тут же поспешил взять себя в руки, сделав вид, что просто резко повернулся к со-

беседнику спиной.

– Разговор окончен, – отрезал Яс, радуясь, что не видно, как нервно дрогнули его губы.

Зря он позволил себе проявить эмоции. Но почему Свечница появилась так скоро? Обычно хмари с поля боя хватало, чтоб она надолго насытилась. Ошибся?

Тэкито подвоха не заметил и потому принял произошедшее на свой счет, посчитал, что перешел черту. Поспешно поклонившись, он ретировался, вжав голову в плечи. Трус, как и всегда. Яс украдкой вытер взмокший лоб.

– Смотри, однажды проснешься с кинжалом под ребрами, направленным рукой этого мальчика, – пропели в ухо. – Жду не дождусь.

Белая рука с капельками застывшего воска, сделавшего пальцы похожими на когти, прошла по плечу. Яса будто молнией ударило, но он даже не вздрогнул, лишь невозмутимо двинулся вперед мимо домов. Свечница поспешила следом – фигура, похожая на оплавленную свечу, то и дело искажалась все сильнее. Уродливое лицо с горящими провалами глаз плавилось, плача воском. Мерзкая тварь.

– Я знаю, что ты слышишь, – довольно мурлыкнула она. – Слышишь и боишься.

Яс угрожающе сложил пальцы в изгоняющий знак – коснулся указательным большого, формируя треугольник, а остальные прижал к ладони. Свечница ухмыльнулась – рот, похожий на прожженный лист бумаги, разошелся в стороны.

Застывшие капли воска на волосах напоминали молочно-белые жемчужины.

– Ты бы еще папочке пожаловался.

В ушах задребезжал смех. Тем не менее, как и обычно, Свечница чуть отступила. Яс отвернулся и попытался больше не обращать на нее внимания – как дети, играющие на земле прямо у покрытых восковыми подтеками ног. Впрочем, им легче – кроме Яса эту тварь все равно больше никто не видит.

Глава 2. Клетки и ключи

«Вот и все» – думала Марита, пока шрамолицая женщина тащила ее за собой.

Чужие пальцы больно стискивались на плече, будто стальные. Мимо летели дома, жавшиеся друг к другу, как котят, шестиугольные окна в выгоревших стенах и двери, окаймленные цветными узорами. То тут, то там виднелись грубо сколоченные загоны с курицами и свиньями и небольшие огородики с зеленью. Наметанный глаз Мариты сразу зацепился за черепицу на крышах, почти не сколотую, и крепко сбитые доски. Похоже, деньги у разбойников водились. Она попыталась рассмотреть ближайший дом получше, но Ревка не дала.

Зенийка неслась, ни на мгновение не останавливаясь. Кометой облетела спорящих женщин, проскочила мимо режущихся в карты мужиков, рыкнула на дерущихся мальчишек – и все это на бегу. Марита еле за ней поспевала, давясь рваными вздохами. Подол платья уже давно истрепался, а руки затекли, заставляя безвольно плестись следом за Ревкой, как овца на привязи.

Обойдя очередной огородик, Ревка ускорила шаг, и впереди будто из ниоткуда выросло высокое двухэтажное здание, единственное на все поселение. Его крыша пугающе нависала острым козырьком, а стены из черного вентонского

деревя словно поглощали солнечные лучи. Не иначе – мрачный злодейский замок. Низ здания был выложен бело-желтым камнем, складывающимся в геометрический узор. Такой же бежал по краю шестиугольных окон. Нет, деньги не просто водятся, в них можно искупаться. Черное дерево даже Верис не мог позволить.

Не дожидаясь, пока Марита отдышится, Ревка взлетела по крепким ступеням. Марита чуть не запнулась и привалилась к проему. Ее взгляд скользнул по резным панелям вокруг двери и застыл. В животе похолодело, словно кто-то воткнул в него ледяную сосульку. Искусная рука мастера покрыла дерево изящной вязью из переплетенных позвонков, увенчанных ухмыляющимися черепами. Казалось, пустые глазницы глухо мерцают, следя за чужачкой. Проклятье, куда она попала?

– Пошла, – гаркнула Ревка на ухо, заставив испуганно вздрогнуть, и пропихнула Мариту внутрь, в темный, просторный зал.

Огромный, почти необъятный из-за высокого потолка, он весь пропах вином и подгорелым жиром. Большую часть зала занимал широкий стол в виде буквы «п», повернутой «ногами» ко входу. На лавках валялись шлема и пара сапог. Лампы, висящие на цепях меж толстых потолочных балок, сейчас не горели, и пробивавшийся снаружи бледный свет плясал на кубках бликами. Конечно, никаких человеческих черепов не было – только металл.

Зато был один звериный. Он венчал пожелтевший медвежий скелет, расположившийся прямо за тронем во главе стола. Зверь стоял так, что массивные лапы словно ложились на плечи сидевшего. Правда, сейчас трон пустовал. Белесый медвежий череп щерился оскалом, как живой. Вот-вот кинется. Марите стало не по себе, и она отвернулась.

Быстро оглядев зал, Ревка потащила ее дальше, мимо разномастных гобеленов, мимо черных от смолы очагов и венчавших их барельефов. Пришлось быстро переставлять ноги, цепляя подолом разбросанную по полу солому. У трона Марита все-таки запнулась и чуть не вскрикнула: на полу дремал огромный хряк. Тот даже не проснулся, и она поспешно обошла зверя стороной. Рядом тихо фыркнули. Ревка ухмыльнулась, не скрываясь, и шагнула на лестницу.

Марита из последних сил преодолела ступени. Второй этаж в сравнении с первым показался голым: пустые стены, ряды дверей и свет, очень много света. Он резанул привыкшие к полумраку зала глаза, и Марита невольно зажмурилась. Ревка не стала ждать, пока она привыкнет, потащила дальше и остановилась, только когда коридор кончился. Тогда зенийка разжала пальцы. Плечо заныло, но Марита не шевельнулась, оцепеневшая под хищным взглядом.

Спина покрылась холодным потом.

Зенийка сощурилась, и, наклонившись, с шелестом вытащила из-за голенища нож. Движение вышло резким и смазанным. Только остро блеснуло лезвие в лучах солнца. Нет!

Марита вздрогнула и испуганно вжалась в дверь спиной, не в силах отвести от ножа взгляда. Ревка растянула губы зверином оскале.

– Не думай, что я буду с тобой возиться. Мне плевать, кто ты: хоть принцесса, хоть сам бог, – выплюнула она, не заботясь, будет ли услышана.

Марита растерянно захлопала глазами. Поджилки тряслись уже совсем не наигранно. Надо вырваться, поднырнуть под руку, сбежать по лестнице... Но она так и продолжала стоять, оцепеневшая.

Ревка подступила совсем близко, почти оперевшись в грудь, и просунула руку Марите за спину. Запахло мускусом и мхом, зашелестело. Что-то узкое и холодное, будто обломок льдинки, коснулось запястьев, поведя вверх по коже, и пропало. Одновременно с этим кисти вдруг обдало жаром. Веревки... они пропали? Марита попыталась шевельнуться, и свело от волны болезненного покалывания. Не дав опомниться, зенийка втолкнула ее в комнату и захлопнула дверь. Щелкнул замок, и стало тихо.

Марита кинулась назад и стиснула ручку, но было поздно. Дверь лишь шумно дернулась на петлях, но не поддавалась – ни в первый, ни во второй, ни в третий раз. Только издевательски поскрипывали петли. Как же так... Марита выпустила ручку и бездумно уставилась на собственные испещренные царапинами и пятнами грязи ладони. Замызганные. Некрасивые. Хоть перстень надень, хоть дудочку возьми –

такими и останутся. Чужая личина надтреснулась, расползлась, словно бумажная маска. Занавес опущен, некому больше смотреть. Марита с тихим стоном пошатнулась и сползла по двери, уткнувшись лицом в колени.

Ее никто не будет искать. Некому. Это в Вентонии стража сбивала сапоги и загоняла лошадей, только лишь бы поймать беглянку за хвост. А тут, в мертвых землях, Марита просто чужачка, бездарная дурочка, решившая поиграться в шпионов. Уродливая замарашка. Вот бы пришел отец и спас ее, как спасал всегда... Она тихо всхлипнула и тут же зажала ладонью рот. Отец не придет. А даже если б мог – не стал. Он никогда не прощал предателей. По щекам покатались слезы, закапали на блузку и подол. Горло болезненно стиснулось, словно в него впились невидимые иглы. Марита плакала тихо и горько, будто скорбящая вдова. А мысли все продолжали жалить.

Ну и что она будет делать, когда правда вскрыется? Когда все узнают, что Марита самозванка и просто сняла перстень с хозяйки? Перстень... Зилай, она ведь стащила его прямо с трупа, прямо... Мерзость, какая мерзость. Марита содрогнулась, давясь всхлипами, и перед глазами всплыло другое лицо, тоже мертвое. Покрытые пеной губы зашептали в такт мыслям. Никчемная. Никому не нужная. Сгинешь, сгинешь. Страх, животный и безжалостный, подобрался к горлу тошнотой. Казалось, Марита шла по канату без страховки, отдавая лишь на волю ветра, и тот со злостью трепал ее скрю-

ченное тело.

По канату? В голове вспыхнуло: крыши домов, возбужденная толпа и маленькая фигурка, зависшая над пустотой. Марита затихла – даже плечи перестали вздрагивать. Обычно веревки протягивали между деревьев и стелили под них солому. Большую высоту никто брать не решался. Никто, кроме отца.

Он звал это знакомством. Стоило фургончику въехать в ворота нового города, как лицо отца приобретало мечтательное выражение, а взгляд устремлялся к крышам. Не проходило и двух дней, как он уже скользил над городом по веревке, поддерживаемый лишь ветром. В детстве Марита зажимала глаза ладонями, боясь, что он соскользнет, но отец всегда доходил до конца и небрежно кланялся восторженным зрителям, будто не сделал ничего особенного. Как-то Марита спросила его:

– Неужели тебе вообще не страшно?

И ожидала услышать «нет». Но отец рассмеялся:

– Конечно, страшно.

Тогда это так поразило Мариту, что она на мгновение потеряла дар речи.

– Но как? Ты выглядишь таким спокойным.

Отец улыбнулся. Это был единственный на памяти Мариты раз, когда он выглядел на свои годы – всего на мгновение, прежде чем вновь стать мальчишкой.

– Марита, разница между трусом и храбрецом не в отсут-

ствии страха. Трус боится и отступает. А храбрец боится, но все равно делает, – он нежно потрепал ее по волосам. – Главное, соизмеряй свои силы. Если я вздумаю пройти Безднову пропасть, то буду вовсе не смелым.

– А кем ты будешь?

Отец наклонился, и она увидела в его глазах затаенную грусть.

– Глупым.

Марита резко выпрямилась, выныривая из воспоминаний. И хотя щеки все еще оставались влажными, глаза высохли – она больше не плакала. Мир продолжал расплываться, голова раскалывалась, но где-то глубоко в груди медленно крепла решимость. Она не сдастся. Только не сейчас. Марита вытерла лицо тыльной стороной ладони. Страх не ушел, но сдвинулся на второй план и перестал быть таким всепоглощающим.

Отец, как всегда, прав. Как бы она не привыкла отрицать это, считать его глупцом и злодеем, ненавидя собственную кровь в венах, отец всегда оказывался прав. Нельзя позволять чувствам себя затуманить. Марита обхватила голову ладонями и задышала медленнее и глубже, собираясь с мыслями. Ее затея была рискованной, безумной, почти невыполнимой, но Зилай побери, если она отступит, не попытавшись.

Как только решение было принято, вернулось и почти отстраненное спокойствие. Будто наблюдаешь за собой со стороны, как трюкачи. Так что, когда Ревка вернулась с чистой

одеждой, Марита легко изобразила подходящие ее роли чувства: страх попеременно с брезгливостью. И хоть принесенные блузка с юбкой восторга не вызывали, переодеться в сухое было очень приятно.

Когда зенийка вновь ушла, Марита позволила себе оглядеться. Комнатка была маленькой, тесной и очень скудно обставленной. К одной из стен притиснута кровать с набитым соломой тюфяком, напротив – маленькое окно, в которое не пролез бы и ребенок. «Ничего, это ненадолго, – уговаривала Марита себя. – Тебя или убьют, или отпустят на все четыре стороны».

Как она ошибалась.

Верис лежал на спине, раскинув руки в стороны, будто спал. Его голова запрокинулась, а глаза закатились. Мутные белки, покрытые сеткой лопнувших сосудов, носили на себе самый явный отпечаток смерти. Прямо грязное, потрескавшееся зеркало.

Марита все еще стискивала на плечах Вериса пальцы. Впивалась ногтями прямо сквозь одежду, шарила по телу взглядом, испуганно и неверяще. Как... как же так... Он правда?..

Поверить было сложно, но каждая черта подтверждала это. Впечатывалась в сознание. Вспенившаяся, розоватая от крови слюна, стекшая со щеки на пол, белая кожа, казавшаяся будто прозрачной, виднеющиеся сквозь нее линии вен...

Зеленовато-синий цвет напоминал стухшую рыбу. Ужасно, до тошноты отвратительно. Смерть совсем не была такой, как ее показывали в театре: красивой в своей глубокой трагичности. Нет, нет. Но Марита это и раньше знала. После смерти отца она перестала верить пьесам.

Глаза вновь и вновь вглядывались в побелевшее лицо, искали то, чему нет названия. Тело Мариты дрожало, как туго натянутая струна.

– Не могу поверить... – прошептала она.

– Правильно, сучка.

Волна ужаса подкатила к горлу. Глаза Вериса широко распахнулись, молочно-белые и пустые, и он, нечеловечески выгнувшись, кинулся вперед. Чужие пальцы стиснулись на горле металлическими кольцами. Дыхание сперло, мир застлало мутной пеленой. Марита дернулась, засучила руками, но Верис держал крепко, и мир стремительно гас под натиском его хватки. Распадался на части. Рассыпался белыми вспышками.

Нет! Она не умрет так! Только не так!

Марита заметалась, путаясь в юбках, замолотила по воздуху руками, закричала... и проснулась. Уже давно рассвело, и комнату заполнило золотистое сияние. В столпе света неторопливо кружили пылинки. Дыхание, вырывающееся из горла хриплыми вздохами-всхлипами, в тишине было подобно колоколу. Марита вытерла лоб дрожащими пальцами. Сон всего лишь сон.

Опять.

Она выдохнула, и пальцы опасно переместились на горло. Ничего. Только липкая от выступившего пота кожа. Марита устало провела по лицу ладонью. Кошмары снились ей все чаще и чаще, будто Урнос насылал их, желая прогнать чужачку прочь. Как будто бы она сама хотела оставаться в этих злых и блеклых землях.

Марита пригладила непривычно распущенные волосы и полезла рукой под тюфяк. Пальцы легко нащупали острый камешек и процарапали на стене очередную заческу рядом с уже существующими. Спрятав камешек обратно, Марита сосчитала их. Десять. Прошло уже десять дней, а о ней как забыли. Только Ревка сидела под дверью, как цепной пес, да еду приносила – и все. Ладонь погладила шершавое дерево и опустилась чуть ниже, туда, где под ровным рядом черточек виднелась причудливая клякса. Стоило взглянуть на Тень-хранитель, как на сердце потеплело, хоть и пришлось уподобить его случайному пятну. А в Вентонии сейчас цветут цветут яблони... В груди защемило от тоски. Может, попытаться поспать еще? Все лучше, чем вспоминать прошлое.

Марита задумчиво уставилась на сбившееся одеяло, как вдруг замок в двери щелкнул. Она резко выпрямилась, мгновенно насторожившись. Тяжелые шаги Ревки всегда были слышны издалека. Значит, это кто-то другой. Но кто? Марита беспокойно огляделась по сторонам, выискивая оружие.

Дверь мягко, совершенно бесшумно приоткрылась, и

внутри зашел человек. Марита сразу же узнала его. Живой коридор из зарослей, Яс, появившийся из ниоткуда мужчина, спор... точно он.

Стоило появиться «зрителю», как спина сама собой выпрямилась, а лицо приобрело надменно-испуганное выражение. Марита сосредоточилась, привычно отгоняя укол стыда, с каждым разом становящийся все менее ощутимым. Играть было так же просто, как дышать, и настолько же необходимо. Марита чинно сложила руки на груди, следуя роли.

Незнакомец внимательно огляделся и заскользил вперед, словно змея. Он ступал так легко и невесомо, что ни одна доска не скрипнула. Марита напряженно следила за его передвижениями, готовая в любой момент сорваться с места. Но когда до нее оставалось несколько шагов, мужчина остановился. Все еще не произнеся ни слова, он принялся молча рассматривать Мариту, и та сделала также.

Однако, глазу было совершенно не за что зацепиться.

Невзрачное, невыразительное лицо, блеклые бурые волосы, сухие и словно бы грязные, непримечательное телосложение. Чужак не был ни высоким, ни низким, ни толстым, ни худым. Он был никаким. Таких людей забываешь почти сразу, как с ними попрощался. Единственным, что привлекло внимание, оказалась одежда: чистая и опрятная, она выглядела намного дороже, чем у остальных.

Мужчина чуть кивнул Марите, сложил руки за спиной и кратко поклонился.

– Здравствуйте, леди Бланка. Меня зовут Тэкито, – представился он.

Голос оказался таким же бесцветным и почти напрочь лишённым эмоций, как и его хозяин. Зачем он говорит с ней? Не знает про немоту? Марита поджала губы и покачала головой.

Тэкито помедлил и улыбнулся. Эмоция отпечаталась на его лице, как чужая, и, хотя это чувство длилось всего миг, прежде чем улыбка стала доброжелательной, по спине Мариты пробежали мурашки.

– Я понимаю, что вы напуганы, леди Бланка, но вы можете мне доверять. Понимаете, я сам не одобряю здешние, скажем так, методы, – мягко и покровительственно, почти потцовски начал Тэкито. – Но у меня нет выбора. Однако, если бы я был уверен, что могу рассчитывать на вашу благосклонность...

Что? Марита незаметно впиалась в ладонь ногтями, скрывая удивление. Мужчина помолчал, будто ожидая какой-то реакции, и, не дождавшись, продолжил:

– Я смогу вас вывести, если вы защитите меня. Я знаю другой ход.

В груди ярко вспыхнуло. Тэкито предлагал сделку! Стоит только согласиться, и она вырвется, вновь окажется на свободе, и... Марита вздохнула – и безжалостно потушила огонек надежды. Леди Бланка наверняка согласилась бы не думая, но она не могла позволить себе так рисковать. Кто зна-

ет, вдруг неожиданный помощник прирежет спасенную госпожу за ближайшим углом или продаст конкурентам? Марита была осторожной, как стреляная лисица, и не без причин. Она вновь указала на уши.

– Ну же, леди, решайтесь, вы зря меня боитесь, – продолжал мягко стелить мужчина. – Потому что я не пожалею это личико и распушу на лоскутки, и мне ничего за это не будет. Тебя не то, что мать – даже собственное отражение не узнает.

Марита оцепенела. Будто ледяной водой окатило – волосы на затылке встали дыбом. Ничто в Тэкито не выдало жестокости его слов: все та же располагающая улыбка, тот же бесцветный тон и расслабленная поза. Это несоответствие сбивало с ног. Нельзя поддаваться. Марита до боли прикусила щеку, всеми силами стараясь удержать спокойное выражение лица. Ее спина взмокла, а колени, скрытые тканью юбки, мелко подрагивали.

Она показывала трюки с дрессированными волками, выступала при дворе, доигрывала роль со сломанным пальцем... но никогда еще игра не давалась так сложно, как сейчас.

А Тэкито продолжал говорить. И при этом улыбался, словно рассказывал шутку.

– Знаешь, если отсечь человеку конечности и приречь раны, он все ещё может остаться жив. Здесь таких называют «черепашка». Потому что, если уронить на спину, он будет так же забавно махать обрубками и не сможет перевернуть-

ся. Я один раз видел такого. Рыдал и умолял его убить, потому что даже это не мог сделать сам. Ужасная судьба.

Кожа рук покрылась мурашками, как от ледяного ветра. Марита молчала, из последних сил удерживая растерянное выражение лица. Недо бежать, прятаться, лишь бы скрыться от этого чудовища... Надо... Она продолжала сидеть, непонимающе моргая. Воздух почти дрожал от напряжения.

– Знаешь, а выкупа за тебя так и не дали. Если и дальше так пойдет, останется только душу отвести – раз уж информацией с тебя не взять.

Марита моргнула – и мгновенно расслабилась, словно кто-то выдернул мешавшую занозу. Выкуп, как же. Его не могли бы отправить так быстро: одному письму до замка идти пол срока. И это знание наконец сложило части картинки в одно целое. Да ведь Тэкито просто разыгрывает спектакль! То сверкающие доспехи рыцаря примеряет, то черный плащ злодея в надежде, что глупая баронесса клюнет.

Марита мысленно улыбнулась: грудь переполняло торжество. Фраза, которая бы окончательно уничтожила леди Бланку, воскресила ее из пепла. Нет уж, господин Тэкито. У тебя был шанс победить – но не на этом поле. Марита вздернула подбородок с видом аристократки, чье время занимают впустую, и отвернулась. Тэкито прищурился, разглядывая ее, словно пойманную бокалом бабочку. С холодным, расчетливым любопытством. По спине скатилась капелька пота, но Марита не шелохнулась.

Мужчина вновь кивнул ей и тихо, как тень, двинулся к двери. На пороге он обернулся.

– Говорят, леди Доротея была очень любвеобильна в молодости. Может, нам стоит просить выкуп не у Реплихов, а у Каренов? – сказал Тэкито, бросив внимательный взгляд через плечо.

Страшное оскорбление для аристократов, дорожащих чистотой своей крови сильнее, чем жизнью. Меткий удар, точно сработавший бы на леди Бланке. Но Тэкито не повезло. Марита безразлично скользнула по нему взглядом. Мужчина еще немного постоял в дверях и выплыл вон. Марита едва сдержалась, чтобы не броситься следом – все равно это было бесполезно.

Только когда дверь почти бесшумно закрылась, она позволила себе сторбиться и обнять плечи руками, съезживаясь в испуганно дрожащий комок. Пронесло. Что бы Тэкито не хотел, ему не удалось это получить.

Но Марита все равно не чувствовала себя победителем.

После прихода Тэкито опять наступило затишье. Количество зарубок на стене перевалило за пятнадцать, и Марите начинало казаться, что она состарится в этой тесной, серой комнате, глядя на чужие жизни в окно.

Время близилось к полудню. Марита стояла, чуть прижавшись к окну и привстав на носочках. Солнечный свет золотил доски, отчего в воздухе стоял насыщенный запах нагрет-

того дерева. Он напоминал о прошлом: так пахло в их фургончике в разгар дня. Казалось, вот-вот появится отец и протянет дичку, сорванную с ближайшей ветки. И это яблоко будет самым вкусным на свете.

В горле встал ком, и Марита едва смогла его проглотить. Интересно, где бы она была сейчас, если бы не... Если бы Верис не... Марита стиснула на крае окна пальцы, не чувствуя заноз. Может, есть мир, какой-то лучший двойник этого, где она все еще артистка, счастливая и свободная? Как бы хотелось взглянуть хоть глазком... Марита помотала головой, вытряхивая тоскливые мысли, как мусор из корзины, и поглядела вниз.

Люди сновали туда-сюда, словно муравьи, и в их хаотичном передвижении почти можно было уловить ритм. Марита скучаяще подперла подбородок ладонью. За все дни заключения она успела изучить распорядок разбойничьего логова лучше, чем нотную грамоту.

Каждое утро с каменного строения, оказавшегося огромным колодцем, снимали крышку. Воду набирали в бочки, грузили на телегу и увозили, вечером возвращая пустыми. Больше ничего интересного. А сегодня Марита и «развоз» проспала. Она продолжила лениво разглядывать двор. Вот дети гоняют кота, вот женщины смеются, развешивая белье... Так, а это что?

На пяточке свободного пространства собиралась толпа. В основном мужчины, все в стеганках и обвешанные оружием,

они возбужденно шумели, будто псы перед охотой. Марита заинтересованно подалась вперед, гадая, что происходит. На бунт не похоже. Собрание?

Толпа, тем временем, продолжала разрастаться, пока не появился Яс. Тоже приодетый и собранный, он мгновенно заставил всех утихомириться одним своим появлением. Точно не бунт. Марита еще сильнее подтянулась, стараясь не упустить ни одной детали. Смотрела, как жестикулирует Яс, как нетерпеливо толкаются люди и как толпа вдруг взрывается ревом. Ветер донес лишь отголоски, но и это заставило поежиться: было что-то дикое и звериное в голосах, слившихся воедино.

Яс вновь начал что-то говорить, как вдруг толпа расступилась, и вперед вырвалась Ревка. Встрепанные волосы и резкие движения делали ее похожей на разъяренную медведицу. Она почти накинута на мужчину, яростно размахивая руками. Яс даже не шелохнулся, словно Ревка была ветром, пытающимся сдвинуть скалу. Не было понятно, сказал ли он хоть что-то, но зенийка отступила. Глава разбойников махнул рукой и повел кучку воинов прочь, оставив Ревку стоять одну.

Марита быстро облизала губы. Интересно, что Ревка хотела? Впервые за последние дни к апатии примешалось любопытство, словно кто-то поворошил затухающие в груди огни, заставив их вспыхнуть вновь. Может, письмо пришло? Или граф таки взялся за хищников, охотящихся в его саду? Пе-

ремены предвещали возможности. Свежий глоток воздуха. Шанс.

Взбудораженная этим, Марита проторчала у окна весь день. Однако разбойники не вернулись ни к обеду, ни после – только когда начало темнеть, вновь открылись ворота. Сгустившийся воздух прочертили красные всполохи факелов. За людьми следовали тяжело нагруженные лошади, и даже в неровном свете было видно, как устало вздымаются их бока.

Не успели разбойники вылезти из седел, как вокруг них собралась галдящая толпа, которая ярким, шумным потоком хлынула в главный зал. Здание тут же ожило, загудело, как улей, наполняясь голосами и смехом. А вот снаружи все, наоборот, опустело, будто вымерло. Марита подождала еще пару минут и с разочарованным вздохом вернулась на кровать. Вряд ли люди графа одаривают преступников богатствами... Неужели, Марита застряла в своей темнице навсегда?

Дверь вдруг громко скрипнула, и внутрь ввалилась Ревка с деревянной миской и глиняной кружкой в руках. От еды шел густой белесый пар. На мгновение показалось, что чужие глаза сверкнули в начинающихся сумерках, как звериные. Марита уже привычно приосанилась, одарив вошедшую пренебрежительным взглядом. Та в ответ сморщила нос, явно жалея, что не может убить наглуую аристократку. Марита ее понимала, но роль диктовала свои правила.

– На.

Ревка грубо пихнула миску Марите в руки. Пальцы обо-

жгло, и лицо само собой болезненно скривилось. Марита с шипением опустила миску на ноги, но зенийка только зло-радно хмыкнула, и не вздумав извиняться. Со стуком поставив кружку на пол, она отошла к стене, где и стала прохаживаться туда-сюда с хмурым взглядом. Был бы хвост – верно хлестала б по бокам. Марита осторожно подула на полную ложку, пытаясь остудить. Еда в Урносе была непривычной: пряная и острая, она горела на языке и обволакивала горло теплом. Первое время местные блюда вышибали у Мариты слезу, но она успела приноровиться. А супы и вовсе полюбила – воду почему-то приносили редко.

Пока Марита ела, Ревка продолжала метаться по комнате. Будто зверь, запертый в клетке, она то напряженно замира-ла, то вновь начинала наматывать круги. Марита кинула на женщину косой взгляд из-под ресниц. Волосы будто вздыб-лены, рубаха скомкалась, а глаза скачут туда-сюда и болез-ненно блестят. Зенийка явно была взбудоражена, и это пере-далось телу, делая из него открытую книгу.

Суп потихоньку кончался, и Марита нарочно растягива-ла последние ложки. А когда жижи не осталось, принялась скрести по стенкам, собирая остатки. Все ради роли – убеж-дала себя, но не верила. Просто не хотелось, чтобы Ревка уходила. Пусть скалит зубы, смотрит кровожадно, обзывает и даже тычет в лицо ножом. Лишь бы осталась еще на немно-го. И тогда можно будет притвориться, что никакого одино-чества нет, а дыра, выгрызенная им, просто мерещится.

Марита едва заметно покачала головой, коря себя за малодушие. Снизу вновь донеслись радостные возгласы, сменившиеся смехом и нескладным пением. Ревка начала нетерпеливо притоптывать ногой. В скудном свете из окна ее шрамы казались ненастоящими, будто нарисованными. Глаза в обрамлении белой сетки рубцов блестели, как две золотые монеты.

Марита неторопливо опустила ложку в тарелку, постаравшись, чтобы жест вышел в равной степени царственным и утомленным. Играть было приятно, прямо как воину вновь потренироваться после долгого простоя.

Ревка раздражено дернула губой и в пару шагов оказалась рядом. Наклонившись, она вырвала тарелку прямо из рук и поспешила к двери. Марита почувствовала, как склизкие щупальца, до того чуть разжавшиеся, вновь кольцом сжимаются на сердце. Ну вот. Она вздохнула, провожая зенийку долгим взглядом. Ревка шагала быстро и размашисто, но у двери вдруг почему-то остановилась. А потом и вовсе, развернувшись, замахала рукой. Марита непонимающе вздернула бровь, на что Ревка ответила разочарованным кошачьим ворчанием.

– Пошли, дура глухая. Ну? – гаркнула зенийка и вновь медленно показала на дверь.

Она, что, предлагает выйти?.. Сердце часто-часто забилось, зашиваясь от радости вперемешку со страхом. Сдерживаясь, чтобы не вскочить на ноги, Марита медленно под-

нялась, чопорно придерживая подол. Ревка тут же исчезла в проходе. Пришлось поспешить следом, пока та не передумала.

Внизу было людно и светло. Обдало жаром – горели оба очага, распутившись красными цветами, и зал обволакивало приятное тепло. Взгляд зацепился за танцующих скелетах, украшающих барельефы. Костлявые руки держали бокалы, полные вина, а сапоги с длинными носами высекали искры. В одном из очагов жарилась свинья, и жир шипел на обгоревших бревнах.

Дальше, где свет очагов сменялся красноватыми бликами факелов, высились окованные железом сундуки и разложенные неровными рядами мешки и ящики. Их было так много, что зал напоминал королевскую сокровищницу. У притаившегося за ними стола мелькали несколько совсем молодых девушек, еще по-подростковому вытянутых, как жеребята, и расставляли еду. В воздухе пахло жареным мясом, медом и свежим хлебом, отчего в животе несмотря на съеденный суп заурчало.

Но этот звук тут же потонул во всеобщем гомоне. В зал набилась целая толпа, роящаяся в добыче с жадной увлеченностью. На Мариту внимания никто не обращал. Ревка поставила посуду на стол и указала на стену у лестницы, пару раз красноречиво ткнув туда пальцем.

– Стой. Тут.

Марита помедлила для виду выдержала паузу, но стоило

Ревке вновь начала злиться, сразу послушалась. Зенийка широко улыбнулась, продемонстрировав крепкие зубы, и мгновенно исчезла среди пестрых завалов. Только копна каштановых волос и мелькнула.

Марита выдохнула, прислоняясь к стене. Ее взгляд жадно шарил вокруг, а на душе звенело ликование. Просто не верится, что она правда снаружи. Только зачем это Ревке? Не хотела оставлять одну? Марита задумчиво прикусила костяшку пальца, собирая разбежавшиеся было мысли обратно в кучу. Сейчас важнее не это, а как воспользоваться выпавшим шансом.

А вокруг тем временем бурлила веселая суматоха. Две девушки, смеясь и болтая, рылись в сундуке, складывая полюбившиеся цапки в непрестанно растущие кучки. Чуть дальше мальчик с девочкой дрались за игрушечную лошадку. Подошла женщина со свертком цветной ткани под мышкой и треснула обоих по лбу. У стола какой-то пухлый мужик горстями запихивал в рот сушеный виноград.

А ведь если сейчас сбежать, и ловить никто не будет. Одной пестрой птичке затеряться в стае таких же не сложно – стоит только плащ из любого сундука накинуть. Но Марита осталась стоять на месте. Слишком уж высок риск, да и выпустит ли ее логово без проводника? В груди кольнуло досадой. Уходить с пустыми руками как-то совсем обидно. Жаль, Яс носит волшебный ключ на шее... Точно, ключ. Мариту осенило, и она принялась сосредоточенно обшаривать зава-

лы взглядом. Отмычка ей пригодится.

Вскоре глаз выцепил несколько подходящих заколок, но возле каждой толпились люди. Марита закусил губу.

– Да окрасится солнце алым, да станет день ночью.

Громкий голос разнесся над рядами, заставив вздрогнуть. Он был звонким и четким, но каким-то странным – будто принадлежал ребенку, еще не научившемуся говорить. Марита невольно завертела головой и почти сразу увидела высокую клетку, стоящую на груде ящиков. Тонкие прутья красиво изгибались куполом, переплетаясь на верхушке. Вокруг клетки топталось несколько детей, загораживая обзор. Звук шел оттуда.

– Пробьет колокол – и вспомните! – не унимался голос.

Марита фыркнула. Ну и нелепица. Кто же так смешно треплется? На всякий случай оглядевшись по сторонам, она медленно двинулась в сторону клетки. Человеческий поток охотно впустил Мариту внутрь и принес прямо к цели. Та вновь осмотрелась, и, привстав на носочки, заглянула за детские головы

Внутри клетки сидела птица. Крупная, чем-то напоминающая измовского попугая, но с головой галки, она деловито расхаживала взад-вперед по жердочке. На фоне серых перьев явственно выделялась ярко-красная грудка – как пятно свежей крови. Ну надо же, говорушка! К любопытству приешалось восхищение.

Птица вновь прошлась по жердочке – застучали коготки.

– Слышу тяжелую поступь, слышу.

Дети весело рассмеялись, подпихивая друг друга локтями. Марита тоже улыбнулась, невольно, сама того не заметив. И бросила мимолетный взгляд вниз. То ли низ клетки хотела рассмотреть, то ли по привычке поискать сор на полу. Но вместо этого взгляд зацепился за лежащие возле клетки заколки: парные, с длинными тонкими застежками. То, что надо! Марита нетерпеливо шагнула ближе.

– Явится знамение миру! – продолжила вещать птица.

Как часто Марита слышала такие же речи из шатра очередного шарлатана. Раньше это раздражало, даже настроение портило, но теперь громкие пророчества радовали. Не худшее прикрытие. Детям не до нее, а взрослые если что решат, будто леди заинтересовалась диковинкой. Марита мягко отодвинула зазевавшегося мальчика в сторону и наконец добралась до ящиков.

Птица заметила ее: склонилась голова, заблестели черные бусинки глаз. Чуть подумав, Марита медленно протянула к прутьям пальцы, второй рукой незаметно зашарив по ящику. Ну же. Ну! Сердце зачастило, вторя торопливым движениям. Говорушка с интересом вытянула шею, и на ее голове встопорщился красный гребень. Марита улыбнулась ей, еще левее сдвинув ладонь, и в ту наконец ткнулось что-то холодное. Пальцы тут же сомкнулись на добыче, и в этот самый миг голоса вокруг стихли. Тишина оглушила, и Марита развернулась чуть более резко, чем стоило, едва успев спрятать

заколку в кулаке.

И мысленно выругалась.

Люди расступались в стороны, почтительно опуская головы. Твердо чеканя шаг, сюда шел Яс.

Наводка оказалась верной. Яс не знал, что грело его больше: богатая добыча или то, что они добрались раньше, чем купцы попали на территорию Псов. Он стоял недалеко от входа, вальяжно прислонившись к стене, и с легкой улыбкой наблюдал за тем, как его люди роются в сундуках, будто дети.

– Удачное дело, командир?

Как невовремя. Яс внутренне выругался и поспешно стер улыбку с лица. То, как тихо умел Тэкиито подкрадываться, могло напугать даже подготовленного человека. Глава разведки без единого звука встал рядом, скрестив руки на груди, и обвел зал взглядом.

– Не нравится мне это, – с легким неодобрением сказал он.

Мимо прошел молодой парень, попеременно дую в глиняную свистульку и гыгыкая. Яс потер подбородок, пряча в ладони смешок.

– Самое ценное уже в хранилище, – негромко сказал он, довольно щурясь. – А больше, чем можно унести в руках, брать все равно не позволено.

– Хорошо.

Лицо Тэкиито тут же поблекло, словно, получив ответ, тот

сразу потерял к сокровищам интерес. Они простояли молча еще какое-то время, прежде чем глава разведки вновь подал голос, глядя прямо перед собой и едва шевеля губами:

– Леди не раскололась. Или она умнее, чем мы думаем, или раскалывать нечего, – Тэкито постучал пальцами по сгибу локтя.

– Что ты пробовал?

– Предлагал помощь, сочувствовал, угрожал, пугал – все как обычно, командир, – мужчина слабо пожал плечами. У него даже жесты выходили скудными, будто не доведенными до конца. – Даже обругал ее матушку – ни мускул не дрогнул.

Яс хмыкнул.

– Очень, хм, необычный способ, – с легким ехидством отметил он. – Что вообще удалось узнать?

Тэкито едва заметно нахмурился – на мгновение на лбу пролегла морщина. А потом его глаза словно подернуло туманом – как всегда, когда глава разведки обращался к чертогам памяти.

– Ее зовут Бланка, она – младшая дочь барона. Любит танцы, красивые платья, украшения – ничего особенного. Владеет собственным поместьем недалеко от места боя. Реплихи заявлений не делали, но и похорон не было. Тела-то мы сожгли. Может, пытаются с помощью колдунов что-то выяснить, – начал перечислять Тэкито. – В поведении леди ничего интересного нет: спит, смотрит в окно, в первый день плакала, но быстро перестала. Только воды много пьет и...

Командир, разве Ревка не должна сторожить комнату?

Яс непонимающе проследил взглядом за рукой Тэкито и не поверил своим глазам: зенийка скакала недалеко от стола, вертя в руках охотничий рог. Ну и наглость. Яс сжал челюсти и, стараясь не шуметь, медленно подошел к ней со спины. Ревка не заметила, увлеченная. Удалось даже положить ей ладонь на плечо и прошептать, стиснув пальцы:

– Красивый?

– Да, я...

Ревка вздрогнула и запнулась. Радость в ее голосе мгновенно померкла, и ей на смену пришел испуг. Зенийка обернулась, сторбившись и понутив голову, будто провинившийся пес.

– Командир, – пробормотала она, пряча глаза.

В груди бутоном распустилось мрачное удовлетворение. Яс разжал пальцы и отступил на шаг, почти машинально приняв ту самую позу, которая делала людей шелковыми. Чуть задранная голова, прищуренные глаза, правая нога выставлена вперед, а одна из рук покоится на поясе, поглаживая рукоять меча. Ничего особенного, но работало безотказно. Вблизи все мгновенно притихли, и тишина продолжила расходиться волной все дальше и дальше.

– Кажется, я не заметил, как зал перенесся на второй этаж, – задумчиво сказал Яс, привычно двинув уголком губы так, чтобы на лице появилась холодная ухмылка. – Не объяснишь?

Интересно, если бы они знали, что Яс часами тренировал этот жест перед зеркалом, боялись бы так же сильно? Он качнул головой, отгоняя посторонние мысли. Лицо Ревки стремительно побелело и пошло красными пятнами. Надо же, она все еще может испытывать стыд.

– Простите, командир, я не должна была спускаться, – негромко сказала Ревка, но тут же яростно тряхнула головой. В желтоватых глазах сверкнули искры. – Но я воин, а не нянька.

Она все еще вжимала голову в плечи, будто собака, оскалившаяся на хозяина и теперь ожидающая удара. Яс незаметно вздохнул. Все-таки, в чем-то Ревка была права. Она заслужила наказание, но с тем же успехом можно было резать хлеб мечом. Теперь стоило подумать, как и по носу щелкнуть, и вернуть ее в строй.

– Где леди?

Ревка развернулась, указав пальцем куда-то в сторону лестницы.

– Она там, – сказала уверенно, но тут же застыла в ужасе. – Я... она же была... командир, я сейчас!

Ревка шумно втянула носом воздух и нырнула в толпу. Послышались вскрики и ругань. Яс двинулся следом, с трудом сдерживаясь, чтобы к ней не присоединиться.

Конечно же, леди в указанном месте не было. Но она нашлась среди башен из ящиков, что-то увлеченно разглядывающая. Яс поймал Ревку за плечо и удержал на месте, прежде

чем она смогла их выдать. Наблюдал. Бланка любовалась птицей. Нежно касаясь пальцами клетки, она улыбалась, и Яс невольно засмотрелся на эту улыбку. А потом леди вдруг резко развернулась и встретилась с ним глазами. Неужели, почувствовала, что он смотрит? Яс досадливо поморщился, но вышел вперед.

Леди смиренно опустила голову и спрятала руки за спиной, но ее плечи остались все так же горделиво расправлены. Птица подскочила ближе к прутьям и попыталась втащить в клетку оказавшуюся рядом прядь. Бланка все так же сдержанно отступила в сторону, поправляя волосы. Яс рассмеялся.

– Леди понравилась птица? – сказал, отлично зная, что не будет услышан. И тут его осенило. – Леди может забрать ее себе. Конечно же, в счет доли Ревки. Ты же оплатишь леди птицу и будешь за ней убирать, верно, Ревка?

– Но...

Яс вновь сощурился и краем глаза заметил, как Бланка вздрогнула.

– Ведь тогда леди не заскучает одна.

Ревка тут же замолчала, поняв намек. Яс предоставил ей самой решать, хочет ли платить за свободу названную цену. Зенийка думала над этим, глядя в пол, только желваки ходили ходуном. Наконец, она подняла на Яса полные раздражения и решимости глаза.

– Конечно, командир, – буркнула Ревка и с показательным

почтением улыбнулась.

— Тогда отведи леди в ее комнату вместе с новым другом и спускайся.

Долго предлагать не пришлось, и вскоре Ревка вместе с напуганной Бланкой и выкрикивающей случайные фразы птицей исчезла наверху. Со спины все так же неслышимо подошел Тэкито.

– Надо же, леди не попыталась сбежать. Либо она трусливая, либо благоразумная, – сказал он, глядя, как все в зале вновь оживают.

– Предпочту второе.

– Почему?

Яс хмыкнул и придержал пробежавшего мимо ребенка, не дав запнуться и пропахнуть пол носом.

– За глупую меньше заплатят.

Марита стояла и глядела на птицу, все еще не веря в произошедшее. Почему Яс так поступил? То ли просто решил наказать Ревку, то ли причина была в другом. Идей не было, и вскоре Марита махнула на это рукой. И правда, какая к Зилаю разница? Сейчас она была рада любой компании.

Марита вновь взглянула на говорушку. Прежде чем уйти, Ревка пнула клетку, вымещая злость, и теперь та тихо звенела, не переставая вздрагивать. Птица перепугано металась внутри, будто попрыгунчик. Марита подошла ближе и опустилась на колени.

– Тихо, тихо, – негромко зашептала она, удерживая клетку на месте.

Звон и грохот прекратились, и птица тоже замерла, нахохлившись на жердочке. Теперь в том, что она ручная, никаких сомнений не осталось: чистые, ровные перья, блестящий клюв и небольшое колечко на лапке только подтверждали догадки. Марита позволила себе улыбнуться. Похоже, «удача вновь решила с ней станцевать». Она осторожно прижала к прутьям ладонь, и говорушка с готовностью ткнулась в ту клювом – не больно, но ощутимо.

– Красавица, – вновь едва слышно похвалила птицу Марита. Тонкие стены были палкой о двух концах. Впрочем, сейчас все звуки перебивал кипящий внизу праздник. – И как же тебя зовут, а? Имя? У тебя есть имя?

Говорушка издала звук, похожий на что-то между скрипом несмазанной двери и мяуканье. Марита разочарованно отстранилась, и тут вдруг птица вновь заговорила:

– Слушай оракула. Оракул умный. Оракул коварный.

С губ сам собой сорвался смешок.

– Оракул так Оракул.

Марита хмыкнула и, перебравшись на кровать, разжала кулак. Сердце все еще не успокоилось, и пальцы мелко подрагивали, но это не помешало разглядеть добычу. На ладони лежали две небольшие заколки с два пальца в длину. Они слабо поблескивали в лунном свете, словно маленькие звезды. Марита перевернула одну и попыталась отогнуть край.

Тот поддался на удивление легко, и вскоре в руках был длинный тонкий прутик, чуть загнутый на конце. Удовлетворенно кивнув, Марита проделала то же со второй, только оставила кончик кривым.

Вот и ключик от всех дверей.

Снизу вновь донеслись пьяные крики, перетекшие в нестройное пение. Возможно, сейчас лучший момент, чтобы его испытать. Марита покосилась на дверь, колеблясь, но в итоге со вздохом спрятала импровизированные отмычки под тюфяк. Нет, она еще не готова. Но скоро... очень скоро... По губам скользнула легкая улыбка. Знать, что можешь выйти из темницы, было приятно. Почти так же опьяняюще, как хлестать кубками вино.

Оракул лениво покусывал прутья клетки. Он продолжал наблюдать за новой хозяйкой, блестя глазками-бусинками.

– Сегодня над нами двоими дождь пошел, как тут принято говорить, – сообщила птице Марита. – Почти безбожно повезло.

– Жди стрелы в спину и злых знамений, – философски заметила птица.

И они замолчали, думая о своем.

Глава 3. Ночные секреты

Заколка слабо, но маняще поблескивала – словно сокровище в глубине пещеры. Марита сидела, склонившись над сложенными лодочкой ладонями. Разглядывала. И думала.

Рядом скакал по клетке Оракул, время от времени заставляя прутья издавать противный звон. Бряк-бряк. Казалось, птица дерется с невидимым противником. Это сбивало с мыслей, и так не шибко складных. Марита вздохнула и, сдавшись, спрятала импровизированные отмычки обратно под тюфяк.

– И зачем я их стащила? – спросила она у птицы.

Та с интересом наклонила голову набок, но промолчала. Марита еще раз вздохнула, уже тяжелее, и поднялась на ноги. Прошлась по комнате уверенной походкой зверя, не только изучившего свою клетку, но и успевшего с ней примириться. Теперь, когда ключ действительно был, отпирать темницу не хотелось.

Зачем, когда и так неплохо?

С Маритой обращались, как с диковинной птичкой: кормили, поили, сдували пылинки и ничего не требовали. А если высунется? Крылышки-то могут и подрезать, если вообще шею не свернут... Как бы ни хотелось это признавать, она оставалась под защитой своей ложной личности лишь пока не дергалась. Все-таки прутья клетки, хоть и удержива-

ют, хищникам добраться тоже не дают. Стоит ли самолично прыгать в пасть?

Марита сделала по комнате очередной круг и плюхнулась на кровать, безразлично уставившись в потолок. Неравномерно выцветший, он, казалось, хранил неясные образы. Птица продолжала прыгать по клетке, и хаотичное бряканье начало убаюкивать. Веки отяжелели, а тело будто укрыло невидимым одеялом. Нет, нельзя спать... разве что... чуть-чуть...

Хлоп!

Марита подскочила на месте и испуганно заозиралась, но сбившееся было дыхание быстро выровнялось. Ревка. Стоящая в проеме зенийка довольно оскалилась, радуясь, что смога напугать свою «жертву». Из-за шрамов казалось, что на смуглом лице не одна ухмылка, а минимум три. Марита поежилась. Проклятая девка.

– Вставай, неженка, – сказала Ревка, шагнув внутрь комнаты, и шумно втянула воздух носом.

Будто пыталась буквально унюхать чужой страх. Марита нахмурилась, капризно скривив губы. Ложная личина налезла поверх своей, как разношенная рубаха – легко и привычно. И только в мыслях тревожно заметалось: что ей надо? Вряд ли просто поглумиться – не осмелиться. Но плечи все равно напряглись.

– Вот курица тупая, – раздраженно рыкнула Ревка и помахала руками снизу вверх. – Пошли, говорю.

Марита медленно встала, выискивая в чужом лице хотя бы намек на подвох, но его не было. Только что-то все равно зудело на краю сознания, как назойливый жук. Какая-то ускользающая деталь, острая неправильность происходящего... Будто... Будто она радуется – осенило Мариту. Всегда недовольная ее компанией, зенийка светилась от почти мстительного удовольствия. В груди стремительно похолодело.

И все вокруг только усиливало тревогу. Пустующий зал с будто брошенными кубками и тарелками, раздающийся снаружи гомон, нестройная толпа, образовавшая неровный полукруг, и воздух, звенящий от напряжения. Кто-то что-то выкрикивал, рядом плакал ребенок. Молодая девица испуганно таращилась вверх чужих голов.

Дойдя до толпы, Ревка вдруг схватила Мариту за запястье и потащила вперед, грубо распахивая людей в стороны. Та тихо охнула сквозь зубы и едва успела вжать голову, как они оказались в первом ряду. Марита, морщась, потерла бедро – точно синяк будет. Зато дышалось здесь, впереди сбившихся в кучу тел, было легче. Марита с облегчением пригладила сбившееся платье и только потом подняла глаза.

И оцепенела. Впереди, на пяточке земли, стоял разрубленный пополам кусок бревна. Совершенно обычный, если не считать стоящего за ним на коленях мужчину. Он дрожал, и расширившиеся от ужаса глаза метались туда-сюда, то словно выискивая что-то в толпе, то вновь утыкаясь в топор в

руках палача.

Тот держал оружие почти небрежно, умудряясь при этом вяло пожевывать зажатый между зубами колосок. Из-под закатанных рукавов замызганной рубахи виднелись застарелые ожоги, убегающие куда-то вверх. Застывшая на лице палача скука выглядела так дико, что Марита не сразу заметила стоящего чуть поодаль Яса.

Главарь разбойников словно нависал над всеми остальными, неподвижный и непоколебимый. Чуть сощуренные глаза смотрели с холодом и... разочарованием? Или это было презрение? Яс медленно обвел собравшуюся толпу взглядом. У Мариты тут же перехватило дыхание, словно это к ее шее приставили топор.

Это же не казнь?

Сердце предательски зачастило, словно уже зная ответ.

– Многим, наверное, интересно, в честь чего такое представление, – сказал Яс, жестко улыбнувшись. – Кардо, расскажи-ка нам, почему мы здесь собрались?

Несмотря на этот обманчиво ласковый тон, мужчина на коленях вздрогнул, словно его ударили кнутом. И Марита вместе с ним.

– Командир... не надо, – принялся умолять Кардо.

На лице Яса не мелькнуло ни намек на сочувствие. Он властно махнул рукой, и палач, даже не поворачиваясь, схватил мужчину за волосы и дернул. Тот вскрикнул, но вывернуться не попытался.

– Я воровал из сокровищницы. Подделывал записи, которые отдавал главному казначею, и забирал часть себе, – заговорил Кардо, запинаясь и проглатывая слова. – Командир, пожалуйста, дайте мне шанс, я исправлюсь...

По толпе пронесся ропот, заставив мужчину вжать голову в плечи. Он так и застыл, скорчившись с мольбой в глазах.

– Заткнись, – отрезал Яс, как только услышал извинения, и невозмутимо обратился к палачу. – Кажется, у нас завелась крыса. Что мы делаем с крысами, Фел?

– Сворачиваем им шеи, – безразлично отозвался тот.

Кардо взвыл, почти по животному отчаянно, и от этого звука Мариту бросило в дрожь. Она попыталась в тщетной попытке сбежать, но уперлась в плотный строй, словно в стену. Дернулась еще раз – и остановилась. Бесполезно. Толпа жадно, по волчьему сгрудилась, словно готовясь по команде разодрать провинившегося в клочья. Вдоль позвоночника скользнула волна липкого ужаса.

Яс же продолжил, показательно не обращая на Кардо внимания:

– Фел, крыса может стать кроликом, если очень захотеть?

– Нет. Она останется крысой.

– Какая жалость.

Сухой тон противоречил сказанным словам, а в прищуренных глазах стоял лед. И совершенно не хотелось знать, что за ним.

Марита тихо сглотнула, пытаясь избавиться от шума в

ушах, но тот только стал сильнее. Она и раньше бывала на казнях, но такой сплоченной ненависти не видела ни разу. Будущие вдовы плакали, случайные зеваки скучали или смотрели с ленивым любопытством, кто-то и вовсе кривился от отвращения. Но не тут. И Марита не оборачивалась, страшась того, что может увидеть.

Яс вновь повелительно махнул рукой. Палач перекинул колосок во рту на правую сторону и пихнул Кардо вперед, шеей прям на бревно. Тот вскрикнул и затих, больше напоминая куклу, чем человека. Лезвие топора блеснуло огненным полумесяцем и рухнуло вниз.

Марита поспешно отвернулась, а потом и вовсе уставилась на небо и на бегущие по нему сизые облака. Прямо как на отцовской казни. Только дождя в этот раз не было, и солнце нестерпимо жгло глаза. Но лучше так. Видеть последний вздох, конвульсии, лицо, искаженное смертью... Нет, больше никогда. Марита стиснула челюсти, болью отвлекая себя от происходящего. Но не вышло – мир сузился, и она словно могла ощутить запах стального лезвия, занесенного над чужой шеей, и услышать звук, с которым палач жевал стебель колоска.

По виску скатилась капля пота.

Свистнул рассеченный воздух. Раздался вскрик, потом влажный хруст, и все стихло. Только в воздухе неуловимо повеяло кровью. Небо вдруг стало слишком ярким, слишком невыносимо живым, и Марита опустила голову.

На мертвеца смотреть не хотелось, так что она посмотрела на Яса. И вздрогнула, когда их взгляды пересеклись. Главварь разбойников тоже смотрел на Мариту, внимательно и словно бы со значением, с пробирающим до дрожи весом. Да нет, не может быть... Чужие глаза сощурились.

– Так будет с каждым, кто вздумает, что меня можно об­лапошить, – Яс сделал паузу, все так же не отводя взгляда. – Или послушаться и уйти безнаказанным.

Все внутри похолодело, схватилось ледяной коркой. Он все знает? Знает и сейчас вытащит ее следом, кинет на то же бревно и... Ноги дернулись, вторя мыслям: бежать, бежать как можно дальше, пока еще можно! Но ослабевшее тело не послушалось, и Марита продолжила стоять, едва живая от страха. Все кончено. Она внутренне съежилась, готовясь к удару, но Яс не спешил подходить. Почему он медлит? Решил насладиться ее ужасом перед тем, как казнить?

Но, спустя несколько мучительных мгновений, мужчина просто отвернулся.

– Уберите тут все, – бросил он.

И, крутанувшись на каблуках сапог, ушел. Все вокруг тут же засуетились, загородив обзор.

– Эй, хватит зенками лупить, ну! – раздался рядом хрип­лый голос.

Марита вздрогнула, все еще оцепеневшая, и медленно по­вернула голову. Ревка нетерпеливо дергала ее за рукав. Лег­кие запекло от вновь наполнившего их воздуха. Пронесло.

Увидев, что удалось привлечь чужое внимание, Ревка довольной осклабилась.

– Пошли, – лениво сказала она и потянула девушку за собой.

Глаза зенийки все еще взбудоражено блестели, а ноздри трепетали, как у гончей перед охотой. Марита поглядела на остальных, но все разбойники выглядели так же.

Звери. Дикие, острозубые и слушающие только вожака. Потому что его нрав был еще хуже, а клыки – в много раз острее.

Марита поежилась, будто пытаясь стряхнуть холод, объявший плечи, но тот только стал крепче. Ведь Яс притащил ее на казнь не просто так. Не из обычной кровожадности, не из забавы или глупого каприза. И уж точно не потому, что в чем-то заподозрил.

Нет, это было предупреждение. Жесткое и хладнокровное, чтобы точно дошло даже до расфуфыренной аристократки, привыкшей никого и ничего не бояться. Холодок спустился ниже, проник сквозь ткань блузки и угнездился в груди.

Золотая клетка больше не казалась Марите ни безопасной, ни уютной. А значит, пора рвать когти, пока не сожрали вместе с чужой шкуркой.

Она наклонилась и прижалась к шершавой двери ухом. В коридоре стояла тишина. Ночь легла на крыши домов плот-

ным черным одеялом, и только лунный свет выхватывал очертания предметов из темноты. Никого. Марита удовлетворенно кивнула и вытащила заткнутые за юбку самодельные отмычки.

Этому трюку ее научил Рик, который до того, как заделаться акробатом, промышлял на теневой стороне улиц. Правда, пришлось пообещать, что отец ни о чем не узнает, но оно того стоило.

«Представь, что ты занимаешься любовью в темноте. Действуй медленно и нежно, постарайся прочувствовать каждое движение отмычки», – говорил ей Рик. Марита мысленно фыркнула. Совет тот еще. Но почему-то работал безотказно. Сперва шевеля пальцами медленно и неловко, она вскоре поймала нужный ритм, и спустя какое-то время замок сдался и с щелчком провернулся.

Марита спрятала отмычки и осторожно потянула ручку на себя. Засквозило, и в проеме показался янтарный шестиугольник света, падающий из соседнего окна. Из-за него все линии казались тонкими и непостоянными, как мираж, готовый в любой момент развеяться легкой дымкой. Но главное, коридор был пуст. Марита сделала пару шагов и остановилась, не решаясь переступить порог. Закусила губу, оглянулась через плечо на спящую комнату, на кажущуюся сейчас такой теплой и уютной кровать. Не поздно вернуться. Запереться, выбросить отмычки и, забравшись с ногами под одеяло, уснуть. Стоило об этом подумать, как веки отяжелели.

Может, ну его?..

Марита сделала шаг назад, и тут в голове мелькнуло изуродованное страхом лицо Карго. Дыхание перехватило, словно на горле сомкнулись металлические пальцы. Марита стиснула зубы и безжалостно заставила себя вспомнить больше. Отчаянный, почти животный вскрик. Вспыхнувшее на солнце лезвие. Влажный хруст перерубленных позвонков.

Холодный взгляд Яса, словно проникающий под ребра.

«Это все еще клетка» – повторила она решительно, – «Или ты успела по ней соскучиться»? Это отрезвило лучше ушата ледяной воды, и Марита выскользнула наружу, тихо прикрыв за собой дверь.

Плечи тут же обнял холод, запустив свои длинные щупальца под ткань блузки. Она поежилась и осторожно двинулась вперед, стараясь не скрипеть досками. Шла медленно и тихо, то и дело застывая на месте и прислушиваясь, но кроме стрекота сверчков снаружи ничего не доносилось. Здание было погружено в сон и казалось мертвым и заброшенным. Около одного из окон Марита выглянула наружу, осторожно и опасно, как дикий зверек. Дома стояли безмолвными и темными – свет нигде не горел. Только на крыше мелькнула быстрая тень. Тень?

Марита прищурилась и напряженно всмотрелась в темноту. Пальцы, обхватывающие край окна, сами собой стиснулись. Неясный силуэт вновь двинулся, заставив тревогу шевельнуться в груди, и, выступив на свет, сложился в фигуру

ребенка. Марита облегченно выдохнула. Паршивец расставил руки в стороны и медленно прошествовал по краю, как по канату. У самого конца крыши его нога соскользнула. Но не успела Марита испугаться, как ребенок легко восстановил равновесие и, по обезьяньи спустившись на землю, исчез. Постояв еще немного, но больше ничего не заметив, она продолжила путь.

Ветер вновь потрепал волосы и принес с собой неясные шепотки и шорохи. Марита шествовала сквозь ночь, как сквозь густой кисель. Ее чувства обострились, словно свежезаточенный нож, а тело уподобилось туго натянутой струне. Вот-вот порвется. И каждый звук, каждый шаг отзывался в ней дрожью.

Вскоре впереди показалась погруженная в темноту лестница, и Марита ускорила шаг. Она прокралась мимо очередной закрытой комнаты, почти не оглядываясь по сторонам, и лишь когда за спиной прошелестело, порывисто обернулась. И застыла с занесенной в воздухе ногой. Дверь качнулась, распахнутая ветром, и в коридор упала неровная полоска света.

Проклятье!..

Марита быстро пригнулась, съездившись на корточках и прижав голову к ногам. Ее сердце сжалось, словно в преддверии удара, а ладони, обхватившие колени, покрылись липким слоем пота. Попалась. Стоит только выглянуть, и ее заметят – даже бежать нет смысла. В голове вновь всплыло ли-

цо палача и сверкающий на солнце топор.

Но мгновения шли, а ничья рука так и не сомкнулась на шивороте. Только ветер лениво шевелил загнущийся ворот. Что там происходит? Кое-как успокоив дыхание, Марита прислушалась. Стрекот кузнечиков, стук сердца, отдающийся в виски, далекий скрип покачивающейся ветка. Но изнутри не донеслось ни звука. Тогда, сглотнув подступивший к горлу страх, она осмелилась выглянуть из-за двери, придерживавшись за косяк.

Комната была почти полностью погружена в темноту. Маленькая масляная лампа позволила разглядеть лишь высящийся у стены книжный шкаф, массивный стол, заваленный неровными стопками бумаг, и сидящую за ним сгорбленную фигуру. Марита вздрогнула – она узнала Яса.

Мужчина сидел, уперевшись лбом в сцепленные замком руки, и не двигался, даже словно бы не дышал. Его лицо было скрыто в тени, как и большая часть тела, а волосы, наоборот, будто сияли мягким ореолом. Яс устало выдохнул – опала грудь – и откинулся на стул. Марита собиралась было отпрянуть, но так и замерла, застигнутая врасплох увиденным.

Казалось, за столом сидит незнакомый ей человек. Лицо Яса словно осунулось, постаревшее и изможденное. Тени услужливо залегли в каждой складке на лбу, выделили мешки под глазами и морщины в уголках губ. Сейчас Яс не казался ни уверенным, ни сильным, только совершенно потеряннным. Это точно он без единых колебаний отдал приказ

о казни? Заставил толпу замолкнуть одним своим появлением?

Это он одним взглядом обращал кровь в жилах в лед?

Еще раз вздохнув, Яс провел ладонью по лицу, словно пытаясь стереть с него усталость, и упер взгляд в потолок. Сейчас в его глазах не было ни властности, ни твердости – только пустота. По спине Мариты пробежались мурашки. Она сидела, едва дыша, испуганная и замороженная открывшейся картиной. Яс вновь медленно поднял в воздух руку, будто пытаясь коснуться чего-то невидимого, и вдруг резко махнул ей в сторону, стиснув пальцы в кулак.

– Уйди! – глухо рявкнул мужчина, уставившись в проем.

Гнев в чужом голосе опалил, как огонь. Марита вздрогнула и отшатнулась, притиснувшись обратно к стене. Ноги дернулись, готовые бежать, но тут же застыли. Поздно. Дура, и чего она сразу не ушла, чего сидела и подглядывала, как деревенская девка? Марита досадливо закусила губу. Ее сердце дико колотилось, отдавая пульсацией в висках, и казалось, когда Яс выйдет и вновь посмотрит Тем Самым Взглядом, грудь разорвет на части. Но Яс не вышел и шагов не раздалось. Марита медленно распрямилась и, проклиная свое любопытство, вновь заглянула в комнату. Мужчина все так же сидел, глядя в потолок и обхватив себя за плечи руками.

Не заметил? Но зачет тогда замахивался? И... на кого? В кабинете других людей не было. В груди похолодело, и темнота в углах комнаты словно сгустилась и зашевелилась, как

живая. Марита сглотнула и вновь вспомнила одеяло и теплую кровать. Но теперь об этом точно можно было забыть. Она тихо встала и, отряхнув подол, скользнула к лестнице. Возможно, когда вернется, Яс уже уйдет. Все лучше, чем торчать в коридоре, как ворона на снегу.

В зале тоже никого не было, только лунный свет блестел на боках брошенных кубков. В воздухе витал едва различимый запах кукурузных лепешек и дешевого вина. Горы объедков, посуды и забытых разбойниками вещей высились над столом, словно сторожевые башни. Под ближайшим стулом валялась чья-то камиза.

Да-а, Верис бы пришел от такого зрелища в ужас. Марита улыбнулась, тонко и чуть злорадно, и прошла мимо погасших очагов. Угли медленно тлели в них, вспыхивая красным в трещинках. В углу что-то жевал хряк, вода носом по полу. Он проводил Мариту безразличным взглядом. Та задержалась выхода, с трудом подпихнув плечом тяжелую дверь, и вышла в ночь. В лицо тут же кинулся ветер, впился в плечи ледяными иглами, заколыхал юбку. Вновь малодушно захотелось вернуться и отсидеться в зале, но Марита решительно продолжила идти. Она добудет зачарованный ключ, чего бы это не стоило. Жалкий холод – пустяк.

Под ногами скрипнули доски, тоскливо и протяжно, но вскоре и этот звук затерялся где-то между домов. Логово встретило Мариту тишиной – и уже ставшими непривычными просторами. После маленькой комнаты оно показались

необъятными, словно сказочное королевство. Задрав голову, Марита с наслаждением вдохнула прохладный воздух. Сегодня было ясно, и небо казалось бездонным озером, а звезды – тысячей золотых рыбок. Их чешуя мерно мерцала, будто волшебная.

Тиски, до того сжимающие грудь, вдруг разжались, и Марита поняла, что на губах сама собой появляется пьяная ухмылка. Впервые за долгое время она улыбалась по-настоящему. Не играя, не скрывая другие чувства за маской, как за щитом, не следуя привычке. Просто улыбалась, радуясь мимолетному глотку свободы, который почти что украдала, как вор. Марита вдохнула еще раз, ощущая травяную горечь и земляную пыль на языке. Ее ноги нетерпеливо переступили с места на место, отдаваясь зудом в ступнях. Ничего страшного ведь не случится, если она пройдет? Совсем чуть-чуть. Все равно все спят, и никто кроме луны не сможет увидеть этой прогулки.

Марита сбежала по ступеням, дурачась и хлопая юбкой, и рассмеялась от переполняющих ее чувств. Казалось, она осталась одна во всем мире. Единственная хозяйка. Улыбнулась вновь, уже сдержаннее, и двинулась вперед, пригибаясь и держась теней. Ее голова все еще кружилась, как после пары бокалов вина, а взгляд то и дело возвращался к чернильному небу. И почему она не сделала этого раньше? Почему торчала взаперти, как трусиха, хотя свобода вот она – руку протяни.

Ответа не было. Ни мысли – только звенящая пустота. Марита завернула за угол, глаза по сторонам, как ребенок. Она то и дело останавливалась: разглядеть цветной узор вокруг дверей, погладить металлическую окантовку дождевой бочки или причудливую резьбу шестиугольной оконной рамы. На очередной бочке обнаружился кот. Он дремал, вальяжно развалившись на крышке, словно на мягких перинах, но, заслышав шаги, лениво приоткрыл один глаз. Марита склонилась над бочкой и осторожно прошла по пушистой голове пальцами. Кот довольно зажмурился и заурчал.

– ...а она говорит: «на меня разбойники напали», ха-ха, – вдруг раздалось пьяное совсем рядом. – А в кусте ее дружки сидят. Ну я эту шпану всю разогнал.

– Тихо ты. Моя спит уже.

Марита замерла с поднятой в воздухе рукой. Кот потянулся следом, не увидев ни побелевшего лица, но словно одеревеневшей конечности. А голоса стремительно приближались. Кто-то шел прямо сюда, громко топоча и смеясь, и их разделял всего один поворот. Зилай! Туман из головы мгновенно вышибло вместе со всеми мыслями. Марита метнулась к ближайшему проходу, но, не добежав, замерла, лихорадочно оглядываясь по сторонам. Она не знала, откуда идут разбойники. Одна ошибка – и вылетит прямо под ноги. Побелели стиснутые в кулак пальцы.

Смех раздался снова, совсем рядом.

Внутри все обмерло, и Марита вновь зашарила по сторо-

нам взглядом – и уткнулась в маленькую, невзрачную дверь. Не украшенная ни узорами и резьбой, такая могла вести только в кладовку или склад. Марита в сомнении закусила шубу. Разбойники приблизились так быстро, что можно было различить звук шагов. Ай, была не была! Генрис защити!

Марита быстро взлетела по ступеням и, силой дернув за ручку, ввалилась внутрь. Темнота обступила девушку со всех сторон, и она тут же запнулась и рухнула на пол, болезненно ушибив локоть. Дверь захлопнулась прямо за спиной.

– Зилай, – шепотом выругалась Марита и осмотрелась.

Внутри царил плотный, густой полумрак. Все шторы были задернуты, и из окна не проникало ни лучика. Марите удалось различить очертания стола со стульями, шкафа, кровати. На последней бугорком вздыбилось одеяло, под которым кто-то спал, мерно дыша.

Марита задрала голову и заметила болтающийся над дверью колокольчик. Он не издавал ни звука, хотя раскачивался со всей силы. По спине пробежался холодок. Надо убираться. Марита поднялась на ноги и крадучись двинулась обратно к двери.

– Подожди.

Прозвучавший голос словно обволакивал, глубокий и неземной. Марита замерла, как застигнутый охотником зверь, и медленно обернулась. Из-под вороха одеял выбралась тонкая фигура и слепо зашарила по столу. Проклятье. Может, улизнуть? Но тогда могут поднять тревогу...

Пока Марита размышляла, чужая рука высекла искру, и стоящая у кровати лампа загорелась. А одновременно с ней и все остальные. Стены словно вспыхнули. Марита зажмурилась и принялась тереть глаза, ослепленная.

– Как интересно, – сказали рядом. – А я-то думала, моей двери боятся, как огня. Или ты мотылек?

Марита отняла руки от лица и удивленно выдохнула. Комната, в которой она оказалась, напоминала городскую лавку. Пузатые лампы, сделанные из цветного стекла, бросали на пол разноцветные блики. На стенах извивались вырезанные на дереве узоры.

Однако взгляд притянули не они, а широкий стол. Он был весь заставлен глиняными мисками, доверху наполненными бусинами. На стене над ним словно растянулось сверкающее полотно из развешанных на крючках браслетов.

Раздался шорох, и Марита опустила глаза. В кровати, завернутая в одеяла, будто в кокон, сидела старушка. Маленькая, сухонькая, она походила на согнувшееся под весом кроны дерево. Только в ее случае листья заменяли аккуратные волны волос, окружавшие голову белым ореолом.

– Как ты сюда попала? – спросила старушка.

Беглый осмотр комнаты и брошенные вскользь слова дали понять: незнакомка явно занимала в шайке не последнее место. Какое же? Личной колдуньи главаря?

Даже если так, внешность едва ли это выдавала: глубокие морщины, крупный нос, округлый подбородок... будто доб-

рая бабушка с картины. Выбивались только глаза: веселые, искрящиеся, они могли бы принадлежать молодой девушке, но не пожилой урнийке.

Марита продолжала молчать, откидывая мысль за мыслью. Убежать? Договориться? Если бы у нее был нож... Она мотнула головой. Через эту черту нельзя переступать.

– Я слышала, как ты ругалась, – будто по секрету сообщила ей старушка.

Но как? И тут все сложилось. Не издающий звука колокольчик, лампы, вспыхивающие одновременно. Марита похолодела, резко осознав, что перед ней nodoистка. В Вентонии таких колдунов называли Связывающими. Они словно соединяли вещи невидимой «нитью», наделяя предметы свойствами друг друга. И не только предметы. Марита слышала про эту урнийскую магию, но никогда не видела вживую. Вот попала.

– Простите, я ошиблась дверью. Уже ухожу, – сказала, глупо хлопая глазами.

– А ты разве не та выжившая леди, которую недавно при-тащил Яс? Как там имя, Блинка?

Нож, всего лишь нож – и проблема решена. А может, удастся обойтись без него? Марита прикрыла глаза, отгоняя дурные мысли.

– Бланка. Да, это я, – призналась она, привычно приосаниваясь. – Дверь была открыта, а я так соскучилась по свежему воздуху... Не говорите никому, пожалуйста.

– А меня зовут Амаранта. Или Амара, – старушка довольно улыбнулась, и морщинки в уголках ее глаз стали заметнее. – Давай заключим сделку, Бланка, и я никому не расскажу.

– Какую еще сделку?

Марита подозрительно сощурилась. От колдуний можно ожидать чего угодно.

– Сделай себе браслет по вкусу и отдай мне, развлеки старуху. Видишь ли, я их коллекционирую.

Амара указала рукой в сторону стола. Даже на ее запястье был браслет, хоть и какой-то совсем простенький, белый. Вместо ответа Марита нетерпеливо постучала пальцами по сгибу локтя. Ее могли хватиться в любой момент, пока она тут в детские игры играет.

– А иначе что? – поинтересовалась, уже не особо пытаясь выдержать роль.

Все равно ее тщательно выстраиваемый образ рассыпался с самого начала, когда Марита запнулась на пороге.

– А иначе я закричу, – спокойно ответила Амара.

Она ничуть не боялась, все такая же расслабленная и будто бы не до конца пребывающая в реальности. Казалось, урнийка соткана не из плоти и крови, а из снов и сказок, настолько беззаботной она выглядела. Значит, и правда уверена в своих словах. Марита вздохнула и подошла к столу.

Бусин, горами возвышающихся над тарелками, хватило бы на несколько лавок. Глиняные, стеклянные, деревянные и

металлические, разных форм и размеров, они красочно переливались на свету. Марита не удержалась и подняла голову выше, разглядывая завешанную браслетами стену.

– Я всех прошу их сделать, – пояснила Амара, заметив ее заинтересованность. – Вон тот, третий в первом ряду, делал Расим, – Старушка подождала, пока Марита закончит разглядывать аккуратную гроздь. По деревянным бусинам вился узор из золотистых птичек. – А этот, первый в четвертом, Ревка.

Следующий браслет выглядел неровным. Нанизанные на нить шарики были разного размера и располагались вразнобой. Все в оттенках красного, кроме одной бусины, прозрачной.

Неужели Яс позволяет такие вольности обычной колдунье... Либо все было намного сложнее. Тянуло спросить напрямую, но вместо этого Марита поинтересовалась:

– А Тэкито?

– Отказался.

– Что, не сделал браслет?

Она внутренне усмехнулась.

– О нет, сделал. Но толку-то, – ответила Амара загадочно и замолчала.

Марита подхватила одну из пустых заготовок и принялась нанизывать, размышляя, какие бусины бы выбирала леди Бланка. Фиолетовую, с цветами, сиреневую... И вот эту еще, белую. Закончив, она приблизилась к Амаре и протя-

нула браслет ей. Старушка подхватила тот бережно, будто ребенка, и поднесла к глазам. Какое-то время она разглядывала его молча.

– Очень красиво, – наконец, задумчиво проронила Амара. – Нежный, элегантный, изящный. Прямо вижу его на баблу...

– Ну, я тогда пойду?

Марита развернулась и двинулась к двери.

– ...а теперь вернись и сделай по-настоящему.

– Как?

Вопрос вырвался против воли. Где она прокололась? В лице, в движениях? Марита остановилась на середине пути, развернулась и уставилась в лицо урнийки. Та хитро улыбнулась.

– Ты не подумай – каждая бусинка к бусинке, как в песне. Но у меня глаз наметан, – сказала Амара, подцепив браслет пальцем и подвесив в воздухе. – Эта девушка выбирала бы дольше, пытаясь сделать все идеально, – объяснила она, сделав упор на слове «эта». – А еще она бы не стала выкручиваться и просить, ведь могла просто приказать. Впрочем, такая девушка бы вовсе до меня не дошла.

– Но дверь...

Марита запнулась, осознав, что Амара не верит ни единому ее слову.

– Я здесь так давно, что скоро прирасту к кровати, цветочек, – весело заметила старушка. – Никто не оставил бы

твою дверь открытой случайно. Нет, нет. Но замок, говорят, несложный.

Проклятая колдунья! Все знала с самого начала, и что Марита должна быть немой – тоже. Девушка потеряла переносицу.

– Если я не сделаю нового, ты закричишь, верно?

Амара промолчала, но глаза ее засияли, как монеты на свету. Марита вновь подошла к столу, раздумывая, что может просто сжульничать. Сделать очередную пустышку. Однако, подбирая первую бусину, уже знала, что не станет. И дело было даже не в том, что она раскололась.

Марита всегда считала себя сложным замком. Даже не замком, а дверью, запертой на множество засовов, часть из которых и вовсе была фальшивкой. Однако Амара не «взломала» ее, а просто прошла насквозь, будто двери и вовсе не было. Это не могло не восхищать.

Когда Марита отдала свой браслет в этот раз, урнийка разглядывала его дольше, беззвучно шевеля губами. Одинаковые, серые с оранжевыми прожилками бусины казались заурядными. Но почему-то смотреть на них было неприятно. Как в зеркало.

– Ну вот, другое дело, – удовлетворенно причмокнула губами Амара. – Ну, беги-беги, цветочек.

Марита помедлила.

– А какой браслет сделал Яс? – спросила она неожиданно для самой себя.

Колдунья насмешливо прищурилась.

– А ты угадай.

– Не хочешь, не говори, – нахмурилась Марита и толкнула дверь.

Колокольчик опять безмолвно дернулся.

– Приходи, когда угадаешь, цветочек, – услышала она прежде, чем дверь закрылась.

С Ясом на обратном пути Марита не встретилась. Вновь оказавшись в комнате, она впервые ощутила себя в ней словно дома. Здесь было привычно и безопасно, почти уютно, учитывая, сколько времени девушка в ней уже провела.

Рисковать и покидать ее еще раз совсем не хотелось, но Марита знала, что ей придется. Да, после увиденного Яса уже не получалось считать кровожадным чудовищем, но он все еще был жестоким, умным и опасным. Ждать от такого милосердия... Нет, от птички избавятся сразу, как узнают, что золотых яиц от нее не дождешься.

Остановившись на этом, Марита по-быстрому уничтожила следы своей прогулки и завалилась в кровать, мгновенно уснув. Ночь оказалась слишком насыщенной и полной секретов. Оставалось надеяться, что Марита не увязнет в них, как в паутине.

– Смотри-ка, что у меня есть, – сказал Расим, вытаскивая из-под бесконечных слоев своей одежды пузатую бутылку.

Они сидели в кабинете Яса и отдыхали. Лампа бросала

оранжевые пятна на стопки бумаг, на книжные полки и на Расима, развалившегося на кресле, вальяжно закинув сапоги на стол. Яс сидел напротив, вытянув ноги в проход. Ветер лениво трепал занавески.

– Надеюсь, это не настойка на скорпионе, – хмыкнул Яс.

– Обижаеть!

Расим скорчил оскорбленную мину, но не выдержал и расмеялся. Ну конечно, бутылку с белой лентой вокруг горлышка невозможно было не узнать. Верен Таро, «Нежную смерть», можно было найти только в Урносе.

Во время Выцветания большинство старых виноградников погибло, но часть, так сказать, приспособилась. Растения привыкли к хмари и стали выпитывать ее наравне с водой. Поговаривали, если выпить такого вина слишком много, можно и умереть. Но это была бы очень дорогая смерть, которую не каждый аристократ мог себе позволить.

– Кого ты ограбил? Короля? – покачал головой Яс.

Расим ловко выхватил спрятанный в складках изогнутый нож, который на юге звали уруном, и протолкнул пробку. Та с хлопком упала внутрь бутылки.

– У купца были не заказчики, а кошельки на ножках, – сообщил он и принялся разливать вино по бокалам.

Мертвенно-белая с желтоватыми прожилками жидкость заставила Яса почувствовать себя неудобно. Верен Таро одним своим видом вызывало тревогу, схожую с чувством, испытываемым при взгляде на труп.

Кажется, раньше его даже пытались красить, но вино упрямо сохраняло цвет или напрочь теряло вкус. Поэтому Верен Таро было принято пить из черных бокалов, которых у Яса с Расимом не было. Пришлось просто прикрыть глаза и прикончить свой за пару глотков.

Во рту защипало, но терпкий, вяжущий язык вкус быстро сменился обволакивающей прохладой, принесшей облегчение. Это было так же приятно, как приложить лед на ожог. Яс расслабленно откинулся на спинку кресла, и какое-то время они молчали.

– Да-а, хорошо богачам, – мечтательно протянул Расим, потирая бороду. – Даже слишком. Так и тянет излишки снять.

Яс потянулся через стол, подхватил узкое горлышко и, подлив вина, выпил. Холод опустился ниже и застыл в груди.

– Ты ведь и сам придворным был.

– А ты – бароном.

Они обменялись ухмылками. Яс невольно позавидовал спокойствию и мягкости, скрытых в уголках чужих губ. Расим покачал бокал в пальцах и с сожалением отставил в сторону.

– Как продвигается дело с баронессой?

Яс поморщился.

– Я позвал тебя как друга, а не как офицера, – недовольно сказал он и вновь потянулся к бутылке, но Расим его остановил.

– Я боюсь, как бы Псы не сочли, что мы лезем на их территорию. Если они так осмелели, что отправили лазутчика...

Яс вздохнул и выпрямился, как всегда делал, когда заходила речь о делах. Он сцепил руки в замок и подпер ими подбородок.

– Дороги принадлежат нам.

– Но аристократы и города...

– Если курица забредает к соседу, яйца собирает он, а не хозяин. Нужно было лучше следить, – жестко отрезал Яс.

– Все равно я бы хотел разобраться с этим побыстрее – пока хозяин курицы не отравил наших наседок в отместку. Тем более, как бы барон Реплих не решил, что мы зарываемся.

– Мы не зарываемся, – уверенно сказал Яс, хотя его этот вопрос тоже волновал. – Просто благородно принимает награду за сопровождение девушки, попавшей в беду. Не мы на нее нападали.

Расим неопределенно покачал головой. Даже это движение вышло у него легким и плавным.

Он и Тэкито были чем-то похожи, но если глава разведки незаметно диктовал свою волю, заставляя собеседника думать, что он сам принял это решение, то измовец великолепно умел располагать к себе. Он ничего не навязывал, но вызывал такую симпатию, что это было и не нужно. Яс ощутил себя так, будто ему на плечи опустилось теплое одеяло.

Как-то Амара сказала: «Тэкито подбирает отмычки, буд-

то вор, поэтому люди злятся, когда его ловят. А на Расима сложно злиться, как на барда, привирающего в попытке сделать тебе комплимент». Старая колдунья знала, о чем говорила.

– Я отправил письмо... – начала было Яс и запнулся.

Мимо проплыла, роняя восковые капли на пол, вытянутая белая фигура. Тепло и спокойствие, баюкавшие Яса, рассеялись, будто его выкинуло на холод.

– И что?

Расим непонимающе обернулся, почти уткнувшись в когтистую лапу, которой Свечница перебирала в воздухе, носом. У Яса перехватило дыхание, но он сдержался.

– Я отправил письмо, но ответ еще не пришел.

Свечница ухмыльнулась – уголки губ остро разъехались в стороны, будто по щекам пошли трещины, края оплавились. Тварь подошла к окну и выглянула, почти на половину высунувшись наружу.

– Барон наверняка потребует доказательств.

Яс рассеянно кивнул, наблюдая за Свечницей. Что она там высматривает? Рука в восковых подтеках прижалась к губам, плечи вздрогнули. Хихикнула? По спине пробежались мурашки. Свечница никогда не радовалась просто так.

– Яс? Ты меня слушаешь?

Голос донесся будто издалека.

– А? Да.

Яс встал и подошел к окну, поморщившись от отвраще-

ния, когда Свечница осталась рядом. Он почти ощущал идущий от нее жар и запах воска, хотя и знал, что всего этого не существует.

– Смотри, птенчик сейчас полетит. Бедная мамочка-птица, – прошептала Свечница ему на ухо.

Яс оттеснил ее и выглянул наружу. Сперва взгляд ни за что не зацепился, блуждая по темным домам, но вдруг подметил движение на одной из крыш. Яс пригляделся, и его сердце екнуло. Ребенок. Цепляется за край и болтает ногами, но пальцы вот-вот соскользнут, и он рухнет вниз. Яс стиснул руки в кулаки, понимая, что не успеет, даже если побежит со всех сил.

– Что там такое? Яс?

Пальцы разжались, и ребенок с пробирающим до костей криком рухнул вниз.

– Полет, смотри, полетел! – довольно рассмеялась Свечница. – Мамочка будет им довольна, так ведь, Яс?

Ее голос стал злым, отчего смех начал неприятно резать слух. Яс с ненавистью развернулся к Свечнице, всем сердцем желая вцепиться в это потекшее восковое лицо и разломать его на маленькие кусочки, как крик оборвался. Улыбка на губах Свечницы пропала, будто стекла вместе с мутными каплями. Она развернулась и, проплыв сквозь стены, исчезла.

Яс недоуменно обернулся к окну. Ребенок барахтался в тюке сена, а возле него утирала лоб запыхавшаяся девуш-

ка, которую Яс мгновенно узнал. Серый шел ей меньше, чем желтый, но горделивую осанку было видно издалека. Заглянувший за плечо обеспокоенный Расим присвистнул.

– Ну и ну, – удивленно проронил он. – Эта баронесса прямо-таки в каждой бочке затычка. Только как она вышла?

Яс понял, что уже какое-то время не дышит, и выдохнул. В легких тут же закололо. Он закашлялся, и Расим осторожно похлопал его по спине.

– Хороший вопрос, – холодно прищурился Яс. – Ее дверь все время на замке.

Ребенок тем временем выбрался из тюка и, бросившись к девушке, обнял ее за ноги. Та застыла, но уже спустя пару мгновений принялась успокаивающе гладить его по голове. И тут захлопали двери, и на улицу принялись выходить разбуженные люди.

– Пошли, – бросил Яс, быстрым шагом направляясь к выходу. – А то разорвут еще со сна, не разобравшись.

Расим поспешил следом. Ночь переставала быть томной.

Первым, что Марита подумала, когда увидела соскальзывающего с крыши ребенка, было подлое: «Если он разобьется, о тебе никто не узнает». Эта мысль, будто червь, свернулась в ее сердце, и на какое-то долгое мгновение Марита замерла, обдумывая и обкатывая такое соблазнительное бездействие. А потом девочка, теперь это было четко видно, тихо захныкала от ужаса.

В кругу артистов было принято говорить: «Чужих детей не бывает». Это впитывали с молоком матери, с этим знанием росли. Даже будучи женой Вериса, Марита покупала хлеб бродяжкам и защищала от стражников. Потому что попавший в беду в чужом городе ребенок вполне мог быть твоим, и каждый надеялся: если я помогу, то там, если что, и моему помогут.

Это мгновенно развеяло все сомнения. Марита огляделась, невольно злясь на судьбу и себя. Она наконец-то была близка к цели. Знала, где дома обычных разбойников, а где – офицеров, кто спит крепко, а кого не поднять и громом. И сейчас Марита как раз собиралась попытаться стащить у непробудной Ревки зачарованный ключ.

Она вышла спасать свою задницу, а не неуклюжих девочек, но жизнь не оставила выбора. Марита коротко выдохнула и попыталась сосредоточиться. Забраться наверх она не успеет и не сможет, а звать на помощь – только время терять. И тут глаза зацепились за золотистый тюк. Сено! Здесь невысоко, так что если смягчить удар...

Марита кинулась к тюку и принялась тащить. Тут же взмокла несмотря на то, что ночь была свежая, сбивчиво задыхалась. Тюк не желал поддаваться – пришлось стиснуть зубы и толкнуть сильнее, чтобы тот, наконец, сдвинулся, оставляя на земле неглубокую борозду.

Девочка вскрикнула – ее пальцы почти соскользнули. Марита навалилась на тюк всем телом, чувствуя, как бешено

колотится сердце. Мышцы загудели от напряжения, работая на пределе, и тот встал на место в самый последний момент, когда девочка с криком рухнула вниз.

Время будто остановилось. Марита в мельчайших деталях разглядела, как топорщит одежду ветер и как маленькое тельце камнем падает на тюк, подняв в воздух облако соломинок. И вновь воцарилась тишина.

На какое-то мгновение показалось, что девочка мертва. Но тут она неловко задергалась, пытаясь выбраться. Пришлось спешить на помощь. Марита выпутала девочку, и та доверчиво уткнулась ей в живот, стискивая руки вокруг юбки. Девушка замерла от неожиданности, но нашлась и неловко погладила ребенка по голове.

Хлопнула ближайшая дверь, и воздух будто наполнился нестройной мелодией. Все высыпали на улицу, обеспокоенно вертя головами. Марита невольно отступила.

– Что ты делаешь с моей дочерью? Да пустите же меня.

Вперед вырвалась заспанная женщина в одной ночнушке. Ее волосы топорщились, а на лице злость мешалась со страхом.

– Мама!

Девочка вывернулась и бросилась в объятия женщины. Марита вдруг почувствовала себя страшно усталой. Отчуждение и одиночество, подтачивающие ее, все-таки сумели надломить. Марита привалилась к стене дома, не пытаясь ни сбежать, ни защититься. Плевать. Пусть кричат, если хотят.

– Это что за собрание? А ну разошлись! – раздался из толпы уверенный, жесткий голос.

– Но командир...

– Без вас разберемся. Нечего уши греть. А если не спится, я вам сейчас работу найду.

Это подействовало, и толпа стремительно поредела. Осталась только женщина с дочерью и парочка самых смелых зевак. Яс внимательно обвел всех взглядом, спугнув еще несколько человек. Неровно заправленная в штаны рубашка, встрепанные волосы, раздраженное выражение лица – похоже, главарь разбойников отдыхал. Стоящий рядом с ним изомовец, напротив, был воплощением спокойствия.

– Что за крики, Варка? – требовательно спросил Яс.

Женщина обвиняюще ткнула в сторону Мариты. Ах, если б можно было говорить... Но тогда Тэкито применит совсем другие методы. Поэтому Марита продолжала упрямо молчать, закусив губу.

– Она... – начала Варка.

– ...спасла твою дочь? – Яс усмехнулся. – Действительно, грубо вмешиваться в замысел богов. Но я надеюсь, ты ее простишь.

Марита едва сдержалась, чтобы не поднять голову от удивления. Женщина же аж вытаращилась от услышанного.

– О чем вы, командир? – робко спросила она.

– Еще раз увижу твою дочь на крыше – использую как мишень. Раз уж она тебе не особо дорога, – Яс скривился. – Я

не такой добрый, как баронесса.

Лицо Варки залилось краской, и она принялась кланяться Марите, как игрушка-неваляшка, рукой надавливая девочке на спину, чтобы та сделала так же.

– Простите, бога ради! Спасибо вам, добрая госпожа, огромное вам спасибо!

Это должно было быть приятно, но Марита лишь поежилась.

– Она тебя не слышит. Иди, Варка, иди, – остановил поток благодарностей Яс.

Женщина еще раз глубоко поклонилась и потащила девочку прочь, отвешивая звонкие подзатыльники. Расим ободряюще улыбнулся, когда та проходила мимо. Яс же внимательно окинул застывшую Мариту взглядом.

– И почему ты постоянно оказываешься снаружи? Хоть приковывай.

Холодный прищур пригвоздил Мариту к стене. Сложно было понять, шутит ли Яс или действительно над этим раздумывает.

– Наверное, дверь не закрыли. Вы же ночью приказали сторожей не выставлять, – напомнил Расиим.

– Сейчас дверь, а потом что? «Забудут» и сдадут нас страже? Совсем от рук отбились. – Яс поиграл желваками. – Попроси Тэкито этим заняться. Не люблю совпадения.

Марита почувствовала, как на лбу выступил холодный пот, но все так же осталась недвижима.

– Знаете, командир, может быть, вам стоит иногда опускать ее погулять? – вдруг мягко сказал Расим, пряча ладони под мышками.

– А следить за ней кто будет, Умертвитель? – помянул проклятого короля Яс.

– Зачем же такие сложности? Я могу. Компания молодой девушки получше, чем общество головорезов.

– По этой логике она сама не захочет с тобой общаться, – усмехнулся Яс и вновь окинул Мариту долгим взглядом. – Скажи честно, ты просто хочешь побездельничать, пока остальные работают?

– Раскусили, – Расим улыбнулся, и его лицо будто засияло изнутри. – Ладно вам, если бы не баронесса, пришлось бы яму копать.

– Зато бабы б лучше за своими щенками смотрели, – отмахнулся Яс, но не очень убедительно. – Смотри: сбежит – проблем не оберемся.

– А я на нее крючок повешу.

Марита слушала эту перепалку, задержав дыхание. В ее сердце слабо вспыхнула надежда. И теперь девушка гадала, вспыхнет ли та костром или затухнет навсегда. Яс поскреб ногтями щетину.

– Хочешь возиться – возись. Если хоть волос упадет, я отдам твою голову Реплихам на блюде.

– Я сам повяжу ее лентой.

Под кожей невольно пробежали мурашки, но эти двое

только посмеялись, как с доброй шутки. Потом Яс кивнул и отправился прочь. Марита спрятала улыбку, низко опустив голову. Костер. Все-таки костер!

Глава 4. На длинной цепи

Когда Каллисто зашел в Синюю Залу, Терний стоял, сложив руки за спиной, и рассматривал коллекцию бабочек. Заключенные в изящную резную рамку, под толщей стекла, насекомые казались игрушечными. Единственная вещь, оставшаяся от Бониты, которую Каллисто не убрал. В качестве напоминания. Это было заметно – яркая коллекция сильно выбивалась из аскетичной обстановки.

Сейчас в Зале поселились сизые сумерки, примешав ко всем цветам серый – словно смотришь сквозь вуаль. Резные панели над камином, будто расписанные выюжными узорами, голубой бархат, которым оббиты кресла и диван, светлые стены, почти лишенные украшений, бегущая под потолком нить синей росписи – все поблекло. Слуги еще не успели разжечь огонь, поэтому в помещении было зябко.

Пользуясь тем, что начальник стражи отвлечен, мужчина попытался тихо пройти мимо.

– Добрый вечер, виконт... ах, простите, барон, – поприветствовал Терний, не поворачиваясь.

Каллисто остановился.

– Был добрым, – прямо ответил он, неискренне улыбаясь, и ядовито добавил: – ...пока не встретил вас, дядюшка Толли.

Терний развернулся и поглядел на него с прищуром, хит-

рым и холодным. Первое время это вызывало оторопь – настолько не вязалось с образом праздного и добродушного толстяка. Казалось, Терний был волком, выпотрошившим овцу и влезшим в ее шкуру. По виду не отличить, но запах крови выдавал.

– Красивая вещица, – сказал начальник стражи почти льстиво.

– Да. Жена любила все прекрасное и идеальное, поэтому потратила много времени и «неудачных образцов», прежде чем добилась совершенства.

– Похвально, – разулыбался Терний, спрятав в комплименте колкий намек – словно убийца, скрывший в рукаве кинжал. – Уделите мне немного времени, есть разговор.

Он вразвалочку подошел к креслу и, крикнув, развалился в нем, забросив ноги на стол. Будто хозяин. Каллисто поморщился и незаметно стиснул кулак. Чувствовать себя гостем в собственном замке было невыносимо, особенно когда подчиняться приходилось какому-то вшивому стражнику. Но у Терния в была рука ниточка, которая легко могла повиснуть на шее Каллисто петлей, так что приходилось терпеть. Пока что.

Каллисто прошел ко второму креслу и, сев с идеально выпрямленной спиной, кивнул.

– Слушаю.

– Ну зачем же так холодно! – хохотнул Терний и махнул рукой в сторону стола. – Вот, выпейте чаю.

Каллисто только сейчас заметил две чашки на темно-синих блюдцах. Пар уже не шел – чай успел остыть. Значит, Терний спланировал это заранее. Мужчина вздохнул и изящно подхватил чашку. Конечно, с Терния стало бы и попытаться его отравить, но если бы за каждое такое неудачное покушение Каллисто платили – был бы уже богаче герцога. Впрочем, много выпить и не вышло – чай оказался приторно сладким.

Терний шумно выхлебал всю кружку и со стуком поставил ее обратно. Невоспитанный боров. Сложив руки на животе и окончательно растекшись в кресле, толстяк вперился в Каллисто внимательным взглядом.

– Как продвигается наше дело, барон? – вкрадчиво спросил он.

– В соответствии с планом. Уже скоро я... – начал было Каллисто.

– О, неужели? – оборвал его Терний. – Как интересно! Почему тогда я все еще прячусь в вашем замке, барон, как девица, сбежавшая от отца к любовнику? А не шью у портного камзол управляющего Каменным, как вы мне, барон, обещали? В отличие от вас, я свою часть сделки выполнил.

В груди вспыхнул гнев, опаляя языками пламени. Каллисто терпеть не мог, когда его отчитывали вот так – словно мальчишку. Будто опять вернулся в армию. Он стиснул челюсти и молча задавил раздражение в зачатке.

– Вы же отлично знаете, что барон Реплих спутал мне все

планы, Терний, – сказал Каллисто так резко, чтобы это было заметно, но недостаточно, чтобы счесть его тон оскорбительным. – Но я уже заручился поддержкой Авелти и главаря местной шайки. Дело за малым. Можете снимать мерки.

Каллисто безукоризненно вежливо и безэмоционально улыбнулся. Терний прищурился: словно на скачках оценивал, на правильную ли лошадь поставил. Это длилось недолго, но в воздухе успело повиснуть напряжение, прежде чем начальник стражи широко, маслянисто улыбнулся и хлопнул по подлокотнику.

– Отлично. Уж простите мне мою навязчивость. Смешное дело: я было подумал, барон Каллисто запомнил, что мой господин не любит ждать, – Терний изобразил на лице виноватую ухмылку. – Но вам стоит поторопиться. Нас вполне устраивает лояльная фигура на месте виконта в вашем лице. Однако если это все затянется – легче поискать кого-то порасторопнее. Мне не хотелось бы видеть вас в белом, барон, мы ведь так сдружились.

Терний посмеялся, как с хорошей шутки, и с кряхтением встал, словно и не было этой угрозы, сказанной невзначай. Мягкая кошачья лапка, скрывающая когти. Иголки в бархате. Ядовитые цветы, собранные в красивый пышный букет. Каллисто так и не научился любить эти игры, хотя стал в них мастером.

Он доброжелательно, почти тепло улыбнулся.

– Мне тоже, Терний, мне тоже. Тем более из нас двоих

белый мне едва ли к лицу.

Терний хохотнул, отмахиваясь:

– Скажете тоже. Хорошего вечера!

И, довольный жизнью, направился к двери. Казалось, это взаимное демонстрирование зубов его ничуть не побеспокоило. Стоило начальнику стражи отвернуться, как улыбка Каллисто стала холодной. Грязная свинья. Прибить бы его огромной булавкой, как бабочку, и смотреть, как корчится в муках. Но для попадания в коллекцию Терний выглядел слишком уродливо – Бонита бы не оценила.

В воздухе стояла пыль, и ее сухой, въедливый запах щекотал ноздри. Марита в очередной раз потеряла кончик носа, убеждая себя не нервничать. Два обыскивающих ее комнату разбойника, молодой и старый, чуть не столкнулись лбами и выругались.

– Проклятье! И что этот слюнтяй хочет тут найти? – спросил молодой, вытряхивая одеяло и заставляя серую взвесь танцевать.

– Тихо ты, – прикрикнул на него старый и отвесил затрепину.

Молодой вскрикнул от неожиданности и выронил одеяло на пол. Марита поморщилась.

– Змей те в зад! Больно же.

– Больно – когда иглы под ногти. А это пустяк. Велено – значит ищем, – пробурчал старый, и они продолжили.

Марита стояла, прислонившись к окну спиной и скрестив позади руки. Солнце приятно грело затылок. Что бы разбойники ни искали, она знала: этого тут больше нет. Отмычки покоились на дне колодца, куда Марита смогла их незаметно выкинуть, когда ее проводили мимо. И все равно колени то и дело сводила нервная дрожь.

Заглянув под кровать, молодой вылез и с раздражением отряхнул бороду от паутины.

– Пусто. Да и что они ожидали от высокородной девки? Они ж все тупые.

Старый почесал затылок.

– М-мда, – проронил он и сплюнул. – Ну, мы свое дело сделали, можно и по стаканчику пропустить.

Они удалились, даже не попробовав убрать бардак, который развели. По комнате будто прошелся ураган. Марита, скривившись, переступила через плевок и подняла одеяло. Вроде бы не сильно испачкалось.

Дверь вновь отворилась, и девушка резко повернула голову. На пороге стоял Расим, лениво оперевшись о косяк плечом. Весь излучая дружелюбие, он поманил Мариту к себе – осторожно, как пугливого зверька. Девушка уронила одеяло на кровать, но осталась стоять, хотя сразу поняла, в чем дело.

Расим поймал ее взгляд и улыбнулся. Марита ощутила, как против воли расслабляется, будто околдованная. Спокойствие Расима было по настоящему заразительным. Нет, нельзя поддаваться! Марита моргнула, осознав, что почти

сделала шаг, и остановилась.

– Госпожа, пройдемте со мной, – мягко позвал Расим и вдруг церемониально поклонился.

Марита узнала эти движения сразу же, хотя видела их всего лишь раз, выступая на пиру. Так приветствовали при дворе и на официальных приемах.

Девушка показательно поджала губы, но все же двинулась следом, сама не желая признаваться, что идет на поводу у любопытства. Человек с такими манерами – и здесь, в пусть и явно процветающей, но шайке?

Снаружи пахло весной – нагретой почвой и молодыми ростками. Марита с тщательно скрываемым наслаждением прошлась по земле, нагоняя Расима. Он шагал, будто танцуя, как и большинство измовцев, но делал это удивительно естественно.

Однако поразило Мариту другое. С Расимом все здоровались: грузная женщина у колодца, мастерицы тряпичных кукол девочки, играющие в кости мужики. Измовец кивал в ответ и щурился, будто кот.

Легко лавируя между людьми, он провел Мариту к небольшому домику. На потертых ступенях грелся поросенок, которого Расим привычно переступил. Марита с преувеличенно недовольным видом подхватила юбку, и они оказались внутри.

Первым, что бросилось в глаза, было количество окон. Высокие и широкие, они занимали собой почти всю стену.

Занавесок ни на одном не было, и солнечный свет заполнял собой комнату, ничем не сдерживаемый. Желтые пятна блески на боках выстроенных в один ряд винных бутылок. Рядом с ними, на распахнутых ставнях, Марита заметила полукруги замысловатых схем.

Заинтригованная, девушка оглядела комнату еще раз, уже внимательнее, и едва сдержала удивленный возглас: дом Расима буквально полнился птицами. Статуэтки, гобелены, деревянные висюльки, перья, вазы с узорами и даже картины в тяжелых рамах. Скучная мебель просто терялась на этом фоне, погребенная под стопками пожелтевших листов и различным мусором.

Пока Марита торчала на пороге, растерянная, Расим легко проскользнул мимо и принялся расчищать стол. Тот появлялся из-под бумажных башен медленно и неохотно, словно из-под снега. Закончив, Расим стряхнул с кресла ворох бумажных птичек подвинул его к столу.

– Садитесь, госпожа, – сказал он, приглашающе похлопав по спинке.

Марита вздохнула и принялась пробираться сквозь завалы. Чем ближе становились улыбающийся измовец и пресловутое кресло, тем сильнее дрожали колени. От мысли о том, что придется подставляться под неизвестную магию, все внутри холодело. Но Марита не могла упустить этот шанс. Переступив через плетеную корзинку, девушка села в кресло, положив руки на подлокотники.

Расим подбадривающе улыбнулся и, закатав рукав расшитой туники, демонстративно положил на стол ладонь. А потом повторил движение еще раз и еще, будто имел дело с ребенком.

– Не бойтесь, госпожа, это вообще не больно. Даже красиво, – продолжил болтать измовец, то ли надеясь, что подопечная различает тон, то ли просто из любви к процессу.

Марита медленно, будто с пренебрежением, протянула руку и прижала пальцы к дереву. Стол оказался теплым и приятным на ощупь. Расим кивнул и неторопливо выудил из ящика баночку с золотистой жидкостью и тонкую длинную кисть. Открутив колпачок, он склонился над столом так, что несколько коричневых прядей занавесило лицо, и обмакнул кончик. Кисточка тут же налилась цветом.

Сверясь с лежащим на столе листом, Расим принялся рисовать. Черты его лица сгладились, а глаза словно стали глядеть насквозь. Отстраненное, отсутствующее выражение завораживало, так что первых мазков Марита даже не ощутила, отвлеченная. Только потом тыльную сторону ладони защекотало.

Кисть двигалась плавно и размеренно, почти невесомо. Прислушиваясь к ощущениям, Марита пропустила момент, когда Расим вывел последний штрих и упал на ближайший стул, устало запрокинув голову. Как если бы происходящее его истощило. Девушка опустила глаза.

Переплетение четких линий, заключенных в круг, глухо

сияло. Сперва показалось, что это солнце заставляет краски блестеть, но потом свечение усилилось, запылало, отпечатываясь в воздухе, и вдруг впиталось в кожу.

На мгновение у Мариты появилось странное чувство, что у нее из груди вытянули нить и привязали к кому-то другому, но это длилось недолго. Наваждение пропало вместе с бесследно растворившейся печатью. Девушка поднесла руку ближе к глазам, но теперь кожа выглядела совершенно чистой.

Наверное, у нее на лице отразилось удивление, потому что Расим рассмеялся. Каким-то образом это вышло у него совсем не обидно и так заразительно, что Марита едва удержалась, чтобы не улыбнуться в ответ.

– Вот и все. Ладно, раз уж я отлыниваю от работы, по мнению командира, то прогуляемся, – Расим лениво потянулся и вдруг ойкнул. – Так вот где она...

Измовец с растерянным видом вынул из-под ноги свистульку в виде ворона. Спрятав птичку в складках одежды, мужчина поднялся и направился к выходу. Марита украдкой пошевелила пальцами, потом потерла кожу на руке и поежилась. Оставалось надеяться, что в случае чего ей не оторвет кисть вместе с исчезнувшей схемой.

Поросенок с порога исчез, и теперь стало заметно, что ступени, как и часть стен, загажены птичьим пометом. В пыли возились воробьи, которые явно были тут частыми гостями –

и не только они. На крыше стояла большая деревянная кормушка, из которой торчал чей-то полосатый хвост. Ну и чудак. В труппе Мариты были укротители зверей, но с такой искренней любовью, граничащей с одержимостью, она стиливалась впервые.

Проходя мимо воробьев, Расим вынул откуда-то кусочек подсохшего хлеба и раскрошил его на землю. Птицы тут же накинулись на крошки, суматошно хлопоча перьями. Взгляд Расима потеплел, и тот, будто поддавшись порыву, выставил в сторону локоть, как делали благородные кавалеры на прогулках с дамами.

Марита замешкалась. Ее забавляло происходящее – не хуже шутилкой пьесы. Но Бланка точно бы не стала ходить под ручку с разбойником. Тщательно скрывая сожаление, Марита качнула головой и отступила на шаг. Расим воспринял ее отказ спокойно – казалось, ничто не могло поколебать его безмятежность. И они начали прогулку.

Джае теперь измовец болтать не перестал. Причем делал он это таким особым тоном, какой бывает у сказочников, так что Марита и сама не заметила, как начала слушать с неподдельным интересом.

– Давайте-ка я покажу вам, где у нас что. Смотреть, правда, особо не на что: по большей части тут дома вроде моего. Только во-он там ребята старый склад облюбовали, – Расим кивнул в сторону здания с намалеванным на боку черепом, изо рта лилась пенящаяся жидкость, смахивающая на

пиво. – Но вам туда, пожалуй, ходить не стоит.

Марита отвернулась, постаравшись скрыть любопытство. Расим воспринял этот жест по-своему и успокаивающе улыбнулся.

– У нас в логове много что со смертью связано. Например, здание, где вы живете, зовется Черепом, – продолжил рассказ он, ткнув в нужную сторону пальцем.

А потом постучал себя по голове, словно надеялся, что так Марита сможет понять смысл сказанного. Уголки губ сами собой дернулись. Расим умел располагать к себе так же легко и естественно, как ласковый кот. Они прошли дальше, обогнув разноцветный бортик. Измовец мягко огладил камни ладонью.

– А вот колодец, наше главное сокровище. Осторожно, леди, смотрите под ноги, – мужчина выставил руку, и Марита вовремя притормозила, переступая камешек. – О, здравствуй, Ририви.

Что-то резко изменилось в чужом тоне, и Марита невольно повернула голову вслед за Расимом. У опрятного домика с цветочными узорами на стенах стояла, согнувшись над землей, крыланка и срезала растущую за оградой траву серпом. Покрытые перьями пальцы подхватывали стебли и складывали в корзину.

Эта крыланка «роднилась» с цаплей: длинный узкий клюв, тонкая изящная шея, доверху закрытая металлическими браслетами, серебристый окрас. Одно из больших кры-

льев волочилось по земле, а второе поджималось к спине. Крыланка явно услышала приветствие – клюв дрогнул, – но даже головы не подняла.

Лица Расима словно на мгновение коснулась тень, но он тут же вновь засиял изнутри, растянув губы в улыбке. Тогда-то Марита и поняла, что ее насторожило: это несвойственное измовцу напряжение, появившееся в голосе, словно бы внутренний надрыв, просачивающийся сквозь показное спокойствие.

– А вот домик лекаря. Хорошо бы, чтоб вам и сюда не понадобилось, госпожа, но откуда знать заранее? Верно, Ририви?

– Зачем ты с ней говоришь? – спросила крыланка. – Она же немая.

Ее голос напоминал хрипкое птичье чириканье – и прозвучал неожиданно презрительно. Ририви говорила с отворачиванием, которое даже не пыталась скрывать. Марита не успела решить, как к этому относится, когда поняла: презрение направленно не на нее. Крыланка разогнулась, но волочащееся по земле крыло не шевельнулось. Обвисшее, будто неживое, оно напоминало мятую бумажку.

– Развлекаю сам себя, раз уж командир на меня это повесил, – шутливо ответил Расим.

– Тебе больные кажутся чем-то веселым?

Крыланка неприязненно сощурилась. Марита поежилась. Это так разлилось с тем, как с Расимом общались остальные.

От слов крыланки измовец едва заметно отшатнулся и поднял руки в успокаивающем жесте.

– Нет, Ририви, я...

И тут раздался детский крик.

Они все трое резко обернулись, и Марита внутренне обругала себя за несдержанность. К счастью, остальные были слишком заняты, чтоб заметить ее реакцию.

К домику крыланки, спотыкаясь и торопясь, почти бежала женщина средних лет с девочкой на руках. Марита неожиданно для себя узнала обоих. Не удивительно, после таскания сена забудешь... Не ребенок, а кузнечик.

Ририви с Расимом тут же забыли о разногласиях, и их лица приобрели одинаково обеспокоенные выражения.

– Что случилось? – поинтересовалась лекарь, нетерпеливо шевельнув здоровым крылом.

– Ририви, ну как Зилай сглазил, сил моих больше нет! – начала тараторить Варка.

И тут обиженно поджавшая губы девочка вдруг вывернулась из материнских рук и кинулась бежать прочь, словно дикий зверек. Прежде чем кто-нибудь успел что-то предпринять, Расим неуловимым движением поймал ее. Та завопила и задергалась, как лисица в капкане. Одна из рук, замотанная в кусок ткани, забарабанила по бедру измовца.

– Отпусти ее, – сказала Ририви, сверкнув глазами.

– Не могу, тогда она убежит.

– Мне нужно ее осмотреть.

– Да на здоровье. Но... Ай, – Расим поморщился, когда девочка укусила его за ладонь. На коже остался полукруглый след. – Если даст деру, осматривать будет некого.

Мужчина оставался безукоризительно спокоен, хотя Ририви уже щелкала клювом от раздражения. Варка, переводя взгляд с одного на другого, не выдержала.

– Осмотрите ее, пожалуйста!

Спорщики замолчали. Ририви заколебалась – в черных глазах отразилась внутренняя борьба. Встопорщенные перья опустились, а крыло расслабленно сложилось, перестав подрагивать.

– Ладно, пошли внутрь, – неохотно распорядилась крыланка и вспорхнула по ступеням.

Мариту никто не звал, но оставаться на улице не хотелось, так что она двинулась следом.

Дом Ририви разительно отличался от берлоги Расима. Опрятный, чистый – что внутри, что снаружи – и очень по аскетичному обставленный. В воздухе стоял горьковато-терпкий аромат сушеных трав, дешевого мыла и топленого жира. Свет из многоугольного окна бил в одну из стен, расплываясь на ней золотистой занавесью.

На фоне скудной мебели выделялись тянущиеся вдоль стен стройные ряды шкафчиков да стол с инструментами. У Мариты в глазах зарябило от стоящих на полках баночек, бутылочков, шкатулок, мисок и ящичков.

Девочку тут же усадили на слишком высокий для нее стул.

Та уже не вырывалась, только шмыгала носом и продолжала баюкать руку, но Расим на всякий случай продолжал придерживать худые плечи. Марита скользнула мимо него и встала у дальней стены, стараясь не привлекать внимание.

Ририви тем временем закатала рукава просторной рубахи, омыла руки в воде и, разложив часть инструментов на столе, села перед девочкой на корточки. Все это крыланка проделала быстро, но тщательно, не ленясь – словно столичный врач.

– Прости, Ририви. Я уж за ней глядела, как кошка за мышкой. Только отвернулась, она бутылку бряц. И где только взяла? Прибью я ее, видит Зилай, – причитала Варка.

– Ее дурь бы да в нужное русло, – ворчливо заметила Ририви и требовательно протянула руку. – А ну, покажи.

Марита не могла не отметить: хоть крыланка и звучала холодно и сдержанно, даже строго, будто настоятельница храма, в ее голосе не осталось ни следа бывшего презрения. Интересно, почему они с Расимом на ножах?

Девочка команды не послушалась: еще сильнее прижав ладонь к груди, она упрямо замотала головой. Светлые волосы растрепались по плечам неровными волнами.

– Делай, что говорят, паршивка! – пригрозила Варка. – Или хочешь, чтобы тебе руку отрезали, как дяде Реве?

– Варка, не зуди, – осадил женщину Ририви и указала на дверь. – Иди снаружи подожди.

– Но Ририви...

Крыланка прищурилась, и Варка вышла, то и дело кидая

на дочь обеспокоенные взгляды. Ририви постучала когтями по клюву, словно пытаясь сосредоточиться.

– Хватит капризничать, показывай, – предприняла еще одну попытку она.

Девочка молчала. В ее глазах стояли слезы, но сквозь маску страха проступало непоколебимое упрямство.

– Подожди, давай я попробую.

Расим оттеснил неохотно отступившую Ририви и, заглянув ребенку в лицо, улыбнулся. Он неловко припал на одно колено, забавно согнувшись в спине – давал о себе знать высокий рост. Девочка чуть расслабилась.

– Звездочка, ну давай. Чуть-чуть потерпишь – и все. Да, больно, но как еще полечить? Эм, ты же у нас умная.

Марита прижала ко рту руку, пряча смешок. Расим вел себя так неумело, что отсутствие опыта бросалось в глаза даже ей. Конечно же девочка вновь набычилась, испугавшись упоминания боли.

– Ну ты прямо талант, – едко заметила Ририви.

Расим молча поднялся и вновь отошел за спинку стула. Уголки его губ едва заметно опустились от досады. Нет, так дело не пойдет. Девушка не выдержала и сделала пару шагов к ребенку, а потом еще пару. Ожидала окрика, но останавливать ее не стали. Тогда Марита поймала взгляд Звездочки и заговорщицки подмигнула.

Ничего плохого ведь не случится, если немного вспомнить старое ради чужого блага?

Девочка показательно нахмурилась, но продолжила следить за тем, как Марита подходит к залитой светом стене и становится сбоку. Девушка таинственно улыбнулась, подогревая чужое любопытство, и по-особому переплела пальцы. Свет ударил в выставленную руку, обрисовав причудливый силуэт, а на стену легла тень в виде волчьей головы.

Звездочка ахнула и заинтересованно вытянулась, но бдительности не потеряла. Тогда рядом с первой тенью появилась вторая. Пошевелила ушами, словно раздумывая, и понеслась прочь. Волк кинулся следом. Это сработало. Полностью увлеченная представлением, девочка уронила руку на колени, и ткань, размотавшись, заструилась на пол.

Замешкавшись лишь на мгновение, Ририви сориентировалась и принялась осторожно разматывать детскую ладонь. Тени сменяли одна другую, заяц становился птицей, а волк – медведем, который потом обращался в оленя. Звездочка не отрывала от представления восторженного взгляда, и Марита вдруг поняла, что улыбается.

В груди поселилось тепло и почти одуряющая легкость. Все поблекло и стерлось: смерть Вериса, погоня, нападение на карету... Остались лишь зритель и актер. И Марита отпустила себя, позволила раствориться в этом ощущении. А потом раздался голос Ририви и выдернул ее обратно.

– Вот и все.

Марита вздрогнула, и пропавшая было клетка сомкнулась вновь. Она устало потерла руки, больше не чувствуя радости

– только горечь. Но этого никто не заметил.

Звездочка удивленно осмотрела забинтованную ладонь.

– Уже? Но я хочу еще, – упрямо заявила она и заныла. – Рука та-ак болит.

Крыланка распахнула клюв, словно ухмыляясь.

– О, ну тогда я дам тебе настойку. Очень горькую. Где же она?

Не успела лекарь договорить, как девочка спрыгнула со стула и, словно ветерок, вылетела в дверь. Расим фыркнул, и крыланка перевела свой взгляд на него. Очень холодный и недружелюбный взгляд.

– Посмотри-ка, даже от белоручки больше пользы, чем от тебя, – хрипло рассмеялась она. – Впрочем, чего еще ждать от мясника?..

– Не нужно, – мягко предостерег измовец.

Несмотря на расслабленную позу, от него явственно повеяло угрозой. Марита инстинктивно отступила подальше. Но Ририви и не думала останавливаться. Она продолжила наступать, угрожающе распахнув крыло.

– А то что? Пожалуешься командиру? – почти что плевалась ядом Ририви. – Ты же ему так старательно сапоги лижешь, значит, заступится. А я-то думала, он не любит псов. А может, язык мне отрежешь, или как там у вас принято?

Лицо Расима словно окаменело.

– Мне казалось, что уж ты не станешь со мной так говорить.

– Это еще почему?

Дурное предчувствие комом заledenело в животе. Облако спокойствия, окружавшее измовца, пропало, и он словно на мгновение перестал быть живым.

– Я все еще один из лучших в своем деле, – процедил Расим. – Или ты захотела симметрии?

Из раскосых глаз измовца посмотрела пустота – и отвернулась. Уверенность слетела с Ририви, как скорлупа с ореха. Она съежилась, прикрываясь здоровым крылом.

– Уходи, – сказала глухо.

Голос Ририви буквально клокотал от ненависти. Казалось, если подойти ближе, то можно обжечься. Даже Расим моргнул и весь как-то осунулся, приходя в себя.

– Прости, – выдохнул он и выскочил на улицу.

Крыланка осталась стоять, сгорбленная и будто надломленная. Ее тень показалась Марите почти черной. Девушка тоже тихо выскользнула наружу, подобрав юбку.

Расим стоял на свету, подставил немилосердным лучам голову. Он молчал, но Марите хватило и тени боли, мелькнувшей на лице. Заметив девушку, измовец улыбнулся, но это вышло у него как-то вымученно.

– Кажется, я вас утомил, – пытаюсь звучать непринужденно, сказал Расим и направился в сторону главного здания.

Весь путь обратно Марита пялилась на чужую напряженно выпрямленную спину.

В хранилище пахло затхло и сыро, и оттого прогорклая вонь от чадящих ламп словно бы только усиливалась. Яс сидел на сундуке, закинув ногу на ногу, и перебирал сложенные стопкой личные бумаги.

– Расходы... список заказов... измовский шелк – десять кусков? А мы всего пять нашли, – бормотал он себе под нос, разрывая бесполезные листы на клочки и скидывая в неровную кучу под ногами.

– Ничего интересного? – спросил Расим.

Измовец сидел на корточках и рылся в одном из личных сундуков, сортируя добычу по кучкам. Лампа находилась прямо над ним и бросала на фигуру оранжево-желтые пятна. Не то чтобы кроме них двоих этим некому было заняться, напротив. Просто это осталось таким же веселым занятием, как и много лет назад.

– Мелкая писанина. Даже не продать никому, – пожал плечами Яс и потянулся за следующим листом. – О, любовное письмо, гляди-ка. «Моему орлу».

– Что там? Может, от аристократки? Хороший компромат был бы.

Расим заинтересованно повернулся, и длинные волосы заскользили по его лицу, бросая на кожу косые тени. Яс хмыкнул и развернул пожелтевший лист.

– Не думаю, – сказал он, покачав головой. – Слушай. «Мне страшно. Вчера люди Берта приходили и долго молотили в дверь. Мы с детьми прятались под кроватью, пока они не

ушли. Мне снится, как ты целуешь меня под нашей яблоней. Возвращайся скорее, и пусть Сиро пошлет тебе удачу...». Баба его, наверное. Барахло.

Яс уронил листок на кучу таких же и похрустел пальцами. Расим вернулся к своему занятию, тоже потеряв к письму интерес.

– А у тебя что-то стоящее есть? – спросил Яс, пробегая глазами по очередному листу.

Расим улыбнулся, безразлично указав на груды золота, мягко переливающегося на свету. Казалось, окажись вместо него камни, ничего бы не поменялось. Впрочем, рядом с золотыми колоннами во дворце эмира добыча Яса действительно казалась пустяковой.

– Всего понемногу, – сказал измовец, выцепляя из сверкающей кучки кольцо. – Знаешь, мне тут подумалось: а ты ведь мог быть на ее месте.

– Кого «ее»? – не понял Яс.

– Баронессы. Отцу Бланки пожаловали твои земли. Мог бы сейчас вместо него в шелках ходить и слуг гонять за вином из погреба. Не завидуешь?

Расим лукаво улыбнулся, но годы дружбы дали понять – вопрос измовец задавал с опаской. Яс отмахнулся, хотя в груди неприятно заворочалось что-то темное.

– Ты б еще спросил, не завидую ли я висельнику, – фыркнул мужчина и небрежно спросил: – Так что там с кольцом?

Расим поняливо отступил от опасной темы. Подкинув зо-

лотой ободок, ловко поймал и протянул вперед на раскрытой ладони.

– С кольцом – интересно. Этот парень прямо сорокой был, у него всяких перстней хватает, но это – с гравировкой, – измовец поднес добычу ближе к лампе, прищурившись. – «Капля к капле. Мирабаль».

– Обручальное, значит. Надпись убрать как-то можно?

Расим развел руками и отправил колечко к другим украшениям.

– Если что – переплавим. Помнишь, как зубы того зенийца?

Яс не смог сдержать скупой улыбки, чувствуя, как лицо само собой приобретает мечтательное выражение, а глаза подергивает от ностальгии.

– А, когда мы только начинали... – протянул он, откладывая бумажки в сторону, и по-мальчишески заложил руки за голову. – Тогда ты еще эти дурацкие лохмы не носил.

– Ничего ты в моде не понимаешь, друг мой.

– Моде? По дворцу скучаешь? Смотри, наматываются на колесо – и будешь лысый ходить, как бреговец, – хмыкнул Яс.

– А ты что, завидуешь?

Они обменялись ухмылками. У Расима даже она вышла мягкой и миролюбивой. Мужчина открыл было рот, собираясь сказать что-то еще, но не успел – в дверь постучали. Они синхронно повернули в сторону звука головы. Измовец легко поднялся на ноги и подошел к заслонке.

– Кто?

– Расим, командир с тобой? – безэмоционально спросили снаружи.

Яс вздохнул и тоже встал, потягиваясь. Дела нашли его и тут – хоть в землю закапывайся. Он утер лицо, стряхивая остатки задумчивости, и откашлялся.

– Тут я. Проходи, Тэкито. Что-то срочное?

Расим показательно зевнул, но задвижками защелкал. Когда серая фигура главы разведки проскользнула внутрь, Яс уже был полностью собран и сосредоточен. Тэкито мельком пробежался глазами по кучам барахла, по-профессиональному прицениваясь, и коротко поклонился.

– Извините, что отрываю, командир, – почтительно сказал он, заложив руки за спину.

И замер, будто пес, ожидающий команды. Яс внутренне скривился, но благожелательно взмахнул рукой.

– Говори.

– Гонец вернулся с ответом.

Тэкито протянул конверт с восковой печатью в виде репейника.

– Расим, дай нож, – сказал Яс, едва сдержавшись, чтобы не вырвать письмо из чужих рук.

Он почувствовал себя ребенком, распаковывающим подарок. Ловко обхватив рукоять, мужчина поддел печать, и та раскололась надвое. Яс вынул сложенный лист и углубился в чтение – быстро-быстро забежали глаза, полетели строки. Ра-

сим с любопытством перегнулся через его плечо под осуждающим взглядом Тэкито.

– Что там, командир? – растягивая слова, спросил измолец.

– Не мешай, – отрезал Яс, дочитывая.

Закончив, он сунул письмо главе разведки и принялся тереть переносицу, размышляя.

– Похоже на ловушку, – мгновенно ухватил суть Тэкито.

Яс кивнул и опустил на один из сундуков, раздвинув ноги и оперев подбородок о сложенные замком пальцы.

– Верно. Согласились на нашу цену без споров, даже доказательств не попросили. И хотят встретиться возле родового замка, доверху забитого стражей, – Яс даже рассмеялся, поражаясь такой наглости. – Хоть не в королевском дворце, и на том спасибо.

– Что ж они, совсем дураки? – удивился Расим. – В такие неприкрыто расставленные силки даже лисенок не попадет-ся.

Тэкито аккуратно сложил письмо ровно по сгибу и протянул обратно.

– Возможно, проверяют, командир, – негромко сказал он, вновь сложив руки за спиной.

– Пробуют на зуб?

Тэкито медленно кивнул. В неровном свете его волосы показались бурыми, как засохшая кровь. Яс с прищуром всмотрелся в пустоту, почти физически ощущая, как крутятся в

голове мысли, словно части измовской головоломки. В поле зрения мелькнула тень. Внезапно разом ощутились холод и сырость подвала. Яс напрягся, но это был всего лишь поколебавшийся огонек лампы.

– Гонец еще тут? – продолжая прикидывать варианты, спросил мужчина.

Тэкито бледно улыбнулся, мгновенно догадавшись о сути вопроса.

– Ждет в «Тумане», где встречался с нашим связным. Мне написать ответ?

Яс растянул губы в многообещающей ухмылке и с удовлетворением отметил, как Тэкито будто невзначай отвел глаза в сторону – словно пес, поджавший хвост. Вожака должны опасаться, иначе и до перерезанного горла недалеко. Он уперся локтем в колено, развалившись на сундуке, как на троне, и начал диктовать. Глава разведки слушал, не перебивая.

– И, Тэкито, донеси так, чтобы дошло, – подытожил Яс, когда закончил.

Тот понимающе склонил голову набок и уточнил:

– Мне оставаться в рамках?

– Не более, чем обычно. Вежливо намекни, что мы просто возвращаем дочь убитому горем отцу и в никакие игры играть не будем. Меня устраивают наши деловые отношения, но барон должен понимать, что я не стану ему подчиняться, – холодно ответил Яс и махнул рукой. – Развлекайся.

Тэкито скупо поклонился, принимая указания, и растворился в темноте. Расим потянулся с деланным разочарованием, разминая мышцы.

– А я-то надеялся отдохнуть, – с шутливым упреком сказал он.

Но что уж там – такие как они в постели никогда не умирали.

Первое время обретенная свобода радовала Мариту, но потом она поняла, почему деревенские псы, сидящие на длинной цепи, все равно не отходят от конуры. Она совершенно не знала, что с этой свободой делать. Так и бродила вокруг, больше всего времени проводя не с людьми, а с птицей. Даже учила командам: подать лапку, подойти, покричать.

А по вечерам, когда становилось зябко, девушка куталась в колючее одеяло и нашептывала дурашливо вертевшей головой говорушке разные истории, чтоб хоть как-то избавиться от одиночества.

– Знаешь, те странные бочки с краниками – для сбора дождя. И люди им молятся, – говорила она, почти прижимаясь губами к клетке. – А еще здесь нет ни одной собаки. Их все держат, а тут только свиньи да курицы. И свечи никто не жжет – даже огарков не видела. Странное место.

Говорушка склоняла голову на бок: мол, я слушаю, продолжай, очень интересно. И Марита продолжала, фыркая се-

бе под нос.

– И эти деревья вокруг – будто стена. Кажется, что остального мира не существует.

В такие моменты птица обычно щелкала клювом, и девушка, рассмеявшись, благодарно гладила мягкие перья пальцами.

– Тайный проход, на двери кости вырезаны. И куда мы с тобой попали? – всякий раз заканчивала она, и на мгновение одиночество действительно отступало, а потом наваливалось с новой силой.

«Ты говоришь с птицей. Куда уж дальше?» – спрашивала себя Марита. Но больше все равно говорить не с кем.

Но в тот день настроение было на удивление неплохим. Она сидела на каком-то бревне, лениво размышляя, не пройтись ли к дому Амары. Впрочем, теперь девушка знала, что днем внутрь так просто не попасть: постоянной стражи не было, но любой разбойник подозрительно косился на Мариту даже при малейшей близости к двери. Нет, старушка явно была очень искусной колдуньей. А может, их отношения с главой были и более личными...

Впрочем, сути это не меняло, и Марита осталась сидеть, лениво катая в голове мысли. Только вытянула ноги, подставляя их солнечному свету, и покачала из стороны в сторону носками. Тени зашевелились, как живые.

Вдруг впереди мелькнула цыплячья копна волос и поплыла в сторону Мариты. Почти сразу узнав Звездочку, девуш-

ка с улыбкой помахала рукой. Но девочка не спешила подходить – остановилась, подпрыгивая на месте, как козочка, и что-то зашептала стоящему рядом мальчику. Тот уставился на Мариту с недоверием. Вскоре они подошли ближе.

– Вот тетя, о которой я говорила, – с хитринкой в глазах сообщила Звездочка. – Она колдунья и умеет оживлять тени.

Марита тихо фыркнула. Мальчик с сомнением нахмурился. Он был болезненно бледным и худым, но с по-взрослому глубокими глазами.

– Тени никто не умеет оживлять, даже Расим.

– А она может! Правда же? Скажите ему.

Звездочка обернулась к девушке, и та вдруг ощутила непреодолимое желание ответить. Зилай, как же это все надоело! Марита и так давно уже была тенью самой себя. Со смертью Вериса это просто вылезло наружу. Но теперь даже эта тень умирала, задавленная ролью леди Бланки.

Один краткий миг она мечтала, как заговорит – а потом уже привычно покачала головой, указав на сомкнутые губы.

– Э-эй!

– Чего кричишь, она не разговаривает, – одернул Звездочку мальчик.

– А ты-то откуда знаешь, Бар?

– Папа сказал.

Марита улыбнулась. Дети напомнили ей двух исключенных воробушков.

– У нее языка, что ли, нет? – звонко спросила Звездочка.

– Папа говорит – это боги наказывают. Может, она родителей не слушалась?

Дети устали на Мариту с подозрением. Той вновь пришлось себя сдерживать, в этот раз уже от смеха. Наконец, будто придя к какому-то решению, Звездочка неловко сложила пальцы, стараясь повторить волчью голову. Помахала рукой в воздухе и замерла с выражением надежды на лице.

Марита заколебалась. Она и так рисковала, поддавшись порыву там, в доме Ририви, и закапывать себя еще глубже не хотелось. Да и заниматься такими глупостями – ронять свое достоинство. Глупостями?

Марита нахмурилась, осознав, что чужие мысли вновь проникли в ее голову и притворились своими. Нет, театр теней не был глупостью, он был уязвимостью, ниточкой, ведущей к Маритиной настоящей личности. Но глаза Звездочки светились таким предвкушением... Ай, да к Зилаю! Девушка решительно поднялась и огляделась в поисках подходящего места.

Это оказалось непросто, но ей кое-как удалось найти нужное положение. Марита обернулась. Дети уселись прямо на земле, скрестив ноги, и замерли в ожидании. Звездочка с предвкушением, а Бар с недоверием. Девушка весело прищурилась и сложила фигуру, в этот раз используя обе руки. И занавес поднялся.

Дальше время полетело быстро и незаметно. Марита ловко переплетала пальцы, заставляя тени оживать, и вскоре

уже оба ребенка заворуженно следили за их танцем. Внутри вновь плеснуло теплом, прямо как тогда, в доме Ририви, и девушка впервые за долгое время почувствовала себя хорошо. Не терпимо, не сносна, а хорошо. На своем месте. Когда она закончила, тяжело дыша, дети еще какое-то время не двигались. Звездочка ожила первой.

– Видишь! Я же говорила, – сказала она самодовольно.

Бар не ответил, просто улыбнувшись. Он будто светился изнутри.

– А завтра еще покажешь? – спросила Звездочка требовательно.

И, вспомнив про Маритину глухоту, изобразила жестами фигурку из пальцев, а потом указала на солнце, имитируя движение по небу. Марита задумалась. Она не собиралась продолжать, но в разбойничьем логове было тоскливее, чем на дне волчьей ямы. А это маленькое выступление заставило почувствовать себя живой.

Девушка опустила на корточки и, подхватив валяющуюся неподалеку палочку, коряво изобразила иглу с вдетой ниткой и кусок ткани. Она постучала палкой по земле, привлекая внимание, а потом сделала вид, будто шьет. Потом вновь указала на себя и на нарисованные предметы. Звездочка нахмурилась и неуверенно, но серьезно кивнула. Осталось надеяться, что она поняла все правильно.

Марита поглядела вслед уходящим детям, деловито обсуждающим произошедшее, и поднялась, отряхивая юбки. И

тут же пошатнулась, когда что-то врезалось в плечо. Мимо пронесся парень, и, не сбавляя ходу, устремился к Черепу.

Марита недовольно потеряла плечо, но не успела отойти, как мимо проскочил еще один разбойник. И еще. Девушка огляделась и поняла, что к Черепу потихоньку стекаются люди. Причем старых среди них не было, только способные сражаться воины.

Сердце забилося быстрее, а стопы сами развернулись в нужную сторону. Стоячая вода шевельнулась. Похоже, намечается что-то крупное.

Глава 5. Второе дно

У двери в главное здание толпа сливалась в один поток, втекающий в распахнутые двери. Марита попыталась незаметно юркнуть следом, но наткнулась на спешащего Расима. Тот удивленно обернулся и расплылся в дружелюбной улыбке.

– О, леди. Вам сюда нельзя, – словно извиняясь, сказал он и кивнул стоящим у входа мужикам: – Леди не пускать.

Те понятливо покивали и вперились в Мариту грозными взглядами. Пришлось отступить и наблюдать с безопасного расстояния. Вскоре логово заметно опустело, и дверь с глухим стуком захлопнулась. Марита покрутилась возле окон, но смогла разглядеть только головы сидящих за столом. Один из разбойников повернулся в ее сторону, и она спешно пригнулась, присев на корточки. Нет, эта рыбка не по зубам.

Вздыхнув, Марита отошла в сторону и прислонилась к стене одного из домов. Людей снаружи осталось мало. Несколько женщин развешивали белье, молодой парень, совсем еще подросток, стругал гибкий прут ножом, стайка детей кралась к окну Черепа. Выглянул заросший разбойник и ругнулся. Дети прыснули в стороны с громким хохотом.

Марита задумчиво потерела волосы. Похоже, это собрание, чем бы оно ни было, грозило затянуться надолго.

Можно было бы просто посидеть и погреть кости на солнце, но не в ее характере упускать такой шанс. Девушка отлипла от стены и двинулась по кругу, внимательно оглядывая дома. Искала один единственный нужный.

Вскоре Марита уже стояла перед прочной, теплого орехового цвета дверью. При свете солнца удалось рассмотреть красный цветок на тонком стебле, нарисованный на ней редкими мазками. Краска облупилась, но это даже придавало странного очарования. Дом старой колдуньи настолько же выбивался на фоне остальных, как и его хозяйка.

Марита поколебалась, но все-таки приоткрыла дверь и протиснулась внутрь. Беззвучно задрожал колокольчик. В нос пахнуло глиной и почему-то морозной свежестью.

– Ну надо же, цветочек! Думала, больше не появишься, – весело поприветствовала Амара. – Ты прямо мышка, если смогла сюда проскочить и не попасться никому на глаза.

Старушка сидела, натянув одеяло на плечи и облокотившись о спинку кровати, и лепила глиняную бусину. На столе рядом лежали несколько готовых, нанизанных на деревянные палочки.

– У них какое-то собрание, все внутри засели, – сказала Марита, осторожно подходя ближе, будто пугливая кошка.

Амара вскинула голову, откладывая бусину на стол, отчего ее волосы заструились, как если бы обладали собственной волей.

– Собрание? Как много я пропускаю. И этот поганец опять

тихушничает, – старушка прищурилась с таким горделивым видом, будто это ее заслуга, и принялась вытирать руки вишащей на спинке тряпкой. – Цветочек, будь добра, подойди к шкафу и подай мне кое-что.

Кем же колдунья приходилась Ясу, раз не боялась о нем так фривольно отзываться? Старая подруга? Или... Но Марита не дала мыслям далеко себя увести и поспешила исполнить просьбу.

– Почему цветочек? – не удержавшись, спросила девушка.

– Потому что цветы выглядят красиво и безобидно.

Марита фыркнула и, взявшись за створки шкафа, потянула их в стороны. Те поддались неохотно, со скрипом, и свет из окна упал на пыльные полки. Отчетливо пахнуло полынной горечью. Девушка удивленно замерла. В шкафу лежали осколки зеркал разной формы и размера, и свет плясал на них солнечными зайчиками.

– Возьми то, которое с черным уголком, – явно забавляясь ее реакцией, попросила Амара.

Марита пригляделась, и действительно – на осколках виднелись застывшие мазки краски. Отыскав нужный, она осторожно подняла его, стараясь не порезаться об острую кромку, и поспешила отойти от шкафа. От него мурашки по спине бегали.

Амара успела сесть поудобнее, подоткнув под спину одно из одеял, и теперь ее бледные тонкие руки вертели иглоподобный ножик. Морщинистые запястья казались хрупкими,

как стеклянные. Она похлопала себя по скрытым под одеялом ногам:

– Сюда.

Марита послушалась, хотя ее собственные ноги одеревенели от почти животного страха – как и всегда, когда приходилось иметь дело с колдовством. В нем было что-то ощутимо неправильное. Будто попытка уподобиться богам.

Марита передернула плечами, опуская осколок на одеяло. Она никогда себе не врала и понимала, что любопытство все равно перевесит страх. Любые знания могут быть спасительной нитью в ее положении.

Амара согнула колени так, чтобы осколок о них оперся, и вдруг с силой вонзила острие ножа в палец. Марита вздрогнула, а старушка даже не поморщилась. Сейчас, когда они были так близко друг от друга, стали заметны белые полосы-шрамы на руках Амары. Наверное, поэтому многие недоисты носят перчатки.

– Что ты делаешь? – напряженно спросила Марита.

– Тш-ш-ш.

Не обращая на нее внимания, Амара подождала, пока взбухшая на пальце капля крови станет больше, и провела подушечкой по собственным векам, оставляя красноватый след. Потом колдунья привычным жестом повторила то же самое и с зеркалом. Закончив, она вперилась в него взглядом, широко распахнув глаза.

– Посиди тихо, цветочек. Может, и про тебя что услышу, –

сказала старушка прежде, чем вдруг сделать странное движение головой, похожее на ныряние в воду, и замереть.

Марита не удержалась и тоже заглянула в зеркало, но кроме будто заострившегося лица Амары с кровавыми полосами на месте глаз там ничего не увидела. Поежилась, но продолжила наблюдать.

Однако хоть время и текло, ничего не происходило. Лицо Амары застыло, будто каменная маска, и она даже перестала моргать. Марите начало казаться, что колдунья вот-вот упадет без чувств. Захотелось прервать странный ритуал, помешать ему, но девушку охватило странное оцепенение, и она не смогла решиться.

– Ага, тебя это заинтересует, цветочек, – сказала вдруг Амара, заставив Мариту подпрыгнуть на месте. – Подойди-ка.

– О чем ты?

Марита не спешила приближаться. Амара нетерпеливо махнула рукой. Это у нее вышло слабо, но порывисто, как у энергичного человека, заключенного в немоющем теле.

– Да что ты вымя мнешь? О выкупе речь. Впрочем, если тебе не интересно...

– Интересно, – поспешно возразила Марита.

И чуть не застонала от досады, поняв, что попалась на крючок. Амара бодро потерла ладони. Она выглядела намного более взбудораженной и живой, чем обычно, будто помолодела на пару лет.

– Протяни руку, цветочек. Тоже посмотришь, – попросила Амара. – Но не за просто так, конечно.

Марита, уже протянувшая ладонь, резко отдернула ее обратно и нахмурилась:

– Что это значит?

– Знаешь, как говорят? Водой за так не делятся. У меня не так много сил, чтобы тратить их зря.

Амара с удивительной для этого веселостью повертела в воздухе ссохшимися руками.

– И что ты хочешь?

Марита спросила это будто бы безразлично, хотя предложение было ужасно соблазнительным. Она чувствовала себя собакой, перед которой повертели сочным куском мяса.

– Всего лишь одну маленькую услугу в будущем.

Ну конечно. Разгоревшееся было воодушевление мгновенно погасло. Марита скрестила руки на груди и категорично покачала головой.

– Спасибо за предложение, но...

– Это ничем не будет тебе грозить, цветочек.

– Откуда мне знать? Это сделка с Зилаем.

– Пока ты споришь, они говорят! – нетерпеливо сказала Амара, побарабанив пальцем по зеркалу.

Марита в сомнении закусил губу. От дыхания старушки зеркало успело запотеть, и теперь в нем словно клубился туман. Две полосы алели подсохшей коркой.

В ситуации Мариты информация – как оружие, и сейчас

ей предлагали первоклассный меч. Возможно, колдунья и сама не осознавала его ценности. В ее глазах леди Бланка была хоть и умной, но все еще богатенькой девочкой, не нюхавшей жизни. В отличии от Мариты.

– Ладно, – решила она, снова протягивая руку. – Я выполню твою маленькую не опасную для меня просьбу, если это будет в моих силах.

Амара тут же проворно сомкнула на ее запястье пальцы и точным, выверенным движением кольнула палец ножом. Остро обожгло болью, и капля крови набухла крупной бусиной. Марита сдержалась, лишь едва слышимо зашипев сквозь сомкнутые зубы. Колдунья стерла кровь своим пальцем и что-то зашептала себе под нос.

Руку свело судорогой, но та прошла прежде, чем Марита успела вскрикнуть. Амара прищурилась, отчего в уголках ее глаз пролегли морщины, и протянула палец вперед, почти ткнув в лицо. Девушка вздрогнула, но понятно наклонилась, прикрыв глаза. Пришлось приложить терпение, когда век коснулось липкое и теплое, стремительно высыхая и стягивая кожу тонкой пленкой.

Марита заморгала, и ресницы затрепетали, перекрещивая мир черными полосами. Амара же взялась за зеркало – рисовала новые линии прямо поверх своей крови, будто еще раз скрепляя их сделку. Марита вновь ощутила легкое прикосновение к векам и недоуменно потянулась к ним рукой.

– Не трогай, – предостерегла ее колдунья и похлопала по

одеялу. – Садись рядом и бери зеркало. Только смотри не урони, цветочек.

Марита опустила на кровать, с легким удивлением отмечая, что от Амары совсем не пахнет старостью, а лишь едва различимо веет деревом и глиной, словно она и сама не человек, а рукотворная фигурка. Зеркало, что легло на колени, оказалось горячим – почти раскаленным – и очень тяжелым. Боясь порвать юбку об острые края, Марита осторожно уложила осколок и спросила:

– И что мне нужно делать?

Колдунья улыбнулась с видом матери-кошки, выведшей своего котенка на первую охоту.

– Наклонись так, чтобы красные линии полностью закрыли глаза, и просто смотри, – внушающим уверенностью тоном объяснила она. – Главное – не отводи взгляда.

Марита нагнулась, отчего кончики волос заскользили по ровной глади, и чуть сместила зеркало, придерживая края пальцами. Собственное лицо с покрашенными глазами показалось почти мертвенно бледным и словно искаженным: вытянутое, узкое, будто заволоченное дымкой, оно принадлежало чужачке. Марита невольно сжала губы, и отражение повторило за ней, но будто бы в разы медленнее. Неохотно.

Внезапно стало по-настоящему страшно. Сердце словно стиснули ледяные иглы, и оно тревожно заметалось, попавшее в ловушку. В зеркале за спиной заколыхались занавески, и свет задрожал, будто живой. По векам пробежало слабое

покалывание. А потом еще. И еще. В глазах запекло, и Марите чудовищно, невыносимо захотелось отвернуться. Заныла шея, зачесалась спина, ноги затекли в неудобном положении. От напряжения пальцы стиснулись на зеркальной кромке, но Марите удалось остаться неподвижной.

И тогда кровавые полосы начали таять. Они истончались и бледнели, становясь совсем прозрачными, пока не пропали вовсе. На Мариту уставились ее же испуганные, широко распахнутые глаза с маленькими точками дрожащих зрачков. А потом мир расслоился надвое.

Казалось, перед глазами выставили два кусочка стекла – один за другим. Вот Марита видит собственное бледное отражение, а вот – сидящих за длинным столом разбойников. И она словно бы могла прыгать между этими стеклышками, фокусируя на одном взгляд, но не переставая видеть второе.

С непривычки закружилась голова, однако любопытство снова оказалось сильнее. Марита слизнула с верхней губы выступившую каплю пота и начала слушать.

Они сидели, вытянувшись вперед и наклонив головы, словно волки, слушающие вожака. На столе, между сдвинутых тарелок и источавших винный дух кружек, лежала карта.

Покрытая жирными пятнами и потертая, она повидала многое, как и большинство здесь присутствующих. Глаза Яса то и дело возвращались к прожженной дыре в верхней части. Он все еще помнил, как оставил ее, и это заставляло испы-

тывать какую-то болезненную привязанность к потрепанному куску бумаги.

– Таким образом, план следующий, – подвел итог Яс. – Встреча произойдет на ничейной земле, Серых Травах. Мы отправимся туда обходным путем. Выйдет дольше, но нужно запутать следы. Остановимся переночевать в «Промокшем лисе».

Он приподнялся, нависая над картой, и поочередно ткнул пальцем в упомянутые точки. По головам прошлась волна гула: каждый говорил тихо, но голоса слились в один, усиливаясь. Яс предостерегающе постучал по столу. Все заткнулись, кроме самого медлительного, продолжавшего что-то рассказывать своему соседу, напряженно пихающему болтуна локтем в бок.

– Я отберу группу, которая оправится со мной, из хороших, тихих бойцов, – сделав упор на слове «тихий», продолжил Яс. Болтун тут же замолчал, уткнувшись глазами в стол. – Леди отпустим, только когда получим деньги и отведем.

Сквозь карту вдруг прошло белое, оплывшее лицо, и гадко улыбнулось. Яс запнулся и сглотнул, замолчав на пару мгновений, но пауза только придала словам веса.

– Все понятно? – добавил он.

Свечница довольно оскалилась, продемонстрировав неровный провал рта, будто вылепленный ребенком, и появилась полностью. Оставляя мутные капли, она прошлась

по столу, то и дело невесомо касаясь чьих-то голов. Дразнится. Яс заставил себя игнорировать проклятую тварь, отвернувшись.

Разбойники, не заметив перемену в лице командира, вразнобой закивали. Они уже успели обсудить все в мельчайших деталях, поэтому вопросов не возникло. Вообще, Яс мог бы и не созывать всю шайку, но такие обсуждения натаскивали бойцов не хуже, чем настоящие сражения.

– В таком случае, я сейчас проведу отбор и... Да, Тэкиито?

Яс произнес это с легким раздражением. Он терпеть не мог, когда его прерывали – и такое было мало кому позволено. К сожалению, глава разведки входил в это число. Тэкиито, успевший почти слиться со столом, опустил поднятую руку. Даже его сосед вздрогнул, будто успел забыть о сидящем рядом урнийце.

– Командир, позвольте отправиться с вами, – попросил Тэкиито.

Его голос звучал сухо, но неожиданно твердо, так что Яса на мгновение взяла оторопь. Но он быстро ее отогнал и с прищуром оглядел щуплую фигуру, как если бы видел впервые.

– Нет, – без капли сомнений отрезал он и отвел взгляд, будто потерял интерес. – Итак, пойдет Расим, Фел, Пич...

– Простите, командир, но я вынужден настоять. Я понимаю, что ваше решение разумно, однако вы будете брать моих людей, – вновь перебил Тэкиито, умудрившись поймать

момент, когда в речи возникла пауза. – В таком случае, ответственность лежит на мне, в том числе и за любые их ошибки. Как глава разведки я обязан присутствовать, раз уж все равно рискую головой.

Он вдруг развернулся и посмотрел Ясу прямо в глаза. Бесцветная радужка, обрамляющая зрачки, показалась совершенно блеклой, но во взгляде на мгновение мелькнула искра.

Яса охватила смесь удивления и недоверия: он не ждал такого, как кот не ждет нападения мыши. Однако отороπή длилась недолго. Яс быстро взял себя в руки, запоздало ощущая, как в груди ворочается разгорающаяся ярость. Мужчина понимал: хоть Тэкиито и стелил мягко, своими словами он загнал его в угол.

– У-ку-сил, у-ку-сил! – радостно пропела Свечница, вертясь на столе, как юла. – Тебя скоро скинут, старый волк. Хотя какой из тебя волк – так и остался щенком.

Яс сжал челюсти, пошевелив желваками. И хотя эта злость была направлена уже не на Тэкиито, тот мгновенно отвел глаза, вперившись в сложенные на столе руки. Запал иссяк, и глава разведки вновь весь поблек, будто сливаясь с тенями.

– Ладно, – пошел на уступки Яс, лениво откидываясь на спинку стула. – Наверняка так мы точно избежим всех ошибок, и головы останутся на месте.

Он говорил это нарочно небрежно, будто делая одолжение. Тэкиито на мгновение застыл, прочитав истинный смысл

этой уступки, но нашелся быстро.

– Благодарю, командир, – сказал он, бледно улыбнувшись.

Оба знали, что значила фраза. «Если будут ошибки, тебе лично не поздоровится». Дальше обсуждение пошло своим ходом, и вскоре они с Расимом остались одни. Дверь распахнули, и теперь легкий ветерок нес запахи пыли и навоза. Расим скрутил карту и принялся тщательно перевязывать ее тесемкой.

– Ты пригрел ядовитую змею, – негромко сказал он, прежде чем засунуть рулон подмышку и уйти.

Яс устало посмотрел ему вслед. Он мог бы возразить, но смысла врать не видел. Впрочем, Расим не понимал одного: тут все были ядовитыми змеями. Однако мало какая осмелилась бы ужалить самую опасную из всех.

Марита с резким вздохом пришла в себя и опустила зеркало на колени – отражающей стороной вниз. Видение рассеялось, и мир снова стал единым и цельным. Только голова продолжила слабо кружиться и болеть, будто Марита перенапрягла глаза.

– На, утрись, – задорно сказала Амара, протягивая обрывок тряпки.

Марита взяла, мыслями все еще пребывая где-то далеко, и принялась рассеянно мять ткань в пальцах. Она чувствовала себя странно: мир казался непривычно плоским, а зрение – мутным. Словно человек, потерявший зуб и постоянно про-

веряющий пустующее место языком, девушка вновь и вновь пыталась сфокусироваться на главном зале.

– Ничего, это пройдет, – понятиливо улыбнулась колдунья, глядя, как Марита заторможенно промакивает глаза. – Но времени привыкнуть у тебя нет.

Марита замерла. До нее начало медленно доходить: если собрание окончено, то шансы выскользнуть незамеченной уменьшаются с каждым вышедшим наружу воином. Она переложила зеркало в сторону и быстро поднялась на ноги.

– Беги, цветочек, и удачи тебе, – весело напутствовала Амара ей вслед.

После случившегося Марита проворочалась всю ночь, тревожно метаясь по кровати. Искала выход, решение – но не находила. Стоит Реплихам увидеть ее – и веревка, по которой она идет над пропастью, оборвется. Остается единственный шанс – сбежать по пути или во время переговоров, подловив момент, когда все отвлекутся.

Планируя побег, Марита так толком и не сомкнула глаз до самого утра, лишь иногда проваливаясь в беспокойную дрему. А потом, вместе с первыми лучами, пришла Ревка. Довольно и даже как-то злорадно оскалилась, разглядывая помятое лицо Мариты, и швырнула в нее тряпичным комом. Увернуться та не успела, только безуспешно дернула руками, вызвав у зенийки хриплый, низкий смех. Ревка самодовольно задрала голову и вышла вон походкой победителя. Конечно, она только рада избавиться от «капризной аристо-

кратки».

Марита вздохнула и принялась разглядывать принесенный наряд. И окончательно проснулась от удивления, потому что это оказались мужские штаны и рубаха, завернутые в потертый плащ. Марита с легким недовольством опознала в этом наряд для конной езды. Это окончательно разбило все придуманные за ночь идеи. Она задумалась, перебирая складки одежды пальцами, но в итоге махнула рукой и принялась переодеваться.

Все равно придется действовать без плана, по обстоятельствам. Зато в рукаве рубахи можно что-то спрятать, хоть камушек, которым Марита отмечала дни на стене. Взгляд невольно сместился туда, и она вдруг поняла, что отметки успели перемахнуть за пятнадцать. Это одновременно и поразило, и испугало. Марита не заметила, как успела привыкнуть к жизни пленницы.

«Хотя, – подумалось вдруг, – велика ли разница между этой клеткой и той, в которой держал Верис». Она с горечью усмехнулась и отвернулась от стены, не желая больше об этом думать.

Не успела Марита затянуть тесемку на горловине, как за ней пришли, и вскоре они уже отъезжали от леса. Компания вышла приметная. Травящий шутики Расим, завернутый в слой ткани, как в кокон, невзрачный Тэкито – и Яс, натянувший капюшон до самого носа. Других воинов Марита не знала, кроме палача Фела и малийца Пича, который всюю

пытался с ней флиртовать, невзирая на глухоту.

Пич выделялся среди остальных людей Тэкито, как тропический цветок посреди урнийского поля. Смуглый, с вьющимся красноватыми прядями и глубокими темными глазами, он напоминал злого колдуна с малийской фрески. Посеребренные виски и острые черты лица только усиливали это сходство.

Пич явно знал об этом и то и дело строил Марите глазки, заставляя удивляться тому, что его вообще взяли с собой.

– Отстань от леди, – наконец, осадил малийца Расим.

И Марита даже испытала укол сожаления. Веселый трепхоть как-то скрашивал дорогу. Тем более, после подслушанного собрания вопросов только прибавилось, и теперь они начали заполнять голову.

Девушка задумчиво скользнула по скудной местности взглядом и попыталась устроиться поудобнее, придерживая низко натянутый капюшон. Ее лошадь лениво прямила ушами, кроткая и будто бы сонная. Кажется, ее звали Лысая – за белое пятнышко на лбу. Марита наклонилась и потрепала рыжеватую гриву, досадливо глядя на недоуздок, привязанный чомбуром, длинной витой веревкой, к седлу жеребца Расима.

Даже если получится отвязаться, едва ли удастся вырваться из кольца, которым окружили воины. Поэтому Марита отложила побег до более удачного случая и сосредоточилась на дороге. Та тянулась медленно и степенно, будто очень длин-

ная змея, и на привал они остановились только в полдень в какой-то маленькой деревне.

К этому моменту Марите уже начинало казаться, что ее избili по спине палками. С непривычки езда на лошади превратилась в насмешку Тенриса, наказывающего за грехи.

– Осторожно, леди, вот так, – подбадривал ее Расим, помогая спуститься.

Марита с благодарностью оперлась на узкую изящную руку схемария, на дрожащих ногах сползая на землю. Остальные чувствовали себя не в пример лучше. Парочка воинов устроила шуточную потасовку, а Яс и вовсе развел бурную деятельность, раздавая указания.

Марита под присмотром Расима примостилась в тени какого-то ветхого здания и принялась оттирать рукавом пыль и пот с лица. Это не особо помогло, но передышка взбодрила, и обратно в седло она забралась почти без посторонней помощи.

Лошади двинулись дальше, стуча копытами. Поднялся легкий ветер и теперь теплым потоком обдувал лицо, хлопая полами плаща, как крыльями. Марита с наслаждением потянулась, придерживаясь за луку седла, да так и замерла.

На въезде в деревню стоял крытый фургончик, расписанный разноцветными узорами. Лоскутное полотно, завешивающее вход, лошади с лентами в гривах – все так и кричало, что он принадлежит бродячим артистам. Возле фургона стоял рыжебородый мужчина и загораживал испуганную кры-

ланку от кучки крестьян. До ушей донеслись громкие выкрики вперемешку с ругательствами.

– Проваливайте!

– Нам здесь уроды не нужны!

В глубине души что-то ожило, ощетинилось острыми иглами. Марита привычно скривила губы. Раздражает. Эти дурацкие, вычурные бумажные цветы под козырьком, эта притороченная у окна маска, эти яркие наряды. Почему у них все это есть, а у нее нет...

Вдруг один из деревенских мужиков размахнулся и вмазал по бородатому. Тот пошатнулся, схватился за стремительно оплывающую щеку, но сдачи не дал и не отступил.

«Так ему и надо, – злорадно подумала Марита, – нечего тут...» И тут же вздрогнула. Хоть и привычные, это вновь были чужие мысли, не ее. И не злость сидела в сердце, а самая настоящая зависть. Раздражение мгновенно схлынуло, а в горле встал ком. Мариту захлестнул стыд и острое, болезненное чувство потери.

Она дернулась в глупом порыве то ли остановиться, то ли что-то сказать. Но лошадь увозила все дальше и дальше от фургона и будто бы от прошлой жизни. Окончательно запутавшись в своих чувствах, Марита повесила голову.

Как раз вовремя, чтобы заметить, как проезжающий мимо фургона Расим уронил на землю изрисованный лист. Тот плавно скользнул по воздуху и приземлился где-то возле напирющей на артистов толпы. Марита широко распахнула

глаза, потому что узнала наливающимися силой линии. Засияв совсем ярко, схема словно бы отпечаталась в воздухе и погасла.

Сперва ничего не произошло, но потом откуда-то сзади донеслись звучащие все громче хлопки крыльев. Прямо перед лицом Мариты спикировало угольно-черное перо и упало наземь. Она задрала голову и едва не ахнула. По небу стремительно неслась черная туча, состоящая из десятков, сотен воронов. Она проплыла мимо, набирая скорость, пока не застыла над бурлящей толпой. Стая отбросила на крестьян пугающе огромную тень, но в запале ссоры ее никто не заметил. И тогда птицы рухнули вниз, словно облако пущенных одновременно стрел.

В воздух взметнулась пыль, закружились перья. Крики и карканье слились в одну нестройную мелодию, перебив все остальные звуки. Вороны будто обезумели. Они накидывались на людей, драли когтями, хватались лапами за плечи и волосы. Но ни одна не тронула двоих артистов, вжавшихся в бок фургона. Те не упустили шанса и, запрыгнув внутрь, второпях укатили прочь.

Марита осознала, что губы против воли растягиваются в улыбке, будто заколдованные, и поспешила отвернуться. Едущий впереди Яс неодобрительно щелкнул языком.

– Ты бы еще подтерся этой бумажкой. Бесполезная растрата сил, – сказал он, покачав головой.

– О чем вы, командир? Я ее просто выронил, – мягко от-

ветил Расим, щурясь, и подмигнул Марите.

Та сделала вид, что не заметила. Яс был прав: измовец поступил глупо, бессмысленно, почти по-детски. Но на душе у Мариты от этого стало тепло, словно бы что-то давно потерянное вернулось на место.

А чужой лживый голос в ушах наконец замолчал.

Дорога продолжала тянуться, не зная конца, и вскоре Мариту оставили все переживания, кроме неизмеримой усталости. Она то дремала в седле, покачиваясь на кочках, то ерзала в попытках уменьшить напряжение на спине. Когда начало смеркаться, Расиму на плечо опустилась птичка, похожая на серого воробушка, и что-то прочирикала на ухо, прежде чем вновь улететь. В сгущающемся воздухе она показалась Марите неуспокоенным духом.

Яс сменил направление, и маленькая процессия завернула за колючие заросли, осененные мелкими желтыми цветами, и спустилась за холм. Дрема развеялась, и Марита с удивлением оглядела спрятанную за ним карету. Простенькая, но крепкая и ладная, такая могла принадлежать богатому купцу или разорившемуся аристократу.

Расим вновь помог ей слезть – или вернее сказать, просто стащил с лошади. Вздохнул, глядя на то, как колени Мариты подгибаются, пока она забирается в карету, держась за косяк.

– Подождите, леди, – вдруг сказал он, удержав Мариту за подол плаща.

Та вздрогнула и остановилась, нацепив маску пренебрежения, которая ей самой была противна. Расим порылся в складках своей одежды и вынул маленький лист со схемой. Дорисовав недостающий кусочек и замкнув круг, он приложил схему ко лбу Мариты.

Девушка не успела ни дернуться, ни отстраниться – вспыхнуло, полыхнув светло-зеленым, впилось в кожу мелкими иглами. И по телу вдруг пробежалась волна свежести, словно весенний ветер, пахнувший молодыми почками и влажной землей, забрался за шиворот. И боль отступила. Марита облегченно выдохнула и слабо улыбнулась Расиму, прежде чем исчезнуть внутри.

– Что, этот тоже выронил? Какой ты сегодня неловкий, Расим, – услышала она ехидный голос Яса прежде, чем дверь захлопнулась.

Хоть и посвежевшая, но все еще утомленная, Марита опустилась на потертое сидение и откинула назад голову. Шторка на окне отодвинулась, и в нем возникло усталое, но умиротворенное лицо измовца, который ткнул в грудь тряпья, сложенную в углу.

– Переоденьтесь, леди, – по своей дурацкой привычке сказал он вслух и исчез, оставляя Мариту одну.

Сменив мужской костюм на простенькое, но добротное платье с волнообразным голубым низом, она смогла хотя бы немного вздремнуть.

К «Промокшему лису» они добрались почти ночью, на-

правляя лошадей по горящим в сумерках оранжевым шестиугольникам окнам. На охваченной светом вывеске виднелся длиннопалый лисенок с потемневшим от воды хвостом, с которого успела капнуть целая лужа. На пороге постоялого двора растянулся пушистый пес, который при виде гостей радостно замел по земле хвостом.

Пока зевающий мальчишка распрягал лошадей и разбирался с каретой, Расим подхватил сонную Мариту под руку, и все двинулись к двери. Внутри пахло свежими крапивными лепешками и супом. Посетителей почти не было – купец с хмурой охраной да неряшливый мужик в углу.

Марите подумалось, что она могла бы закричать или вырваться, но пальцы Расима держали крепко. Может, измовец и казался добрым, но если командир прикажет, то приласкает ножом без раздумий. Марита не была уверена, что окажется быстрее, чем острое лезвие.

Пока Яс платил за комнаты, остальные ждали в стороне, обступив ее кругом. Этому никто не удивлялся – видимо, приняли за сопровождение богатенькой госпожи, обычное дело. Марита проследила за тем, как Яс размашисто шагает обратно.

Когда он проходил мимо, мужик в углу вдруг встрепенулся и впился в главаря разбойников взглядом. Яс будто бы не заметил, но, поравнявшись с Расимом, тут же хмуро буркнул себе под нос:

– Плохо дело.

– Что такое? – спросил измовец одними губами, продолжая безмятежно улыбаться.

– Он меня узнал. Это Блоха, то еще трепло. Такое было на руку, когда работало в мою пользу, – делая вид, что пересчитывает монеты в кошеле, ответил Яс. – Но если он пойдет языком чесать, то может сорвать все дело.

Пальцы Расима, сомкнутые на руке Мариты, сжались сильнее, но тут же вновь расслабились.

– Может, обойдется? – неубедительно сказал он.

Яс насмешливо усмехнулся. Мариту захлестнуло волной тревоги, будто к горлу приставили невидимый нож. Она не могла определить истоки своего волнения, и от этого оно только усиливалось.

– Выбрал уже себе веревку на случай, если нет?

– Я бы не хотел...

– Не мы, так другие. Не играй в героя – рожей не вышел.

О чем они спорят? Марита закусил губу, в глубине души уже зная ответ. Расим тяжело вздохнул и отступил, признавая поражение.

– Я понял. Тэкиито?

Тот скупно кивнул, и Марита вздрогнула – она уже успела забыть о его присутствии. Тэкиито обменялся со стоящим рядом Пичем взглядом. Тот словно по команде отделился от остального отряда и вдруг зашагал неровной, шатающейся походкой, сотрясая в воздухе кулаками.

Со скрипом отпихивая стоящие на пути стулья и задевая

стола, Пич принялся продира́ться к углу с упорством ломающего́ся сквозь кусты медве́дя. Добравшись до нужного стола, малиец почти что рухнул на него, выплеснув из кружки пивную пену. Блоха отпрянул, удивленно охнув.

– Какого?

– Т-ты! Когда звонкие вернешь, сукин сын? – пьяно выкрикнул Пич.

Против воли Марита почувствовала восхищение. Игра была хороша, и в образ верилось даже несмотря на то, что мгновение назад Пич был совершенно трезв. Блоха подскочил, стремительно краснея от злости.

– Ты кто, Зилай побери, тако...

Договорить он не успел. Резко качнувшись назад, Пич замахнулся и со всей силы вмазал кулаком по покрасневшему лицу. Хрустнуло. Блоха взвыл, отлетев к стене, и схватился за стремительно разбухающую челюсть. Сквозь промежутки меж пальцами проступило красным.

– Леди, осторожно! – вдруг оттеснил ее за спину Расим. – Это просто возмутительно!

Марита растерянна на него уставилась. Измовец был переполнен раздражением и обеспокоенностью, словно не сам мгновение назад велел это устроить. Купец, ужинающий супом, тоже нырнул под стол и теперь раздавал оттуда противоречащие друг другу приказы.

– А ну пошли вон, драконовы дети, пока я вас не отметеллил! – гаркнул пришедший в себя трактирщик, хлопнув ку-

лаком по стойке.

Глухо стукнули стоящие там кружки, ударившись боками. В воцарившейся тишине стало слышно, как откашливается и сплевывает на пол кровавой сгусток Блоха. Пич же окрика будто не услышал: перегнулся через стол, сбросив кружку на пол и расплескав все пойло липкой лужей, и схватил Блоху за шиворот. Потянул – раздался треск ткани.

– Де-деньги где? – прошипел он, потрянув мужчину, как котенка.

– Да я не...

Трактирщик вынул из-за стойки дубину, оббитую полоской железа, и внушительно брякнул ей о стойку, играя мышцами.

– Я дважды повторять не буду.

Пич тут же отпустил Блоху, отчего тот упал, с грохотом перевернув стол, и забормотал заплетающимся языком:

– Порядок, отец, порядок, мы уходим. Пойдем, п-поговорим-перетрем.

И подхватил Блоху под руку. Тот слабо затрепыхался, пытаясь вырваться, но хватка оказалась сильнее – какой не может быть у пьяницы. У Мариты под кожей пробежали мурашки.

– Подожд...

Блоха обернулся, лихорадочно обшаривая постоянный двор глазами, и встретился взглядом с ней. Теперь он выглядел совершенно напуганным и потерянным, словно застиг-

нутый охотником зверь. Они смотрели друг на друга всего мгновение, прежде чем Марита порывисто опустила голову.

Грохнула дверь, и все стало спокойно. Трактирщик, ругнувшись, спрятал дубину и кликнул какую-то девицу убрать бардак. Купец вылез только теперь, утирая лоб расшитым платком и охая.

– Пойдемте, леди. Есть в такой обстановке – оскорбление, – скривившись, сказал Расим.

И их небольшая процессия двинулась к лестнице. На первой ступеньке Марита обернулась. Дверь все так же была закрыта, и снаружи не доносилось не звука. В груди запоздало кольнуло виной за вынужденное бездействие, но девушка поспешно отогнала ее. Марита ничем не могла помочь бы помочь бедолаге, тем более, тот сам полез на рожон.

На втором этаже Яс остановился.

– Ты и ты – со мной, – подманил он двоих воинов. – Тэ-кито, бери своих людей и идите в общий зал. И проверь все, хорошо?

Поняв, что он имеет в виду, девушка поежилась. Урницец неглубоко поклонился и отправился выполнять указания. Его молчаливые разведчики беспрекословно двинулись следом.

– А я? – спросил Расим.

– А ты с леди, раз уж повесил на нее поводок.

Яс ехидно ухмыльнулся и подкинул в воздух ключи, которые Расим ловко поймал, почти не потревожив полы туники.

Марита закусила губу. Ночевать с мужчиной в одной комнате, да еще и с разбойником... Оставалось надеяться, что она достаточно ценная, чтобы ее не попытались запятнать.

Комната, которая им досталась, предназначалась для одного. Крепко сбитая кровать, продавленное кресло и сундук у стены не внушали уюта и удобными не выглядели. Марита со вздохом прошла в зад-вперед, вороша свежую солому на полу, села.

Когда она только прибыла в Урнос, то скучала по удобной постели: мягкая перина, тяжелая завеса балдахина, теплое одеяло. Забавно. Как же быстро ко всему привыкаешь. Сперва к жесткой земле, потом к купеческой спальне, а после – к лежанке бедняка.

– Не переживайте, я отвернусь, – сказал Расим, вырвав ее из раздумий, и поводит в воздухе пальцами так, будто распускал шнуровку.

От одной мысли о том, чтобы оголиться при чужаке, передернуло. И хотя измовец сдержал слово, Марита легла прямо в платье, лишь немного ослабив затяжки. То ли из упрямства, то ли в попытке хоть как-то ощутить себя в безопасности.

Расим развалился в кресле и умудрился уснуть первым, хотя скрючился в совершенно неудобной позе. Неужели не только коты так могут? Марита же еще долго ворочалась в постели, но вскоре усталость все-таки взяла свое, и она забылась беспокойным сном.

Верис был мертв. Марита поняла это еще до того, как прислушалась, до того, как подбежала, но все равно не могла поверить. Может, она не расслышала стука из-за грохота ее собственного сердца? Из-за шума крови в ушах?

Марита выдохнула и разжала пальцы, которыми сжимала чужие плечи. Верис тут же рухнул на пол, безвольный, как тряпичная кукла. Набитая гнилой соломой, страшная, старая кукла. Марита осеклась. Это было неправильно, все это. Она вытерла дрожащие руки об пол, понимая, что лжет сама себе.

– Так... надо? – глухо спросила в пустоту, неуверенно, медленно, будто пробуя новую сладость.

Подняла вжатую в плечи голову. И тут резко скрипнула дверь – капризно, как ревнивая женщина, и громко, – говорила же смазать ее, сколько раз говорила... Марита обернулась так быстро, что мир на мгновение смазался. В проходе стояла Лиска. Вся белая, как мраморная статуя, она отбрасывала длинную, узкую тень, будто посланник Тенриса. Только глаза широко распахнула, совсем не величественно.

– Госпожа! – выпалила Лиска, когда молчание затянулось. Марита вздрогнула как от пощечины.

– Лиска, зови врача, он... – внезапно севшим голосом попросила Марита. – Стражу. Кого-нибудь. Я...

Мысли спутались в сплошной ком. Лиска сделала шаг вперед, и ее лицо будто сморщилось от ужаса и отвращения, рас-

плылось. Расплылось?

– Госпожа, просыпайтесь, – сказала служанка невпопад.

– Что?

В ушах зазвучали глухой стук и лошадиное цоканье. Марита схватилась за голову.

– Вставайте, леди, мы приехали, – сказала Лиска голосом Расима.

Картинка смазалась, раздвоилась и вдруг рассыпалась на куски. Над головой маячил оббитый бархатом выцветший потолок кареты – и он больше не качался. Кареты? Она же засыпала в постели... Разум смутно припомнил и раннюю побудку, и смену седла на подушки.

Марита прошла по лицу ладонью. Расим, мгновение назад деликатно тряхнувший ее за плечо, отстранился и поглядел сочувствующе.

Пришлось спешно приводить себя в порядок. Марита потерла глаза, оправила растрепавшуюся прическу. Опять этот сон. Он повторялся, но каждый раз словно поворачивался другой гранью. Единственное, что оставалось неизменным – гнетущее чувство тревоги.

Расим встал, заставив невольно восхититься грации, с которой он перетекал из одной позы в другую, и приоткрыл дверь. Снаружи дохнуло прохладой. Марита выбралась из кареты, и ее ноги утонули в высокой сухой траве. Осмотрелась. Поле простиралось далеко вперед, ровное и густое. Ветер гонял по нему волны, пригибая стебли к земле. С про-

тивоположной стороны приближались несколько желтых пятен.

– Тэкито, оставь пару луков в укрытиях, пусть держат наших гостей под стрелой, – с прищуром глядя на горизонт, приказал Яс. – Остальные – кольцом вокруг леди. Подставляйтесь сами, но круг не разрывайте.

Он замолчал и надолго задумался, покусывая большой палец, но все-таки добавил:

– Расим, пойдешь переговорщиком.

Пока приказы выполнялись, Марита продолжала разглядывать его лицо. Сосредоточенно нахмуренные брови, косая тень, словно разделившая его надвое и сделавшая родимое пятно еще заметнее... Маска спокойствия Яса треснула, и он удерживал ее из последних сил.

Марита успокаивающе потерла свои плечи ладонями, глядя на то, как вокруг нее вырастает живая стена. Всадники приблизились, и уже можно было разглядеть фамильные нашивки на их стеганках. Мариту охватило волнение, от которого задрожали и подогнулись колени.

Приближался момент истины. Каким бы хорошим ни был фокусник – если поднять второе дно его шляпы, никакое мастерство не спасет. Марита незаметно стиснула подол платья в пальцах, продолжая упорно держаться так, как подобает леди.

«Всегда играй роль до конца, дочь. Нет ничего хуже, когда последняя нота – фальшивая».

Она вздохнула, украдкой оглядывая плотное кольцо – и мышке не протиснуться. Надежда на побег, особенно после случившегося в трактире, начала казаться до глупого самонадеянной.

Тем временем отряд Реплихов приблизился вплотную. Воины спешили и встали строем, сплошной желто-черной стеной. Марита попыталась разглядеть что-то из-за спин окруживших ее разбойников, но ей это едва ли удалось.

Словно следуя какому-то сигналу, Расим и один из стоявших в первом ряду солдат Реплихов почти одновременно выступили вперед. И если измовец шел непринужденно, будто прогуливался, то второй чеканил шаг совсем по-военному. Они остановились на расстоянии чуть большем, чем хватило бы для удара, и на краткий миг все стихло. Только ветер шелестел желтоватой травой.

Марита, не сдержавшись, принялась расхаживать внутри кольца, как зверь в клетке, изводимая тревогой. Рядом при-топывал ногой в нетерпении Яс. Переговоры затягивались, и это заставляло стоящих вокруг разбойников напряженно играть желваками. И Марита невольно перенимала чужое волнение, тоже напрягаясь все больше. Почему они тянут?

– Что-то не так... – пробормотал Яс, высказав обуревавшие ее мысли.

Но договорить не успел. Над головой просвистела стрела.

Глава 6. Горячая картошка

Все произошло в одно мгновение, словно волна хаоса погребла под собой поле. Лязгнула сталь, кто-то вскрикнул, заорал, мир замельтешил перед глазами. От страха Марита присела, прикинув к земле. Ее живая стена держалась, но медленно разрушалась по «кирпичику». Вот один разбойник припал на ногу, вот второй крутанулся, сбивая чужой удар в сторону. Казалось, мир разбился вдребезги и перемешался, наполнился шумом, грохотом и горячей пылью.

Марита зажмурилась, но тут же заставила себя вновь распахнуть глаза. Если стоять на месте – просто зажмут, перекрыв пути отхода. Оставаться с разбойниками опасно, а с Реплихами...

«А точно ли они победят?» – подумалось Марите, когда очередная стрела чиркнула по земле совсем близко, выбив в стороны крошево. Оказаться среди проигравших и навлечь на себя гнев другой стороны – риск непозволительный. Нет, Марита сама по себе. Всегда была.

Кровь все сильнее грохотала в ушах, заставляя остальные звуки слиться в один. Улучив момент, когда в плотном строе воинов появится брешь, Марита юркнула в нее змеей и понеслась прочь, вжимая голову в плечи. Слева раздался влажный хруст, справа забесновался конь, вставая на дыбы. Чудом разминувшись с очередной стрелой, Марита проскочи-

ла мимо Яса, сражающегося сразу с двумя, и вырвалась в за- тихшее поле.

Не остановилась. Подол цеплялся за колючки, путался в стеблях, словно те хватались за ткань, будто руки, пытаюсь задержать. Ужас подстегивал, и Марита продолжала бежать, запинаясь и раздирая ладони. От рваного дыхания пекло лег- кие.

Мир перед глазами расплывался и двоился. Поэтому, ко- гда из кусов внезапно вылетели две руки и сграбастали за плечи, Марита даже пикнуть не успела.

– Попалась, птичка! – довольно хохотнули сверху, стиски- вая пальцы еще сильнее. – Смотри, Кобель. Что мне за это будет?

Увидев нашивку в виде репейника, она сперва обрадова- лась, но чужая ладонь не спешила разжиматься и держала как-то слишком грубо. Марита дернулась – все равно что вы- рываться из каменных оков.

Мужчина, схвативший ее, походил на быка. Бритоголо- вый, с крупными ноздрями и щербатой улыбкой, он одним своим видом внушал страх.

– Я тебя не убью. Пока что, – раздался второй голос, гром- кий и хриплый.

Из кустов выступил еще один мужчина, и хоть он выгля- дел не таким крупным, как Бык, рост все же имел порядоч- ный. Каштановые пряди, обрамляющие его лицо, напомина- ли длинные собачьи уши. Темные, влажные глаза уставились

на Мариту. Верхняя губа шевельнулась, обнажив остро сколотый клык.

– Вяжи ее – и уходим, – наконец, удовлетворенно сказал Кобель, покручивая толстую цепочку на шее.

Ее кончик терялся где-то за шиворотом.

Бык тут же снял с пояса веревку и принялся стягивать запястья Мариты, до боли заломив руки. Девушка закусила щеку, чтобы не зашипеть, и в последний раз дернулась – отчаянно, будто кролик в зубах волка, отлично знающий, что пасть вот-вот сомкнется и переломит хребет. Пленители продолжали переговариваться, будто и не замечая этих попыток.

– Кобель, а ты ведь проспорил. Говорил, что она не добежит.

– Был о вас лучшего мнения.

– Да ладно тебе! Но звонкие гони.

Кобель лающе рассмеялся.

– Можешь вычесть из своего долга.

Возможно, стоит закричать? Но услышит ли кто в таком шуме? Выдавать себя не хотелось. Марита стояла, угрюмо уставившись в землю и кусая губы. Она не понимала, что происходит, и от этого словно оцепенела. Веревка крепко обвила запястье, и тугой узел тут же уткнулся в поясницу. Как только Бык закончил, Кобель огляделся, поведя головой по ветру, и его ноздри затрепетали.

– Уходим, – скомандовал он, тряхнув волосами, и вдруг

звонко свистнул.

Издалека будто эхом отозвался такой же свист. Бык с готовностью подхватил Мариту под руку и грубо поволочил за собой. Пришлось прибавить шаг, чтобы поспевать за чужим темпом не запинаясь. Немного придя в себя, она обернулась. Вдалеке метались разноцветные силуэты и мелькали отблески стали. Звуки битвы отдалялись, становясь все тише и тише и уменьшая и так малый шанс, что пропажу «леди» заметят.

Кобель бодро трусил впереди, иногда почти по-звериному застывая у очередных кустов и принимаясь, прежде чем продолжить. В очередной раз, когда мужчина принялся вертеть головой, ворот его стеганки отвернулся, и из-за него выглянула оскаленная собачья голова. При движении татуировка шевелилась, как живая.

Марита вздрогнула, и сердце в груди ухнуло куда-то вниз. Теперь, когда догадка превратилась в четкое знание, отрицать правду было бы глупо. Эти двое никакие не Реплихи. Будто Костей было мало – судьба решила столкнуть Мариту еще и с Псами.

«Вот ты, дорогая, – уныло подумала она, почти машинально переставляя ноги, – и сменяла виселицу на плаху».

Яс чиркнул подошвой по земле, отступая, и меч ушел в пустоту. Его противник быстро сориентировался, перетек в защитную стойку, и следующий удар оказался отбит. Дрожь

отдалась в руку. Порыв ветра хлестнул по разгоряченной щеке.

Яс холодно усмехнулся и сделал вид, будто метит в голову, в последний момент уведя руку вниз. Враг поверил, открывшись, и лезвие полоснуло его по колену. Тот вскрикнул и резко припал на ногу, позволяя довершить дело. Яс не стал смотреть, как красная лента обвивает чужую шею – обернулся и утер лоб, тяжело дыша.

Он держался неплохо, но уже начинал сдавать. Легкие жгло, ныли мышцы, дрожь от напряжения, и разум реагировал все медленнее и медленнее. Помогало лишь то, что противники потихоньку отступали в поля. Яс быстро огляделся, выискивая своих.

Вот Расим бросает на землю мятый лист, и на его противника с криком падает с неба сокол. Вот Тэкито ловко подныривает под мечом и пропадает из виду одуряченного врага. Между сражающимися то и дело мелькала Свечница, вся искрящаяся от удовольствия. Хмарь кружилась вокруг духа, словно облако снежинок. Оставалось надеяться, что тварь насытится надолго.

Яс скривился. На земле хватало желтых пятен, но не только их, и не получалось радоваться, зная при этом, сколько его людей уже полегло. «Ты не должен, – сказал Яс сам себе, – их жалеть. Они – инструменты». Но за все время так и не вышло этому научиться.

Он поудобнее перехватил меч, выискивая следующего

противника, когда глаз заметил Пича. Очередной ублюдок теснил парнишку, и тот отступал, отражая удар за ударом и не видя, что со спины подбирается второй. Яса учили, что такие как Пич – не люди, а разменные монеты. Пешки.

– Проклятье, – выругался он и рванул вперед.

«Мы все равно сражаемся, – успокаивал он себя. – Это не помощь, мне на него плевать». Притоптанная трава шелестела под ногами. Размахнувшись, Яс рубанул не ожидавшего атаки в спину врага. Пич быстро сориентировался и разобрался со вторым, вспоров тому шею. Грубо, но действительно.

– Спасибо, командир, – рвано выдохнул он и подмигнул, храбрясь.

Пич взмок, и прилипшие к его лбу волосы потемнели от пота. Руки, стискивающие рукоять, дрожали.

– Дерешься, как баба, – огрызнулся Яс.

Мир в глазах то смазывался, то вновь обретал четкость. Яс выдохнул, опуская меч, чтобы дать себе краткую передышку. Надо бы отойти в сторону...

– Командир!

Окрик Пича словно заставил проснуться. Яс дернулся в сторону, совершенно четко понимая – не успеет. Враги достанут раньше. Он стиснул челюсти, сжимаясь в ожидании удара, но ничего не последовало.

Сильный толчок отпихнул его вбок, уводя из-под клинка. Кто-то рядом болезненно вскрикнул и захрипел. Яс резко крутанулся вправо, рассекая противнику лицо и следую-

щим же ударом вонзая меч ему в грудь. Раздалось хлюпанье, и враг упал навзничь. И только выдернув меч, Яс огляделся.

Тэкиито стоял, шатаясь и зажимая плечо ладонью, и сквозь его по-паучьи тонкие пальцы просачивалась кровь. Лицо его побелело, а на лбу выступила испарина. Прежде чем Яс успел среагировать, колени Тэкиито дрогнули, и он поспешно сел прямо на землю.

Подставился под удар? Этот трус? Яс не верил своим глазам.

– Простите, командир... Я не предвидел такого поворота, – прошелестел Тэкиито, поморщившись. Даже сейчас он звучал безэмоционально и сухо. – Я приму любое наказание.

– Заткнись, – зло бросил Яс. – И зачем я тебе плачу?

Тэкиито бледно улыбнулся.

Яс незаметно сделал глухой вздох, остужая и проясняя разгоряченный разум. Цепко огляделся. Противников больше не осталось. На примятой траве лежали лишь неподвижные тела, свои и чужие. В воздухе насыщенно пахло травяным соком и кровью.

– Пич, займись Тэкиито. Где Расим? – спросил Яс.

– Я тут, командир.

Он обернулся. Измовец спешил к нему, запихивая на ходу меч в ножны. С включенными волосами и разодранной туникой, но вроде бы целый. Яс невольно испытал облегчение.

– Докладывай, – коротко приказал он, глядя, как Пич распарывает одежду Тэкиито и распускает ткань на полосы.

Урниец остался верен себе – морщился, но не издал ни звука, пока Пич накладывал на его плечо тугую повязку. Какой бы тряпкой Тэкиито ни был – а терпеть умел.

Услышав приказ, Расим вытянулся по струнке, словно солдат – плечи расправлены, руки за спиной. Выправка проросла в нем слишком глубоко, чтобы ее можно было искоренить. Запыхиваясь, но стараясь говорить четко и кратко, измовец принялся перечислять:

– Три потери, один раненый. У них четверых положили. Остальные сбежали. И, командир, – Расим сделал паузу, будто ему было физически неприятно говорить следующую фразу. – Мы проверили шеи.

– Драконье дерьмо, – ругнулся Яс. – Тэкиито, мать твою, как ты... ладно, потом. – Он нахмурился. – Где леди?

Расим успокаивающе смягчил тон.

– Простите, командир, – покаялся он, но прежде, чем Яс успел что-то сказать, поспешил добавить. – Но на ней все еще мой крючок.

Яс устало потер переносицу.

– У нас слишком мало людей, но позволить Псам уйти нельзя. Придется нагонять, – начал размышлять он вслух. – Ловите лошадей или новых достаньте. Живо. Тэкиито, в седле удержишься?

Глава разведки, чьи щеки успели слегка порозоветь, с трудом встал, стараясь не шевелить рукой. Его лицо ничего не выражало, только иногда меж бровей появлялась и пропадала

ла глубокая складка.

– Да, командир, – ответил он.

Однако тут же пошатнулся, вновь бледнея. Яс поморщился. Толку от такого бойца немного – только замедлит остальных. А времени и так много потеряли. Яс с внимательным прищуром окинул свой отряд взглядом. Он все равно не собирался вступать с Псами в бой, так что один человек погоды не сделает. Или даже два.

– Прекрасно, что ты так в этом уверен. Но мне кажется, сейчас бы тебя обскакала и моя бабка, – бросил он. – Бери лошадь и возвращайся. Расим, ты с ним.

Лицо измовца потемнело, но спорить он не стал. Видно, вспомнил про истоки замедлявшей главу разведки раны. Верно. Расим прав – Тэкиито ядовитая тварь. Но это его, Яса, ядовитая тварь.

Яс перехватил поводья приведенной Пичем лошади и просунул ногу в стремя. Но тут же зацепился взглядом за ближайшее окровавленное тело и помедлил. Сейчас преимущество на стороне Псов, так что стоило бы сравнять силы.

– Едьте вперед, я нагоню, – неохотно приказал он, похлопав себя по мешочку на поясе.

Вроде как просто собирался сжечь тела, хотя сподручнее было бы поручить это другому. Но вопросов никто задавать не стал – привыкли. Разбойники молча стали собираться, не тратя время попусту.

– Командир? – подал голос Пич, не спеша к ним присо-

единиться.

– Да?

– Рино не приходит в себя. Он еще жив, но потерял много крови. В бок попали. Что нам делать?

Не жалец. Яс отвернулся, чтобы никто не видел его лица.

– Добейте.

Марита начинала ненавидеть веревки во всех их проявлениях. В воздухе стоял запах жженой травы. Искры от костра красными росчерками взлетали в потемневшее небо и пропадали, погасая.

Марита остановилась, с завистью глядя на своих пленителей, сидящих вокруг огня. До ушей то и дело доносились смех и веселая ругань. Чуть поодаль лежали сваленные кучей стеганки с гербом Реплихов, выглядящие рядом с разбойниками чужеродно. Да уж, как крысу не наряди, белкой ей не стать.

– Чего встала? Шевели граблями! – прикрикнул парень, сопровождающий Мариту до кустиков, и грубо ткнул между лопаток.

Она послушалась и зашагала дальше, то и дело зябко ежась. Костер медленно отдалялся, и чем дальше, тем холоднее становилось. Когда впереди замаячила яма, ни следа тепла не осталась. Марита невольно усмехнулась. Кто бы мог подумать, что она будет скучать по тюфяку.

– Че так долго, Сивый? – спросил собрата по несчастью

сидящий на земле парень.

Сивый неопределенно пожал плечами и, подхватив Мари-ту как мешок с картошкой, спустил на дно. Она едва удержалась на ногах.

– Давай кости что ли раскинем? – донеслось сверху. – И зачем Берту эта дура? Зад из-за нее морозить.

– Да хер его знает. У него ж с Костями терки. Может, сам за нее выкуп стребовать хочет.

Марита вздохнула и запрокинула голову. Яма была неглубокой, но не было ни шанса выбраться из нее со связанными руками. Девушка пнула ближайший камешек носком сапога и опустилась на кучу примятой соломы. Юбка тут же стала влажной от сырости. Марита кое-как подогнула под себя ноги и уставилась на россыпь перемигивающихся звезд.

Знал бы Верис, чем будет заниматься женушка после его смерти... Казалось, боги забавляются с Маритой, бросая то в одну бурю, то в другую. Как дети, играющие в горячую картошку. Может, Тенрис недоволен своей непокорной дочерью? Оставалось надеяться, что Псам действительно нужны только деньги.

Марита прислонилась к влажной земле и прикрыла глаза. Холод замораживал сознание, делал мысли медленными и неповоротливыми. Кажется, она даже успела задремать и не сразу сообразила, что ее разбудило. Наверху разговаривали. Марита подползла поближе и прислушалась.

– Кто идет?

– Я.

– Растяпа, ты? – Сивый обрадовался. – Я думал, тебя того, подрезали. Как ты выбрался?

Марита вновь откинулась на земляную стену. Ничего интересного. Но краем уха слушать продолжила.

– Да ну, Растяпа? – удивился второй сторож. – Я же сам видел, как тебя... Или показалось?

– Главное, что цел. Да, Растяпа? – хмыкнул Сивый и вдруг недоуменно добавил: – Стой, Растяпа, ты куда? Растяпа? А-а-а!

Хлюпнуло, крик оборвался противным бульканьем. Марита сжалась в комочек, боясь быть услышанной, но звук ее дыхания мгновенно перебил поднявшийся вокруг шум. Звон, грохот, лязганье мечей, доставаемых из ножен. Кто-то орал и ругался, кто-то бежал, громко топоча.

Марита подскочила на ноги, напуганная, и приподнялась на носочках. Краем глаза удалось ухватить черные тени, мечущиеся в свете костра, и вспышки летающих в воздухе мечей. Она беспокойно переступила с ноги на ногу. Непонимание, что происходит, делало абсолютно беззащитной. Вдруг неподалеку хрустнула ветка.

– Да где она? – донесся до ушей громкий шепот.

– Метнись кругом, – послышалось задорное в ответ.

Марита встрепенулась. Голос Пича она узнала мгновенно. Подпрыгнула, однако разглядеть что-то кроме двух теней вдали не удалось. Девушка топнула, пытаясь привлечь вни-

мание, но звук вышел глухой, и земля его безжалостно поглотила. Проклятье! Марита подпрыгнула вновь.

Темнота обволокла яму, окружила черным пологом, но по удаляющемуся звуку шагов было ясно: Пич идет в другую сторону. Девушка закусил губу. Может, ну и пусть? Но разум предательски вспомнил и личную комнату, и прогулки, и сытный суп. Даже если новые пленители хотят того же, что и старые, до встречи с Реплихами Марита может просто не дожить.

Девушка решительно стиснула кулаки.

– Пич, я здесь! – позвала она шепотом. – Это я, леди Бланка. Я внизу.

Звук шагов затих, и следующие мгновения показалось вечностью. Марита уже успела подумать, что все ушли, бросили ее тут, не услышав. А потом шаги начали приближаться, и над ямой зависла черная тень.

К чести Пича, он сориентировался быстро. Ни словом не обмолвился о внезапно прорезавшемся голосе, только одарил долгим взглядом. В темноте он еще больше походил на сказочного злодея.

– Режьте веревки, пока нас в это уютное гнездышко следом не кинули, – указал он не рассусоливая.

На землю у ног Мариты что-то глухо шмякнулось. В лунном свете блеснуло узкое лезвие. Она беззвучно ругнулась и скрючилась в неудобном положении. Хорошо хоть руки связаны спереди... Пальцы слепо зашарили по земле, нащупы-

вая нож.

– Быстрее, красотка, – весело поторопил ее Пич.

Марита с трудом сдержалась и промолчала. Кое-как ухватившись за рукоять, она повернула нож лезвием вверх и принялась елозить по туго стянутой веревке. Та упорно не желала поддаваться, но девушка не сдавалась, и в итоге веревка соскользнула вниз. Марита с удовольствием потянулась, разминая затекшие конечности.

– Сюда, – позвал Пич. – Ви, помоги даме.

Вторая тень послушно наклонилась в ожидании. Как же Марита была ей рада! Им всем. Девушка покорно подбежала к самому краю и вытянула руки, позволяя вытащить себя наверх. От резкого рывка закружилась голова, но Пич не дал передохнуть. Надавив на спину, он заставил пригнуться и потащил прочь. Марита даже оглядеться не успела, но по не утихающему шуму поняла, что битва все еще идет. Вот только с кем?

Впрочем, это было уже не важно. Этот раунд горячей картошки Псы проиграли. Оставалось надеяться, что Марита не пожалеет о своем выборе.

В подвале пахло плесенью и чадящими лампами. Яс, расположившийся так, чтобы охватывать взглядом все помещение, сидел, перебирая пальцами по подлокотнику. То, как приоткрылась дверь, он увидел первым.

Тэкито вошел как всегда бесшумно, едва заметно припа-

дая на один бок, но не преминул поклониться с бесстрастным выражением лица. Яс попробовал поискать в чужих глазах страх или волнение, но глава разведки умудрялся постоянно глядеть в сторону, при этом не проявляя неуважения. Яс откинулся на стул, заложив руки за голову.

– Ты знаешь, почему ты здесь? – спросил он холодно.

Тэкиито кинул быстрый, цепкий взгляд на Расима, застывшего в углу. Наверняка заметил и непривычно строгий вид, и ткань на столе, и знакомый здесь всем невзрачный потертый сундучок, лежащий на коленях командира. Яс с удовольствием отметил тень беспокойства, быстро пробежавшую на чужом лице.

– Я допустил непростительную ошибку, недостаточно тщательно проверив письмо, и мы попали в ловушку. Простите, командир, – наконец, сказал Тэкиито, и то, что при этом ни один его мускул не дрогнул, даже вызывало уважение.

Яс продолжал молчать, вперившись в главу разведки тяжелым, острым взглядом. Тэкиито сглотнул – было видно, как дернулся кадык.

– Мы потеряли людей из-за меня.

В ответ – опять молчание. Яс переменил позу, сцепив пальцы замком и оперевшись о них подбородком, но взгляд не отвел. Знал, что почти припечатывает к полу, когда смотрит вот так.

– Я не сумел помешать похищению.

Они будто боролись, проверяя, чья воля окажется силь-

нее. Яс представил себя воином, сокрушающим чужой щит. Он ненавязчиво опустил руку и постучал по сундучку, перебирая пальцами. Глухой звук словно отпечатался в воздухе.

– Я позволил леди ввести себя в заблуждение. Это непозволительно для моей должности. Я провалился.

Тэкиито замолчал, слизнув выступивший над губой пот.

– Я посмел разочаровать вас. Простите, командир. Я...

Яс погладил поблекшую от времени застежку, и Тэкиито запнулся, на короткий миг потеряв самообладание. Щит треснул. Яс медленно растянул губы в улыбке и вновь откинулся назад, разрывая контакт.

– Ты ведь достаточно умен, чтобы понимать, что это значит, верно, Тэкиито?

Тот опустил голову, глядя в пол.

– Да, командир, – ответил он. – Позвольте просьбу?

Яс аж прищурился от такой наглости, но не смог сдержать любопытства:

– Валяй, я подумаю.

Тэкиито сцепил руки за спиной, будто пытаясь их спрятать, и выпрямился. Глядя прямо, но не позволяя себе ни намека на вызов, он сдержанно попросил:

– Можно на левой, пожалуйста?

Яс хмыкнул.

– Умно. Не зря ты на своем месте. Так уж и быть, благодарю за это свое плечо.

По спине пробежал холодок. Как же он сейчас похож на...

Яс сжал губы, отменяя лишние воспоминания и радуясь, что Свечница не появлялась, сытая после боя.

Выбранное наказание было справедливым. Он не мог ограничиться выговором – оплошность главы разведки слишком велика – но и казнить либо сильно увечить не стал. Непрактично. Показательная кара, неспособная весомо повлиять на работу, подошла лучше всего.

Тэкито почтительно поклонился, ничем не выражая своей радости или же недовольства ответом, и прошел к столу, расстегивая на ходу ремень. Звякнула пряжка. Тэкито подцепил кожаную полоску и сложил в несколько раз.

Они все знали правила – каждый, кого Яс брал под свое крыло. И иногда, глядя на подобное смирение и даже понимание, он не мог избавиться от неприятного ощущения в груди. Будто темный, липкий комок опутывал сердце.

«Ты сам эти правила придумал, – убеждал себя Яс. – Диких тварей нужно держать ежовыми рукавицами. Или ты, или они, другого не дано». Аргумент вышел слабым и будто чужим. Внезапно, как это всегда бывало, захотелось отменить приказ и выгнать Тэкито вон. «В конце концов, он ведь спас тебе жизнь, – подумал Яс. Однако сказал совсем иное: – Работай, – кивнул он Расиму, передавая сундучок.

Измовец послушно защелкал застегивками. Сосредоточенный и отстраненный, казалось, он находится совсем далеко от пропитанного безнадежностью подвала. Когда последний замок поддался, Расим потянул за крышку и обнажил бар-

хатную обивку и разложенные на ней инструменты. Металл холодно блестел в слабом свете.

На какой-то краткий миг сердце неприятно сжалось, стиснутое невидимыми щупальцами. Но почти сразу Яса отпустило. «Они знали, на что шли», – думал он, глядя, как Тэкиито зажимает ремень зубами.

Даже когда его присутствие перестало требоваться, Яс не ушел. Он всегда лично наблюдал последствия своих приказов.

– Руку, – мягко, но требовательно сказал Расим, пододвигая ближе металлическую миску. – Не дергайся – и закончу быстрее.

Как же дико это прозвучало. Будто речь о стрижке волос или обрезке ногтей. Мужчина хмыкнул – нервно, но Тэкиито едва заметно вздрогнул. Боится.

Яс нахмурился и перевел взгляд на измовца, залюбовавшись четко выверенными, быстрыми движениями. Пальцы Расима порхали в воздухе, выкладывая инструменты, проверяя лезвие ножа и перетягивая мизинец. Жуткое и по-своему красивое зрелище. Закончив с приготовлениями, Расим зубами вынул из мутной склянки пробку и плеснул жидкостью на нож. В воздухе резко запахло травами и алкоголем.

– А теперь – вдох, выдох, – пугающе спокойно произнес Расим.

И, примерившись, резко опустил нож. Послышался влажный хруст, а следом – болезненное мычание. Тэкиито отчаян-

но зажмурился, но не дернулся, только задрожал всем телом и схватился за стол второй рукой.

Вновь захотелось отвернуться, но Яс заставил себя смотреть, как Расим обрабатывает рану, работая иглой. Такова цена принятых решений.

Кровь перестала течь быстро, как по волшебству, и вскоре Тэкито пришел в себя. Яс отстраненно подумал, что главе разведки повезло. Расим был профессионалом. Даже повязку наложил прежде, чем взяться за чистку инструментов.

Тэкито продолжил стоять, уронив голову на грудь и тяжело дыша. Было видно, как капля пота повисла на его подбородке и все не падала и не падала. Наконец, глава разведки рвано выдохнул сквозь ремень и стер ее ладонью.

– Разберись со всеми этими «недоразумениями» и поскорее. Иначе в следующий раз это будет голова. Ты меня понял? – сказал Яс как ни в чем не бывало, хотя его самого порядочно мутило.

– Понял, командир, – просипел Тэкито, вынув ремень с четким отпечатком зубов, и прокашлялся. – Позвольте идти?

Яс великодушно махнул рукой. Вскоре ушел и Расим, унеся с собой инструменты и помещенный в колбу палец – одновременно и напоминание, и рычаг для любого колдуна, если понадобится. Когда Яс остался один, ему показалось, что даже огонь в лампах стал гореть слабее, дрожа и отбрасывая косые тени. На душе было так же беспокойно.

Носа коснулся запах воска, и по коснувшемуся спины жару Яс понял, что обрадовался слишком рано. Тварь никак не могла упустить такого лакомого кусочка.

– Боишься, – прошипела на ухо Свечница, и Яс почти что ощутил ее горячее дыхание, хотя знал, что это невозможно.

– Я его не боюсь, – огрызнулся он в ответ.

Свечница гадко захихикала – будто дверь заскрипела и жир зашкварчал на углях.

– Не его, не его, – радостно закричала она и принялась метаться по комнате оплывшей, будто плавящейся изнутри фигурой. – Ты боишься себя.

Яс сжал челюсти так сильно, что скрипнули зубы, но промолчал. Возразить было нечего.

В последние дни Марита чувствовала себя так, будто сама режет канат, на котором стоит. Но выбора особо не было – с другой стороны по нему шел хищник. Вот и оставалось или схватиться за конец и перелететь пропасть, или умереть.

С тех пор, как Марита заговорила с Пичем, она все летела и летела – и края не видела.

– Вот мы и опять заперты, – уже не скрываясь, сказала она говорушке.

Птица с любопытством склонила голову набок и заскакала по жердочке. Марита позавидовала этой беззаботности. Ее саму все еще не отпускало напряжение, словно над головой завис огромный нож, и ожидание его падения было страшнее

самого удара.

С тех пор, как они вернулись, Мариту никто не трогал. Ее не спешили допрашивать, угрожать иглами под ногти или раскаленным железом, обыскивать комнату и складки платья. Даже еду приносила не Ревка, а какой-то невзрачный парнишка, упорно не реагирующий на вопросы. То ли взаправду глухой, то ли просто строго вышколенный. Сперва такое затишье радовало, но спустя четыре дня Марита поняла, что предпочла бы дыбу неведению.

Она вздохнула, сменив руку, которой подпирала щеку, и вновь уставилась на птицу.

– А ну ка, Оракул, покричи, – скомандовала, вспоминая старую забаву. Птица наклонила голову уже в другую сторону. – По-кри-чи. Ну?

Марита почти не надеялась, что это сработает, но говорушка вдруг внезапно встрепенулась и возвестила:

– И да ударит рука три раза!

Марита вздрогнула от неожиданности и было нахмурилась, когда из коридора послышался звук поворачивающегося в замке ключа, и дверь действительно приоткрылась. Тэ-кито по-змеиному протиснулся в щель и запер ее за собой. Марита замерла – скорее жалкая подделка на горделиво приосанившуюся леди, чем живой человек. Урniec почти сразу же сложил руки за спиной, но наметанный глаз успел заметить бинты на левой кисти. Поранился во время боя?

Марита прикусила губу, но смолчала, хотя вопросы так и

крутились на языке.

– Леди-леди, – негромко протянул Тэкито, качая головой. – А мы ведь могли договориться.

Он всем своим видом выражал досаду, но эта эмоция даже краем не затронула голос, вызывая неуютное чувство диссонанса. Марита переплела пальцы, продолжая хранить молчание. Могли договориться или нет – теперь разницы никакой. Колени под подолом задрожали, и пришлось прижать к ним ладони. Тэкито окинул ее взглядом, медленным и пустым, как у мертвеца.

– Поднимайтесь. Давайте прогуляемся.

Это был не вопрос, конечно, нет. Марита встала, придерживая юбки и надеясь, что это хороший знак. Если по темным коридорам не тащат – может, и пытать не будут. Так ведь? Уверенности не было, и едва удавалось сдерживать сбивающееся дыхание.

– Хорошо, – послушно, но с ноткой надменности, за которую самой стало страшно, сказала она.

Злить Тэкито не хотелось, но вряд ли такая мелочь повлияет на принятое решение. Зато вживание в роль успокаивало, словно укрепляя внутренний стержень дополнительным слоем. Тэкито приоткрыл дверь, пропуская леди вперед. Марита не удержалась и кинула косой взгляд на говорушку, но та, отвернувшись, чистила перья. Что ж, была не была.

Они молча спустились по ступеням и вышли во двор. Выглянувшее из-за облаков солнце пригревало землю. На забо-

ре одного из домов сидела Звездочка – она помахала Марите рукой. Почему-то от этого тревога только усилилась. Все было таким мирным, тихим, до безумия спокойным... будто лес, замерший перед грозой, или дорога, ведущая через засаду.

Встревоженная этим, Марита замешкалась, и Тэкиито подступил ближе, подхватывая под руку. Его ладонь оказалась такой же, как и ее хозяин: узкой и жесткой, не холодной и не теплой, просто никакой. Марита невольно поежилась. То ли не заметив этого, то ли проигнорировав намеренно, Тэкиито зашагал мимо домов, уводя ее за собой.

Молчание нагнетало, давило на виски, будто металлический обруч. Они лавировали по логову, явно направляясь к выходу. Один раз Марита, не выдержав, предприняла попытку нарушить тишину.

– Я... – начала было она.

Но Тэкиито жестко и при этом удивительным образом ненавязчиво ее остановил.

– Потом, леди, мы же прогуливаемся.

Пришлось закрыть рот и нервно кусать внутреннюю сторону щеки. Неспособные быть высказанными, мысли роилась в голове, превращаясь в сплошной хор голосов. Куда они идут? Зачем? Что ждет там Мариту – прощение или смерть? А может, что-то хуже смерти? Когда Тэкиито вывел ее к забору, она совсем извелась.

Частокол тянулся мимо плотным рядом, скрепленный ту-

гими нитями. Тэкиито замедлил шаг и двинулся вдоль, ведя по воздуху свободной рукой.

– Как вам забор, леди?

От неожиданности Марита запнулась о подвернувшийся под ноги камень.

– Добротный, – осторожно ответила она.

Тэкиито тонко улыбнулся.

– Вы ведь слышали, как нас называют, леди? – спросил он внезапно.

Марита помедлила, но все же кивнула – местные страшилки наверняка знала даже такая дура, как Бланка.

– Кости? – ответила, даже радуясь развеять молчание. Тишина заставляла чувствовать себя совсем беспомощной.

– Верно, – тихо подтвердил Тэкиито, не останавливаясь.

Казалось, они и правда приятно проводят время, развлекаясь беседой. Если закрыть глаза, можно было бы даже представить и ухоженный сад, и следующую чуть поодаль служанку, и улыбку кавалера. Но чувство тревоги все еще копошилось в груди, заставляя с опаской оглядываться по сторонам.

Марита вновь скользнула взглядом по мелькающим мимо разноцветным полосам. Коричневый, белый, коричневый, белый. Какой странный цвет. Тревога забралась выше, подступив к горлу.

– А вы знаете, почему?

Они резко остановились, развернувшись к забору лицом,

и глаза Мариты уткнулись в переплетенные друг с другом палки. Нет, не белый, скорее желтоватый. И поверхность слишком гладкая для дерева. Внезапная догадка словно ударила в затылок. Да нет, не может быть!

– Это очень особенный забор, леди. У некоторых его «жердин» есть имена, – бесцветный, пустой тон проникал в самое сердце. – Забавно, не думаете?

– Я...

Во рту у Мариты пересохло.

– Вот эту зовут Веска. А ту потолще – Ярэк, – продолжил Тэкито, почти что потянув Мариту дальше. Она пошла, как на привязи. – Хано, Лира, Делла, Корви...

Нет. Это ложь. Он врет, морочит голову, пугает, как дурочку... Мысли роились растревоженными пчелами, но глаза, в отличие от разума, не обманывались. Марита начала подмечать сходство то с частью кисти, то с позвоночником, и уже не смогла остановиться. Тэкито же продолжал перечислять, поочередно указывая пальцем на кости.

– Редо, Лита, Меко, – все говорил Тэкито, и хотя он не повышал тон, казалось, все остальные звуки померкли на фоне его голоса. – Бланка – красивое имя. Интересно, где бы оно лучше смотрелось?

Марита вздрогнула, когда урниец внезапно остановился и заглянул ей в глаза. И не ответила.

– Так где же? – настойчиво повторил Тэкито.

«Он пытается расколоть тебя. Ищет трещину. Не смей. Не

смей. Не смей». По шее у Мариты поползли мурашки.

– Я не разбираюсь в заборах, – произнесла она с достоинством, высоко подняв голову, хотя ресницы непроизвольно задрожали.

Тэкито не пошевелился, и время будто замерло. Но, несмотря на подступающий испуг, Марита упорно молчала и взгляда не отводила.

– Кажется, мы задержались на одном месте. Надеюсь, я вас не утомил, – наконец сказал урниец – как ни в чем не бывало – и отвернулся. – Расскажите-ка, что же с вами произошло на самом деле, и пойдете отдыхать. Помните: я просто хочу вам помочь.

Кольцо, стягивающее шею, чуть разжалась, и Марита позволила себе выдохнуть – но не расслабиться. Самое сложное теперь впереди. Она заговорила, медленно и сдержанно, чувствуя, как налетевший ветерок холодит затылок, взмокший под густыми волосами:

– Я просто испугалась. Слышала, что пленникам вырывают язык, чтобы лишнего не сболтнули, – попыталась сыграть в дурачку она.

Тэкито прищурился.

– Это ведь детские сказки, леди, – холодно отметил он.

Прощупывает. Надеется, что поведется и вытащит все карты из рукава... А значит, надо просто подыграть. Марита потупилась, глядя в пол и нервно теребя подол.

– Если честно, я сначала испугалась. А потом поняла, что

спросят, куда я ехала, и стыдно стало, – будто в смущении отвела она взгляд.

У Тэкиито даже глаза на краткий миг загорелись, прежде чем опять омертветь.

– И куда же вы ехали? – вкрадчиво уточнил он.

Марита принялась топтаться на месте, как иногда делали девушки из-за высшей степени смятения, и незаметно задышала чаще. Детская уловка, но работала всегда безотказно. Жар охотно прилил к щекам и пятнами лег на шею – кожа запылала.

– Я... ну... направлялась к мужчине, – промямлила она, обхватив локти руками, но тут же с вызовом расправила плечи. – Будете меня осуждать?

Тэкиито вздохнул с нескрываемым разочарованием. Марита вообразила себя мышью, к которой кошка потеряла интерес, и почти физически ощутила, как разжались острые когти. Неужели поверил? Впрочем, чего ему еще ждать от глупенькой дворянки?

Этот статус был обузой, но стал и щитом. Другой девке бы такое не простили.

– Я здесь не за этим, леди, – безразлично ответил Тэкиито. – В следующий раз настоятельно прошу вас ничего не утаивать. Я едва уговорил командира не спешить, но в следующий раз вам может повезти меньше.

– Я понимаю.

Они двинулись обратно, оставляя страшный забор за спи-

ной. У Мариты запоздало задрожали пальцы от пережитого, и она спрятала их в глубоких складках.

– И где же вы научились так хорошо притворяться?

Сердце сжалось – не сработало, раскусил, и теперь все кончено. У Мариты перехватило дыхание, но прозвучавший в голове голос отца вновь вернул самообладание: «Всегда играй до конца. Вплети правду в ложь, и никто не заметит». Верно. Урниец мог иметь в виду ее «немоту». Девушка горделиво приосанилась.

– Я обучаюсь разным искусствам, которые необходимо знать леди. В том числе театральному.

Спустя долгий миг промедления Тэкито кивнул. У Мариты почти что закружилась голова от осознания, что все получилось.

– Ясно. Однако вопрос с выкупом остается открытым, несмотря на недавнее досадное недоразумение, – продолжил он совершенно ровным тоном. – Мы потеряли много времени. В этот раз в письме необходимо предоставить вашему отцу весомые доказательства. Постарайтесь вспомнить, что знаете только вы и ваша семья? Сами понимаете, если они станут тянуть....

Мариту бросило в холод – сперва от угрозы, а потом от осознания смысла, таящегося за словами. Вот и попалась? Она ведь о леди Бланке не знала ровным счетом ничего. От страха запнулась и уже начала было паниковать, когда сознание охватило озарение.

– Я вас поняла и готова пойти навстречу ради общего блага, – сдержанно улыбнулась Марита с видом человека, собирающегося выдать ценные знания. – Знаете, у меня есть любимый бокал...

Глава 7. Шанс для паршивой овцы

Колокольчик беззвучно дернулся и застыл. Амара отвлеклась от сложного плетения, над которым корпела, и посмотрела на Мариту со смесью удивления и интереса. Старушка, как и всегда, сидела в кровати, но сегодня была вся обложена мисками с бусинами, словно дракон – сокровищами. Марита осторожно прикрыла дверь и сделала церемониальный реверанс.

– Твой шантаж потерял силу: теперь о том, что я могу говорить, знают все, – не удержалась она.

Амара хмыкнула и ехидно парировала в ответ:

– А о том, что ты гуляешь, где вздумается?

Марита усмехнулась, ничуть не расстроившись. Не то чтобы она всерьез пыталась подловить колдунью. Девушка подтащила стул поближе к кровати и уселась на него, закинув ногу на ногу и подперев подбородок ладонью. Не совсем достойная леди поза, но хотелось хоть на пару мгновений забыть о роли.

Пальцы Амары вновь забегали по нитям. Старушка плела широкий браслет с узором в виде змеиной чешуи. Бусины приятно поблескивали на свету.

– Ты зашла, только чтобы сказать мне это, цветочек? – спросила Амара прозорливо. – Не верю. Так зачем?

Это был хороший вопрос. Прежде чем прийти сюда, Ма-

рита потратила долгие часы на то, чтобы все обдумать, – и наконец решилась. Ее положение стало шатким, как никогда. Реплихи в любой момент могут признать леди Бланку мертвой, а разбойники – найти портрет молодой госпожи и сравнить с Маритой. Тогда сразу заметят и недостаточную серость кожи, и слишком блеклые волосы. Медлить больше нельзя.

Девушка чуть склонила голову, подбирая слова – острожноничала, словно человек, пробирающийся сквозь темноту наощупь. Можно было бы наврать, можно – открыться. Но Марита выбрала третий путь – путь полуправды.

– Я должна кое в чем признаться, – медленно начала она.

В воздухе шуршали и перестукивались бусины. Руки Амары двигались быстро, а взгляд был направлен вниз, но девушка знала: колдунья не упустит ни слова из ее рассказа. Во рту пересохло, и Марита украдкой прикусила язык. Помогло.

– Но прежде всего, пообещай, что выслушаешь до конца, прежде чем решать, – добавила она с достоинством.

Амара хитро прищурилась.

– Значит, еще одна сделка. Любишь ты рисковать, баронесса.

Марита храбро ей улыбнулась, хотя колени, скрытые под подолом платья, мелко подрагивали.

– Так?

– Хорошо, – почти пропела Амара.

Ее глаза горели любопытством. Марита представила, как поднимается занавес перед началом спектакля и зрители замолкают в ожидании. Глаза сами собой стыдливо опустились, а губы дрогнули.

– В моей семье я – паршивая овца. Ты... – Марита дала себе запнуться, – ...слышала слухи про неверность моей матери? Это все правда. Отец мечтает от меня избавиться.

Пальцы Амары порхали в воздухе легко и быстро, будто крылья бабочки. Старушка даже перестала на них смотреть, буравя Мариту внимательным взглядом. Словно пыталась прочесть истину на чужом лице.

– Неужели? А я слышала, у леди Бланки есть свой дворец, и на приемы она захаживает, – задумчиво, будто невзначай произнесла Амара.

Мариту бросило в пот, но она ловко вытащила на свет заготовленное заранее объяснение, словно фокусник – кролика из шляпы.

– Чтобы глаза не мозолила. Он хотел побыстрее выдать меня замуж, – негромко сказала девушка, позволив волнению вылиться наружу, и нервно смяла подол. – Но теперь он просто признает меня мертвой.

Пальцы стиснулись сильнее – то ли от поселившегося в сердце страха, то ли от наигранной грусти. Грань стишком стерлась – роль захватила Мариту целиком.

– Отец не заплатит за меня выкуп, Амара, – подытожила она, в отчаянии вскинув голову и уперевшись в старушку

взглядом.

Колдунья осталась совершенно непоколебимой – прямо-таки замерзшая река. С грохотом засунув руку в миску, старушка поворошила ей там, нахмурилась и вынула зажатый между пальцами стеклянный шарик.

– А ты, стало быть, достаточно умна, чтобы не ждать. Верно? – Амара прищурилась и посмотрела на стеклянную бусину на просвет. – Или ты еще умнее и мне камни за золото втюхиваешь.

Марита обиженно поджала губы, внутренне восхищенная и напуганная этой догадкой.

– Может. А может и нет – это никак не проверить, – спокойно сказала она и усмехнулась. – Но если я вру, и семья меня обожает, то зачем рисковать? Легче дожждаться выкупа.

Амара задумчиво пожевала губами.

– Знаешь, цветочек, ты как эта бусина. На, посмотри, – Марита недоуменно послушалась и прищурила один глаз, вертя бусину из стороны в сторону. Только когда сквозь стекло прошли солнечные лучи, стала заметна темная сердцевина. – С виду прозрачная и настолько обычная, что даже скучно, но прячешь что-то внутри. Что-то, что я так и не могу разгадать. Интересно.

Амара с легкой улыбкой протянула руку, и Марита, как заколдованная, вложила бусину обратно ей в ладонь. Пара движений, и стекляшка заняла свое место среди остальных.

– Не знаю, цветочек, я... – покачала головой Амара и

вдруг зашипела, выронив браслет. – Проклятье!

Тот упал ей на колени, и бусины, скатываясь с нитей, застучали по полу. Но старушка будто не заметила – она запустила руку себе за шиворот и резким движением выдернула наружу странное украшение. На толстой нити висело всего пять бусин разного размера и цвета – настолько несочетающихся, что это выглядело уродливо.

– Как невовремя... – зашептала Амара.

Ее глаза приобрели почти болезненный блеск. Марита невольно напряглась.

– Все в порядке? – осторожно спросила она.

Но старушка только отмахнулась. Ее пальцы перебирали бусины – одну за другой, словно что-то искали наощупь.

– Которая же, которая, – приговаривала Амара, как безумная. Казалось, каждое лишнее мгновение приносит ей ужасные мучения. В груди похолодело, и Марита начала медленно подниматься, стараясь не привлекать внимания. Надо кого-то позвать, может, Ририви... – Сиди смирно, цветочек.

Марита вздрогнула. Амара даже головы не подняла и голоса не повысила, но в ее тоне проступила такая железная воля, что послушаться не вышло.

– Что-то случилось? – осмелилась спросить девушка, говоря как можно мягче.

Амара не отреагировала, и ссохшиеся пальцы подхватили очередную бусину. В это же мгновение лицо старушки мучительно искривилось. Раздался громкий, словно звучащий

изнутри головы треск, и бусина лопнула, осыпавшись на ловко подставленную ладонь колдуньи черепками. Живот Мариты сам собой поджался от страха, словно внутри нее тоже что-то треснуло.

Амара же, наоборот, успокоилась. Не расслабилась, но граничащая с одержимостью поспешность сменилась внимательной собранностью.

– Зови Яса, цветочек, – сказала старушка, разглядывая ярко-синие осколки.

Марита поднялась на ноги, но покачала головой.

– Может, лучше Ририви? Она все-таки лекарь, – попробовала увильнуть девушка.

Однако твердый голос Амары отсек эту попытку на излете.

– Яса, цветочек. И я подумаю над твоей просьбой.

И, встретив чужой взгляд, Марита не смогла не подчиниться. Потому что эти глаза больше не принадлежали ни молодой девушке, ни даже умудренной опытом старухе. Так смотрят только маги, знающие как величину своего могущества, так и заплаченную за него цену.

Яс нашелся в самой дальней части логова, позади всех домов. Сперва Марита не поняла, чем он занят, но, подойдя ближе, разглядела огромный котел, стоящий на огне. Внутри что-то бурлило и булькало, кипя и покрываясь мелкой пенкой. Воздух наполнял запах тушеного мяса и почему-то мо-

роза и перца.

Яс стоял к Марите спиной и задумчиво помешивал в котелке длинной палкой. Возле него, на расстеленной на земле холщовой ткани, лежало что-то желто-белое, при ближайшем рассмотрении оказавшееся костями. Марита с удивлением отметила, что приняла это как должное. Только на мгновение холодок пробежал.

– Что вы делаете? – не удержавшись, спросила она, с любопытством заглядывая в котел.

И тут же сжалась, осознав, что проявила непочтение. Но Яс против обыкновения не повел и бровью. Только глаза на Мариту скосил, продолжая водить над варевом рукой. Пузырьки на белесой поверхности набухали и лопались, и разглядеть ничего не удавалось.

– Танцую ревенъетту, – съехидничал он, не поворачиваясь.

При этом его на лице так и сохранилось умиротворенное, почти отсутствующее выражение.

– Зачем?

Марита мысленно ругнулась. Да что с ней такое? Мало того, что отходит от роли, так еще и лезет с расспросами к самому главарию. Обманываться внешним спокойствием – стезя дилетанта. Похоже, сказывается недостаток общения – или страх перейти к делу. Брови Яса иронично изогнулись.

– Забор прохудился, – как само собой разумеющееся, ответил он и, вынув палку, постучал ей о край котла. – Хорошо

голову проветривает. А леди здесь почему? Я думал, Тэкито объяснил достаточно доходчиво.

Сейчас Яс совсем не был на себя похож, потому угроза дошла до Мариты не сразу, запоздало оседая холодным комом в животе. Девушка качнулась с пяток на носки, сцепив руки за спиной. Решалась. Просьба колдуньи завела ее в силки, но невыполнение грозило еще худшим капканом. Поэтому Марита сделала вдох и сказала:

– Простите. Но вас зовет Амара.

Яс подозрительно сощурился.

– Амара? Вы что, разговаривали?

Как только зашла речь про колдунью, Яс нахмурил лоб, и черты его лица словно заострились, теряя былую отстраненность. Марита незаметно скомкала подол, пряча волнение.

– Можно и так сказать, – уклончиво ответила она.

Сомнения на лице Яса сменились обеспокоенностью. Одним движением выдернув пробку из фляги, глава разбойников плеснул из нее на огонь. Зашипело, вверх взметнулись белые клубы пара.

– Потом обсудим, – бросил мужчина вскользь, больше не медля. Чтобы нагнать его, пришлось почти бежать, придерживая юбки. – Что-то случилось?

Марита ожидала чего угодно: угроз, допроса, гнева, – но не того, что Яс закроет на ее с Амарой разговор глаза. Она кинула на мужчину косой взгляд. Чужое лицо было напряженно сосредоточенным. Чувствуя, как волнение улегается,

девушка ускорила шаг, подстраиваясь под чужой темп. Тем лучше. А о разговоре глава разбойников может и забыть.

Но, все-таки, к простой подчиненной так никто срывать-ся не станет. Значит, колдунья приходилась Ясу кем-то еще. Марита постаралась отложить эти раздумья до лучших времен и, пожав плечами, ответила на вопрос мужчины:

– Не знаю, – и, решив, что скрывать это бесполезно, добавила: – Просто у нее лопнула одна из бусин, и Амара...

Лицо Яса на мгновение озарило облегчение. Он хмыкнул и замедлился, хотя шаг так и остался размашистым.

– Все в порядке? – попыталась прощупать его Марита.

Яс молча дернул плечом, не поворачивая головы. Пришлось подавить вспыхнувшее любопытство. Когда они дошли до дома, разбойник окончательно взял себя в руки, так что в дверь вошел непоколебимый ничем командир. Марита неуверенно протиснулась следом.

За время ее отсутствия ничего не поменялось: солнечный свет все так же бликовал на цветных стеклах ламп, а Амара сидела сгорбившись и перебирала лежащие на ладони черепки пальцами, словно слепая. На их с Ясом приход никак не отреагировала, но стоило Марите так решить, как Амара подала голос:

– Молодец, цветочек, – похвалила колдунья неожиданно серьезно, словно Марита действительно сделала что-то важное.

– Цветочек? – хмыкнул Яс, дернув бровью. – И правда

похоже: цветы хоть и красивые, но бесполезные.

Марита стоически стерпела эту колкость, не потеряв лица. «Зато хотя бы красивые», – подумала она, но вслух не сказала. Яс подозрительно сощурился – не то все-таки уловил тень эмоции, не то проверял, точно ли ее нет.

– Возвращайся к своим детским играм, баронесса, – со снисхождением приказал он.

Марита с готовностью проглотила и обидные слова и непочтительное обращение на «ты». Развернувшись, она с радостью двинулась к двери. Всякие там воспеваемые в книгах принципы были ей не по карману.

– Нет, останься, цветочек.

Девушка замерла, словно птица в захлопнутой прямо перед носом клетке.

– И зачем она здесь? – удивился Яс. – Иди, чего встала.

– Нет, стой. А ты не лезь с иглой к дракону, все равно в этом ничего не смыслишь.

Взгляд Яса потяжелел, заострился, словно клинок, и столкнулся с точно таким же ответным взглядом. Марите даже показалось, что она услышала лязг, с которым ударились друг о друга сталь. Проклятье. Девушка застыла на месте в замешательстве. Меньше всего ей хотелось становиться причиной спора. Только едва ли можно сделать что-то кроме наблюдения за этой невидимой битвой.

Время текло, но ни Яс, ни Амара не спешили сдавать позиций. Противостояние затягивалось. Казалось, растущее в

воздухе напряжение можно было не только пощупать, но и даже порезаться об острые грани. И когда оно достигло пика, Яс, наконец, уступил:

– Ладно, пусть стоит, если мешать не будет, – лениво разрешил он, будто одаривая с барского плеча.

Марита вздохнула – дар сомнительный – и откинулась на стену, понадеявшись срастись с ней и привлекать поменьше внимания.

– Итак, – Амара довольно улыбнулась и, зажав черепки в кулаке, потряхнула им в воздухе. Марите почудился далекий звон. – Пришла пора платить по счетам.

– Кто это? – спросил Яс настороженно.

Амара смолчала, принявшись пересыпать черепки из одной руки в другую. Плавные, размеренные движения заворачивали. Марита покосилась на Яса, но тот терпеливо ждал, не выказывая недовольства.

– Одна девочка, которой я очень обязана. Дочь рек и озер, – задумчиво, с ноткой нежности ответила Амара, туманно глядя куда-то в сторону. – Это бусина Сальвадоры, Яс.

Глаза разбойника удивленно расширились.

– Аквалка лорда Кортеса? – не поверил он. – Что могло случиться, чтобы она обратилась к тебе?

Марита тоже не смогла сдержать изумленного вздоха. Даже она знала: для Урноса аквады священны. Даже убийцу короля мог кто-то оправдать, но убийцу аквады – никогда. Без детей Сиро Урнос давно бы превратился в мертвую пустошь.

Так зачем тому, кто выше короля, помощь разбойников?

Губы Амары печально опустились.

– Что-то очень плохое. Но почему ты удивлен? Если граф столько лет борется с ее болезнью, это не какая-то желтуха, нет-нет, – Амара протянула руку и высыпала черепки на тумбочку. Раздался дробный стук. – Сальвадора будет ждать в «Веселой страннице». Я должна с ней встретиться. Это не просьба, ты же понимаешь?

О Марите, казалось, все забыли. И она старалась не шевелиться, чтобы и дальше оставаться невидимой. Уткнувшись взглядом в сцепленные замком пальцы, девушка внимательно слушала разговор, пытаясь вникнуть в его суть. Удавалось через раз – словно начала читать книгу с середины.

– Но ты не осилишь такое расстояние. А в логово я ее не пушу.

Амара улыбнулась хитро и почти шкодливо, поднесла палец к губам – словно девочка, задумавшая шалость.

– А кто сказал, что поеду я? Верно, цветочек?

Старушка перевела веселый взгляд на Мариту. Та нахмурилась.

– Что? – не поняла девушка.

Глаза Яса потемнели, наполняясь негодованием и будто бы... обидой? Словно они сговорились за его спиной. Марита поспешно замахала руками.

– Я про это впервые слышу! И вообще – я же ничего не умею... такого, – чем дальше, тем тише она говорила, а по-

следние слова и вовсе пробормотала под нос.

Роль сыпалась, и оставалось надеяться, что сейчас остальным не до этого.

– Ты и не будешь ничего делать, – спокойно объяснила Амара, похрустев пальцами. – Просто побудешь моими глазами и руками.

По спине пробежал холодок, угнездившись колючим комом на пояснице. Зато Яс тут же потерял к Марите интерес и вновь уставился на колдунью.

– Почему именно она? Мало, что ли, девок?

– Потому что я так сказала. Кто из нас ногоистка?

– Ты, поэтому выбери кого-то другого.

– Я уже выбрала.

То, с какой невозмутимой безмятежностью Амара противостояла Ясу, одновременно восхищало и пугало. Главарь разбойников – опасный хищник. Чтобы смотреть на него так снисходительно, надо быть еще опаснее. Либо знать, что бояться нечего.

– Отказываюсь, – наконец, холодно отрезал Яс, показательно сложив руки на груди.

– Это не тебе решать, и ты это знаешь, – парировала Амара.

Они вновь замолчали, обмениваясь взглядами. Наконец, Яс раздраженно и вместе с тем устало вздохнул и потер переносицу.

– Если ее узнают...

Амара улыбнулась.

– Значит, сделай так, чтобы не узнали.

Яс вновь вздохнул, в этот раз уже смиренно.

– Ладно. Только ради тебя. И – если она будет слушаться.

– Будет. Мы сейчас с ней это обсудим, – ответила Амара и махнула рукой, словно отгоняя любимого, но надоедливого щенка. – Оставь нас, Санти, ни к чему тебе вникать в женские секретки.

Милая кличка резанула слух, но девушка сдержалась. Яс же возмущенно вскинул подбородок.

– Вот как? – он кивнул слово бы безразлично и кинул на Мариту такой взгляд, что воздух встал в горле. – Увидимся, баронесса.

И ушел, хлопнув дверью. Мелко задрезжали бусины, стучаясь о края мисок. Марита растерянно моргнула, глядя разбойнику вслед. Она только сейчас поняла, что ее согласия на всю эту авантюру никто даже не спрашивал.

Только когда они с Амарой остались один на один, Марита осмелилась отлипнуть от стены. Впрочем, в большей степени это была заслуга подпихивающего в спину негодования. Старушка явно почувствовала его, но виду не подала.

– Садись, – сказала она, похлопав по кровати, словно подзывала собаку.

Марита нахмурилась и скрестила руки на груди, не спеша подходить. Расстояние между ними придавало ей сил и

словно бы мешало дать слабину.

– Почему ты не спросишь, хочу ли я ехать?

– Потому, что ты согласишься.

Ответ сочился такой уверенностью, что Марита сперва опешила. Но тут же взяла себя в руки, закусив внутреннюю сторону щеки. Почти манерно вздернула бровь.

– Да ну? Это почему же? – стараясь звучать безразлично, спросила она. – Собираешься воспользоваться моим долгом?

Игра далась с некоторым трудом – Марита и правда устала сидеть в логове, словно заключенная в заколдованном замке принцесса. Но и быть бесправным наблюдателем тоже устала, поэтому не собиралась соглашаться без какой-либо выгоды.

Амара в ответ лишь покачала головой.

– Нет, цветочек. Долги как вино. Чем старше, тем лучше.

– Тогда почему?

– Потому что это отличный шанс для паршивой овцы вернуться обратно в стадо, – почти промурлыкала Амара с явным удовольствием. – Да, ты правильно поняла. Помоги мне, и я устрою твой побег.

В груди все перевернулось и рассыпалось яркими искрами. Неужели удача наконец повернулась к Марите лицом? Она улыбнулась – и тут же мысленно выругалась, поспешно стирая радость с лица. Но было уже поздно. Старушка была явно довольна увиденным.

Девушка вздохнула – столь явный интерес играл не в ее пользу – но позиций сдавать не стала. Помедлила, чуть прикрыв глаза, будто действительно раздумывала, стоит ли соглашаться. И лишь потом кивнула.

– Допустим, – Марита все-таки подошла ближе, но садиться на кровать не стала, снова подтащив к ней стул. Амара наблюдала за этим с насмешливым снисхождением. – Почему именно я? Намного выгоднее взять одну из местных девок, как и говорил Яс. Вряд ли любая попросит чего кроме ткани на платье или красивой безделушки.

Пытаясь потянуть время, Марита стряхнула со стула невидимые пылинки и села, выпрямив спину. Это вышло уже само собой, легко и привычно – отметила она на краю сознания. Бланка прорастала в нее корнями, и это было неприятно. Даже будучи женой Вериса, Марита не так сильно старалась.

– Может, я выбрала самую подходящую? Ты же знаешь, что нодоистика – тонкое искусство.

Амара склонила голову набок, будто разглядывала интересного зверька. Аргумент звучал логично, но Марита состряпала на лице недоверчивую улыбку.

– Так бывает только в сказках.

– Баронесса – и не верит в сказки? – притворно удивилась Амара, и в ее глазах мелькнул холодный блеск. Марита неожиданно ясно поняла, что с ней играют – беззлобно, но будто с мышкой. – Достань мне шкатулку из тумбочки.

Мариту кольнула обида.

– Ты не ответила.

– Сначала достань.

Пришлось вставать и опускаться у дверцы на колени. Шкатулка оказалась темной – почти черной – и совсем простенькой. Ни резьбы, ни рисунков. Даже без замка. В таких обычно хранят мотки пряжи или дешевые заколки для волос, но никак не инструменты для ритуала. Марита вынула шкатулку и передала старушке. На крышке и боках остались отпечатки пальцев – там, где они стерли пыль.

– Давно я ей не пользовалась, – с какой-то странной нежностью сказала Амара и стерла пыль рукавом. – Ты права, я выбрала тебя не просто так. Ты здесь чужая. А значит, единственная, кто не побежит докладывать Ясу о сути нашего с Сал разговора.

Марита мгновенно напряглась, будто Амара приставила к ее горлу нож.

– Он все равно узнает все, что захочет. Я не могу просто отказаться говорить, – попыталась отпереться девушка.

Старушка будто не услышала. Тонкие пальцы нырнули вглубь шкатулки и вытащили небольшую тряпичную куклу. Без волос и лица, с пуговицами вместо глаз и распоротой спиной – одного взгляда хватило, чтобы вызвать мурашки. Отложив ее в сторону, Амара вновь погрузила в ящичек руку и вынула оплавленную свечку. Марита проследила за ней взглядом – это была первая увиденная свеча в логове.

– Тебе и не нужно скрывать все. Только один вопрос и один ответ, – хмыкнула старушка, запаливая фитиль.

Тот загорелся слабо, словно бы неохотно.

– Какой это? – подозрительно спросила Марита, стараясь не глядеть в сторону.

От того, что творила колдунья, было не по себе. Словно сердце не на месте. Амара вздохнула.

– «Как поживает Гейла?»

Марита почувствовала укол разочарования. Скучный, простой, непонятный вопрос. Может, это какой-то шифр?

– Кто такая Гейла?

– Моя дочь, – ответила Амара таким ничего не выражающим тоном, что смысл сказанного дошел не сразу.

А когда дошел, Марита аж подалась вперед от удивления.

– Дочь? Но я думала, Яс твой... – она не договорила, оборвав конец фразы.

Старушка расхохоталась и, отщипнув от свечи кусочек размякшего воска, принялась мять его в пальцах. Плавные, ритмичные движения притянули взгляд, словно гипнотизируя.

– Мой что? Любовник? Сын? О, нет, хотя могу понять, почему ты обманулась, – скатав из воска шарик, Амара сделал в нем выемку. Второй рукой старушка вынула из шкапки длинную тонкую иглу и принялась прокалывать ту на огне. – Дай палец.

Марита сперва выпростала кисть, а потом уже опомнилась

и опасно прижала руку к груди.

– Зачем? Вновь будем заверять договор кровью?

– Не в этот раз. Твой прошлый долг пока спит, а тут одно на другое наложится. Лучше не рисковать, – вздохнула Амара с явным сожалением.

– Но что ты тогда делаешь? Мне бы не хотелось оставлять тебе свою кровь...

Амара пощелкала языком.

– Вопросы, вопросы. Зачем спрашиваешь, если все уже решила, Бланка? Тебе придется мне довериться. Побудь куклой, и я обрежу твои нити.

Марита закусила губу, но крыть было и правда нечем. Девушка сделала глубокий вдох, как перед прыжком в ледяную прорубь, и позволила игле себя уколоть. Вспыхнула и затихла боль, а на коже набухла бусинка крови. Амара ловким движением поймала ее восковым шариком. Марита облизнула палец, наблюдая, как старушка закрывает выемку и прячет шарик кукле в голову.

Под кожей пробежались мурашки. Странное чувство, будто весь мир на мгновение сжался до точки, охватило Мари-ту. Она вдруг разом ощутила чужие касания, тепло ладони, шершавость ткани... будто сама стала кусочком воска. Но стоило моргнуть, как все прошло. Девушка растерянно потерла плечи. Амара тем временем, успела зашить разрез и теперь разминала пальцы, хрустя костяшками.

– Прекрасно, – сказала старушка, в этот раз уколов уже

собственный палец. – Сейчас я покажу тебе, как это будет. Не сопротивляйся, когда я перехвачу контроль над своим телом, иначе можешь пострадать. Готова?

Амара прошла краткими мазками крови по всем пальцам правой руки и гибко взмахнула ей в воздухе, будто принаравливалась к старому оружию. Марита тихо сглотнула. Она была не готова, ох, насколько же она была не готова! Казалось, даже ноги чувствовать перестала. Но, как часто говорил отец, страх не всегда можно убить, и тогда остается действовать ему вопреки. Так что девушка храбро улыбнулась и кивнула.

– Да.

Задорно подмигнув, Амара медленно просунула в полые конечности куклы пальцы. Марита вздрогнула. Импульс волной прокатился по конечностям: правая рука, левая, обе ноги. Что-то неприятно заворочалось в груди, и тело охватило онемение, но уже через мгновение вновь пропало.

– Я начну.

Голос Амары донесся будто издалека. Кажется, колдунья слегка пошевелила пальцами, но этого Марита уже не увидела. Потому что ее голова вдруг плавно поднялась, а рука согнулась и разогнулась в локте. Девушка моргнула. Кажется, моргнула. От осознания сердце екнуло, стиснутое когтями ужаса, но вскоре те разжались и исчезли, оставив ледяные отпечатки.

Амара не ломала Мариту. Не подавляла, не выворачивала

суставы до боли, как говорилось в страшилках – даже тело не перестало ощущаться. Просто девушка вдруг стала не актером, а зрителем. Рука двинулась вверх, очертив в воздухе дугу. Потом качнулась в другую сторону. А что, если..?

Марита сосредоточилась, усилием воли заставляя конечность замереть в воздухе. Рука остановилась, но не успела девушка обрадоваться, как тело скрутило болью, прострелившей от кисти и вверх, к локтю, оставляя от себя след из впившихся под кожу игл. Из рта вырвалось болезненное шипение, а потом тяжелый, неуловимо чужеродно прозвучавший вздох.

– Я же просила не сопротивляться. Вечно вы пытаетесь убедиться сами, набивая шишки на том же месте, что и предшественники. Расслабься.

Там, под кожей, под ребрами что-то заворчалось, словно стараясь улечься поудобнее. Марита поборола порыв убежать прочь и с усилием отпустила контроль. Позволила потоку подхватить и нести, куда захочет. Губы дрогнули, сложившись в улыбку.

– Хорошо.

Это было дико. Неправильно. Страшно до дрожи. Казалось, весь мир расслоился надвое, а грань между чужим и своим порывами стерлась. Руки взлетели над головой, ладони соединились в хлопок. Качнулись с носка на пятку и обратно стопы. А потом Марита встала, и тело послушно двинулось по комнате.

Эти плавные, тягучие движения Марите точно не принадлежали – и вместе с тем прямо сейчас они были ее и только ее. Рука вновь шевельнулась: резко махнула раз, два, сжала пальцы в кулак, расправила – и вдруг легонько ущипнула за нос.

– Прости, не смогла удержаться, – рассмеялась Амара уже своим голосом и бережно спрятала куклу обратно в шкатулку.

Оглушительно хлопнула крышка. Марита вздрогнула и поняла, что вновь управляет своим телом, как и раньше. Она тут же упала на стул, растерянно ощупывая грудь и лицо. Легкое ощущение онемения покалывало кожу.

– Ничего, сейчас пройдет. Ты неплохо держалась для тепличного цветочка, – Амара лукаво сощурилась, поглаживая бока шкатулки. Пальцы рисовали невидимые узоры. – Не забудь, что ты должна делать, а что нет. Мы ведь теперь так близки, верно?

Слова вроде бы прозвучали, как шутка, но в воздухе неуловимо повеяло угрозой. Да и смешно совсем не было.

Сал спала, и ей снилась вода. Переплетение рек и озер, тонкой голубой сетью лежащих на земле, словно вены под кожей. И ровно как вены, буйные потоки так же несли жизнь. Сал видела их всегда, каждое мгновение своего существования, и во сне, и наяву. Стоило прикрыть глаза, как под веками вспыхивали синие линии. А в последнее время они и во-

все остались единственной незыблемой частью мира, за которую Сал могла ухватиться.

Реки и озера говорили с ней, и сейчас, во сне, Сал даже отвечала. Ей было радостно, легко и просто. Как и должно быть. Но как бы ни хотелось удержать этот миг навсегда, он все-таки ускользнул. В горло будто сыпанули песка, и Сал закашлялась. Воды замолчали. Она неохотно открыла глаза.

Сверху высился темный свод, с которого свисал балдахин. В неясном свете из окна казалось, что вырезанные на дереве узоры движутся. Сал какое-то время наблюдала за ними, почти очарованная, а потом повернула голову.

Справа струящаяся синим водопадом ткань была откинута в сторону, и на стуле, положив голову на руки, а те на край кровати, дремал Фенрико. Так и не ушел, упрямец. Сал слабо улыбнулась и с нежностью прошлась по его мягким вьющимся волосам протянутой рукой, отбрасывая пряди с лица. Стали видны морщины, испещрившие лоб, какие бывают у людей, которые много хмурятся или волнуются за других. Фенрико тут же чутко зашевелился и проснулся.

– Сал? Тебе плохо? – спросил он, сонно моргая, и на мгновение из взрослого мужчины превратился в растерянного мальчика. – Позвать доктора?

Женщина покачала головой.

– Не нужно, – тихо сказала она и скользнула ладонью ниже, огладив колючую от щетины щеку. – Тебе пора побриться.

Фенрико отмахнулся.

– Ты все равно меня затмишь, так какая разница?

Сал посмеялась как с доброй шутки. Привычная фраза, сейчас она была откровенной лестью. Сал никогда не выглядела так плохо, как в последнее время. Будто свежий покойник. Пока еще – свежий. Фенрико словно прочел эту мысль на ее лице.

– Все будет хорошо, Сал. Я найду решение. Обещаю, – сказал он таким тоном, каким в театральных постановках говорили рыцари, словно собирался сразить дракона.

Впрочем, оказалось, что болезнь победить в разы сложнее, чем крылатого ящера.

– Найдешь. Конечно, найдешь, – серьезно кивнула Сал, глядя шершавую щеку.

Фенрико чуть прикрыл глаза, наслаждаясь лаской. Пожалуй, сложно сказать, какая из подвластных аквалке сил была могущественней: способность подчинить себе волны или превратить графа в ластящегося котенка. Сал ощутила легкий флер печали.

«Если бы я его не приручила, – подумала она. – Сейчас бы не было так больно».

– Рико, – позвала она, опустив руку, и безмятежно улыбнулась, когда мужчина поднял голову. – Конечно, я вылечусь. Но знай: все приходит из воды и уходит в воду. И я тоже уйду однажды. Но не исчезну, а останусь жить в каждой капле. Если я не...

– Не говори так, – прервал мужчину и, поднеся ее пальцы к губам, невесомо поцеловал.

В груди разлилось тепло.

– Ладно, не буду, – послушно согласилась Сал. – Но ты тогда хотя бы спи по ночам. В своей постели.

Фенрико шумно вздохнул и потер переносицу.

– И почему нам приходится скрываться? Ты продолжаешь служить людям, хотя это убивает тебя, но не можешь спать в одной постели с любимым человеком. Почему?

– Потому что это мой долг, – в голосе зазвенела сталь, и Сал смягчилась. – Иди в свою постель, Рико. Если слуги увидят, пойдут разговоры. Выспись перед дорогой.

Тот вздохнул, но все-таки поднялся на ноги.

– Мне эта затея все еще не нравится. Когда ты отговорила меня казнить ту колдунью, обобравшую приличных господ, я надеялся ее больше никогда не увидеть, – на его лице проступило недовольство, но долго не продержалось, сменившись обеспокоенностью. – Ты уверена, что мы действительно можем ей доверять?

Сал кивнула, хотя и сама не знала. Просто, убегая от волчьей стаи, пройдешь по любому мосту, даже если доски почти превратились в труху. Фенрико какое-то время смотрел на нее, будто что-то выискивая, но в итоге просто наклонился и поцеловал в лоб.

– Добрых снов, Сал.

– Добрых снов, Рико.

Граф резко развернулся на каблуках и пошел к двери. Сал подождала, пока он выйдет из спальни, и только тогда позволила себе закашляться, зажав зубами край одеяла. Когда она отстранилась, на ткани остались красные пятна. Она поморщилась и порывисто стиснула в ладони матушкин амулет. Края остро врезались в ладонь, но грудь тотчас же заполнило спокойствие.

Аквалка устроилась поудобнее и вновь прикрыла глаза. Под веками тут же вспыхнули синие переплетения, тонкая, изящная вязь, лежащая на темном полотне хаотичным узором. Вода звала Сал за собой с каждым днем все громче. И та не знала, как долго еще сможет этому противиться.

Глава 8. За белой вуалью

По кабинету летала муха, и назойливое жужжание преследовало Яса, мешая сосредоточиться. Пытаясь сосредоточиться, он в очередной раз подхватил стопку бумаг и постукал ею по столу, выравнивая листы.

– Я бы предпочел довести это дело до конца сам, но нам с графом Кортесом лучше не встречаться. У меня слишком приметная внешность – может узнать, – подвел итог Яс, откладывая бумаги и переплетая пальцы в замок, на который тут же опер подбородок.

– Тогда и Расиму ехать нельзя. Он будет как корова в саду, – хмыкнула Ревка, раскачиваясь на стуле.

Под тяжелым взглядом Яса она остановилась, и ножки глухо стукнули о пол. Муха, покружив у незажженной лампы, села на изогнутый бок и принялась ползать по нему, подергивая крылышками.

– Расим может надеть кофру и сойти за лекаря. В отличие от меня, на нем она смотрится естественно. Да и для большинства людей измовцы все на одно лицо.

Расим тонко улыбнулся, не собираясь оспаривать истину.

– А наши рожи...

– Ваши, как ты говоришь, рожи не примелькались так же, как моя, – отмахнулся Яс.

Лампа мухе наскучила, и та, вновь взлетев, начала выпи-

сывать в воздухе причудливые узоры.

– Как скажете, командир, – неожиданно покладисто согласилась Ревка.

Яс хмыкнул, отлично зная, что причина ее послушания – это скука. Сейчас зенийка была готова на многое, лишь бы вырваться из логова и разогнать кровь.

– Не то чтобы я оспариваю ваши решения, командир, но нам точно стоит так рисковать? Что, если граф опомнился и теперь подчищает свои уголья, не гнушаясь грязных методов? – подал голос Тэкиито, до этого напоминавший каменную статую.

Муха зависла у лишнего эмоций лица, но глава разведки даже не моргнул. Иногда Яс сомневался, что Тэкиито вообще человек, а не колдовское творение какого-то шутника.

– Это вторая причина, по которой я не еду. Вряд ли граф станет размениваться на пешек. Отберите каждый несколько доверенных людей и посвятите их в подробности плана. Отвечаете головой. Это понятно?

Яс обвел каждого из офицеров таким взглядом, будто рисовал на чужих лбах по мишени. Три нестройных кивка были ему ответом.

– Думаю, можно взять Фела, – решил Расим, задумчиво наклоняя голову набок.

– Я назначу командующим моей группой Пича, если вы не против, командир, – с этими словами Тэкиито потянулся к плечу и принялся чесать его сквозь ткань. – Он делает успехи

и давно просил задание посложнее.

Яс, постукивающий по столу пером, остановился:

– Пича?

Бровь Тэкиито едва заметно изогнулась.

– Ваш приказ по поводу отдыха ведь еще в силе? Правда,

Рииви сказала, что рана уже давно зажила.

Теперь уже Яс почувствовал на себе многозначительные взгляды – направленные искоса, украдкой, но легко читаемые. Он мысленно вздохнул и представил, что лежит в горячей ванне с бокалом вина в руке. Какая же головная боль! Яс действительно не собирался отправлять на задание Тэкиито, но теперь это выглядело откровенным фаворитизмом. Причем к человеку, порядочно провинившемуся. Нет, так не пойдет.

– Хватит с тебя. В твоем присутствии в логове нет необходимости. А так я буду уверен, что все пройдет гладко, – спокойно, почти безразлично сказал Яс и добавил в голос вкрадчивые нотки: – Я ведь буду уверен, Тэкиито?

Глава разведки опустил глаза в знак покорности.

– Конечно, командир.

Яс удовлетворенно кивнул и со скрипом откинулся на спинку стула.

– Вот и славно, – ухмыльнулся он и, в очередной раз отмахнувшись от мухи, раздраженно поморщился. – Ревка.

Зенийка без единого вопроса взвилась в воздух и с поистине звериной грацией взмахнула рукой. Когда она призем-

лилась и раскрыла кулак, на ладони покоилась черная точка со смятыми крыльями. И больше не шевелилась.

Марита в очередной раз рассеяно прикоснулась к вуали, закрывающей лицо. Та была тонкой, почти невесомой, но мир сквозь белую ткань казался подернутым молочной дымкой. В Урносе такой головной убор носили вдовы. Он назывался саяной и напоминал собой обрик, но надетый наоборот.

– Легче всего выдать тебя за женщину, идущую по Пути Почитания, – объяснил ей Расим перед выездом.

Когда-то давно Марита слышала о вдовах, желающих оказать ушедшему мужу особую честь, но не думала, что однажды примерит эту роль на себя. Идущие Путем Почитания посещали вместе с прахом любимого святые места и делали это налегке, отказываясь от большинства благ независимо от происхождения.

Марита вздохнула, и ткань перед лицом заколыхалась. Ее конь, словно почувствовав, что наездница отвлеклась, замедлился и потянулся пощипать травку. Пришлось дернуть за поводья. Жеребец недовольно всхрапнул и помотал головой, но остальных все-таки нагнал.

– Лысый, не ленись, – шутливо пригрозил коню Расим и погладил того по морде.

Рука измовца прошла прямо по белому пятну на лбу, в честь которого жеребец и получил свое имя. Едущая чуть

впереди Ревка насмешливо фыркнула:

– Чтоб скотина слушалась, надо иметь крепкую руку, а не холеные пальчики.

Расим лукаво улыбнулся:

– И правда, тебе ли не знать.

Зенийка отчего-то сразу стушевалась и замолчала, по-звериному сморщив нос.

– Это смотря какая скотина, – влез проезжавший мимо Пич и томно добавил: – На некоторых холеные пальчики работают лучше...

Ревка презрительно фыркнула.

– На себя намекаешь?

– А то!

Пич довольно улыбнулся и перегнал их, примостившись в начале отряда. Сопровождение Мариты было небольшим. Помимо привычных уже Расима и Ревки, в нем присутствовали два детины, Фел, а также Тэкито с Пичем и еще одним молчаливым урнийцем себе под стать. Глава разведки держался обособленно, лишь время от времени раздавая своим людям указания, поэтому иногда девушка о нем и вовсе забывала.

Сопровождение было единственным благом, которое молодая леди, идущая Путем, могла себе позволить. Но Мариту эта маленькая армия только напрягала: разбойники чувствовались скорее конвоирами, чем защитниками.

Она вздохнула и поудобнее устроилась в седле, пытаясь

вспомнить отцовские уроки. В детстве Марита обожала кататься на конях труппы во время привалов. В такие моменты солнце казалось ослепительным, а ветер – сладким на вкус. Даже после того, как укушенная оводом кобыла в приступе бешенства едва не скинула девушку на землю, она не изменила себе.

Но, став примерной женой и хозяйкой дома, Марита оставила «детское» увлечение. Теперь же приходилось спешно воскрешать старые навыки. Воздух, пропитанный конским потом и дорожной пылью, сладким не стал, но девушка почувствовала себя увереннее. Чуть прикрыв глаза, она погрузилась в запутанные в клубок мысли.

На встречу с Сал Яс не поехал. Но еще в логове, когда Ревка с Расимом только седлали лошадей, он подозвал Мариту на разговор. Пришлось зайти в тень Черепа, в которой и стоял главарь разбойников, сторбившись мрачной горгульей.

– Я не в восторге от решения Амары, – начал он прямо, сразу перейдя к делу. – Но молоко обратно в корову не засунешь. Поэтому я прослежу за тем, чтобы оно не скисло.

И замолчал, откинувшись на стену и сложив руки на груди – то ли довольный сравнением, то ли ожидающий, пока Марита проникнется сказанным. Она покорно молчала, сцепив пальцы в замок, и косо поглядывала в сторону.

Расим успел закончить и скармливал своему коню недоспелое яблоко. Марите хотелось быть там, с жизнерадостным измовцем, но выбирать не приходилось. Главарь разбойни-

ков тем временем продолжил:

– Расим тебя наверняка уже просветил, поэтому повторяться не буду. Запомни главное: на эти несколько дней мои люди – твои матушка, батюшка, сам бог и Зилай в одном лице, – на губах Яса появилась ироничная улыбка, не вяжущаяся с холодным прищуром. – Однако меня больше волнует другое. Трактиры – место интересное. Кого только не встретишь – пьяниц, мошенников, послушников, стражников...

Взгляд Яса стал острее, а улыбка словно застыла, как замороженная. Марите показалось, что и глаза его превратились в две льдинки. Она тоже улыбнулась, сдержанно и горделиво, будто проявила вежливость, реагируя на не очень смешную шутку. Главное, чтобы Яс не заметил, как дрогнули под подолом ноги, сами собой попытавшись отступить.

Закреплявшая неподалеку седло Ревка упустила ремешок, и оно с грохотом упало на землю. Зенийка принялась ругаться, как матрос.

– Действительно, можно кого угодно встретить. Даже разбойников, – с деланным испугом сказала Марита, приложив пальцы к губам.

Яс сощурился сильнее, качнувшись вперед и сократив расстояние между ними, и какое-то время они играли в гляделки. Марита сдалась первой, опустив голову. По спине пробежали мурашки.

– Не создавай проблем, Бланка. Будешь дергаться – только веревка сильнее затянется. Не хотелось бы ранить твои

нежные ручки. Поняла? – в голос Яса просочилось ехидство. Дождавшись кивка, он приказал. – Повтори.

– Не создавать проблем, – послушно сказала Марита, все еще глядя вниз, на туфли.

Она стояла, будто каменная фигурка: носок к носку, пятка к пятке. Яс какое-то время всматривался в ее лицо, словно выискивая признаки неповиновения, но в итоге кивнул и задумчиво поскреб родимое пятно ногтем.

– Прекрасно. Выполни причуду Амары, и как только за тебя выплатят выкуп, мы расстанемся, довольные друг другом.

Он хмыкнул и махнул рукой, будто милостиво отпускал слугу, а не благородную леди. Однако Марита охотно развернулась и двинулась в сторону лошадей с высоко поднятой головой. Довольные друг другом... О, если она хотя бы выберется из этой передряги живой, это уже можно будет считать огромной удачей.

Ветер пронесся мимо, заставив вуаль яростно заколыхаться, и Марита сразу же вынырнула из своих мыслей. Начало смеркаться. Красноватый краешек солнца торчал из-за горизонта, будто играющий в прятки ребенок. Последние лучи подсвечивали колючки растущих россыпью мальвадок, и те казались прозрачными. Слева тянулось высохшее русло реки, испещренное узором трещин. В воздухе словно стояла сухая взвесь, оседающая на лице и руках. Марита невольно засмотрелась, замороженная.

– Да, Венка удивительна, – сказал Расим, заметив ее взгляд. – Я здесь не первый год, но все еще люблюсь. То, что она проходит через весь Урнос, и то, что ни одному аквалу не удалось вернуть в русло воду, интригует. И все эти легенды про кровь Рахэ... Впрочем, вы ведь их лучше меня знаете, леди. Правда, мне казалось, что урнийцы к таким видам привычны.

Марита мысленно отругала себя и грациозно пожала плечами.

– Обычно я путешествую в карете, совсем по-другому ощущается, – небрежно пояснила она. – Знаете, в детстве мне казались странными слова про кровь. Река ведь сухая.

Расим мягко улыбнулся и с заговорщицким видом приложил палец к губам, будто бы они разделяли одну тайну на двоих.

– Меня тоже. Пока не услышал, что так только для нас, обычных людей. Интересно, как реку видят телары? Наверное, великолепное зрелище.

Голосу Расима, бархатному и чарующему, было достаточно мгновения, чтобы увлечь. Легко заслушаться. Марита кивнула, запоминая услышанное. Ее собственные знания были скудными: труппа выступала в Урносе редко и глубоко не заезжала, а с упомянутыми мастерами смерти девушка и вовсе дела не имела.

– Да просто урнийцы все помешанные, – насмешливо фыркнула Ревка. – Кто в здравом уме будет поклоняться

смерти?

– Лучше ее бояться и ненавидеть? – парировал Расим так быстро, что стало понятно – разговор повторяется не в первый раз.

– Мы, зенийцы, ее не боимся. Мы с ней сражаемся, как и положено воинам, – с непривычной для нее гордостью ответила Ревка и вздернула подбородок.

Расим покачал головой:

– И все равно однажды проигрываете. Смерть – часть жизни. Зачем бороться с ней? Это как сражаться с луной или солнцем.

Зенийка отмахнулась, раздраженно рыкнув. Ее желтые глаза в лучах заходящего солнца показались такими же горячими, как огонь.

– Отвар от спины не забудь выпить, дедуля. Я по крайней мере чту родные традиции, – сказала она с нескрываемым превосходством и, ударив коня пятками в бока, усккала вперед. Расим поглядел вслед снисходительно, словно имел дело с ребенком.

– Я просто видел, к чему они приводят, – тихо произнес он. – Неуважение к смерти опасно. Вы согласны, леди?

Марита вздрогнула, не сразу осознав, что обращаются к ней, но вовремя сообразила и вежливо, тонко улыбнулась:

– Вы про Умертвителя?

Расим кивнул.

– Верно. Первое время местные верования казались мне

жуткими, но его история все объясняет, – он вдруг замолк на середине и виновато добавил: – Простите, я, наверное, вас уже утомил. Давайте лучше расскажу что-то, о чем леди не знает. Слышали о саде эмира?

Марита изобразила умеренное любопытство, и Расим пустился в истории о жаркой Измовии, ее разноцветных чудных птицах, золотых пустынях, убивающих больше людей, чем хищные твари, и дворцовых интригах.

Девушка незаметно выдохнула, чувствуя, как взмок под волосами лоб. Могла и попасться, расспрашивай Расим подробнее. О короле, ненавидимом своим народом настолько, что его лишили даже имени, Марита знала немного. Если верить байкам, именно Умертвитель обрек Урнос на засуху, когда заигрался в поисках бессмертия. Отец рассказывал, что творение безумного короля все еще работает, но мало кому из ныне живущих далось его увидеть.

Вскоре темнота загустела, и лошади, свернув с тракта, двинулись в небольшой подлесок. Река к этому времени уже успела убежать за холм, и отсюда виднелся только ее изогнутый хвост. Всадники минули поле, заросшее редким колючим кустарником, и ступили в тень деревьев.

Расим спешил одним из первых и галантно подал Марите руку. Та приняла помощь благодарно, с удовольствием стянув саяну, и принялась разминать затекшие плечи. Казалось, на ней самой как следует проехались. Ревка не преминула кинуть на Мариту взгляд, полный пренебрежения, ко-

торый пришлось молча проглотить.

Разбойники развели бурную деятельность: кто-то пошел привязывать лошадей, кто-то принялся возиться с припасами. Тэкито как-то незаметно пропал и так же бесшумно появился спустя некоторое время с другой стороны стоянки. Не иначе безмолвная тень.

Пич выбрал место посреди поляны и принялся копать маленькую ямку. Их-под его рубахи выскользнул малайский амулет с тигриным зубом и теперь качался на веревочке при каждом движении. Ревка ушла за сухостоем, и, вернувшись с охапкой под мышкой, села прямо на землю, по-измовски сложив ноги в позу лотоса, и принялась очищать ветки от коры перочинным ножиком. Ее волосы гладкими волнами рассыпались на плечах, заслонив часть лица.

Марита неловко топталась на месте. Она не привыкла лодырствовать, когда разбивают стоянку, но предлагать свою помощь было не по чину. Вот и оставалось только опуститься на ближайшую корягу и наблюдать на Пичем.

Тот уже успел распределить на дне ямки растопку и зачем-то несколько черных пористых камней, а теперь высекал искру огнивом. Пламя вспыхнуло со второго раза и охотно поползло вверх по ветке. В воздухе наметилась бледная ниточка дыма. Но Пич не стал ждать, пока она окрепнет, и споро сложил над ямкой треугольный купол. Дым растаял, так и не успев натанцеваться вдоволь.

– Перевернуый огонь! – воскликнула Марита, узнав один

из любимых отцовских приемов.

Пич удивленно поднял бровь:

– Леди знает такие вещи? Вы таите в себе так же много секретов, как шкатулка на сложном замке – так и хочется подобрать ключик, – игриво улыбнулся он.

Марита почувствовала на себе мимолетный, но очень внимательный взгляд Тэкито, и прикусила язык. Не заметила, как расслабилась, оказавшись в привычной обстановке.

– Прочитала в одном романе, – смущенно пояснила она, потупившись.

Ревка уничижительно фыркнула. Ее пальцы, орудующие ножом, мелькали так быстро, что казалось – ветви очищаются от коры сами собой.

– Кто бы сомневался.

Пич закончил с куполом и, окинув взглядом свою работу, удовлетворенно хлопнул в ладоши.

– В романе? – почти пропел он, поднимаясь. – Может, расскажете мне после ужина об этом романе, леди? Или покажете?

Пич бесстыже улыбнулся. Марита почувствовала, как у нее против воли заалели кончики ушей, и раздраженно нахмурилась.

– Оставь девушку в покое, вертихвост. Не по твои зубы пирог, – беззлобно осек парня вернувшийся Расим.

Пич звонко рассмеялся.

– Не съем, так понадкусываю, – он подмигнул Марите и

отвернулся, мгновенно переменив цель. – Ревка, душа моя, эти твои ловкие пальчики...

– Отвали, Пич, – тут же отреагировала зенийка, даже не поднимая головы.

Видимо, к такому поведению давно привыкли. Парень скорбно поджал губы, но долго дуться не смог и заразительно рассмеялся. Остальные присоединились, даже Марита не удержалась и улыбнулась.

Вскоре к костру подошел Фел с полным казанком. Но вместо того, чтобы разместить его над костром, Пич разобрал часть купола и принялся вынимать черные камни каким-то странным приспособлением, похожим на две привязанные друг к другу за основания ложки. Очищенные от пепла, камни отправились в казан. Вода мгновенно забурлила, покрываясь пузырями.

– Такого в романе не было? – с озорным видом спросил Пич, поймав взгляд, полный непонимания. Марита покачала головой. – Это готовник. Дар вулкана. У каждого путешественника, ночующего под открытым небом, такой есть.

– А оно... точно сварится?

– Горячее сырым не бывает, – пошутил Пич, но уверенности это не добавило.

Первую ложку Марита пробовала с опаской. Однако суп оказался не просто готовым, но и удивительно вкусным. Пряный, он оставлял чуть дымный привкус, напоминающий копченую рыбу. Девушка быстро прикончила свою порцию и

замерла, наслаждаясь треском костра и звездным полотном над головой. Рядом шутили, обменивались колкостями, смеялись и спорили. Неожиданно для себя Марита осознала, что в груди сдавило от острого, болезненного чувства утраты.

Когда-то она отказалась от этой жизни, думая, что делает разумный и взрослый выбор. Но капканы на протоптанной тропинке оказались подлее и крепче, чем в тернистой чаще. Эта мысль возвращалась снова и снова, с каждым разом становясь все горше, и девушка поспешила забыться тревожным сном.

Когда Марита прошла внутрь, Лиска резала морковь, мерно стуча ножом по доске. Воздух на кухне был влажным и горячим, отчего сразу взмок лоб и вспотели ладони. Марита утерлась рукавом и принялась выкладывать продукты из корзины. Пучок петрушки, кочан капусты, немного картофеля и...

– Что это за корень, госпожа? – спросили над ухом.

Марита вздрогнула и выронила красноватый кусочек. Лиска успела подступить со спины и теперь с любопытством заглядывала ей через плечо.

– А, барбаран, – рассеянно отозвалась Марита, вновь запустив руку в корзину и вынув завернутый в обрез ткани сыр. – Купила на ярмарке.

Лиска разочарованно вернулась обратно, словно ожидала, что хозяйка принесла рог единорога или драконье яйцо. В

некоторых вещах она все еще была таким ребенком.

– Ярмарка... – мечтательно протянула Лиска. – Говорят, там сегодня выступают артисты. Акробаты, укротители зверей и даже факиры. Это, наверное, так красиво! Да, госпожа? Ой.

Лиска стушевалась и виновато потупилась, притихнув. Вспомнила, что хозяйка эту тему не жалует.

– Да, красиво, – отстраненно сказала Марита и потеряла виски. Как-то внезапно заломило. – Я пойду отдохну. Доверяю остальное тебе.

Поставив корзину, она двинулась к выходу.

– Я так рада, что вы мне доверяете, госпожа, – тут же залепетала Лиска. – Зря.

Марита заледенела.

– Что?

Она резко крутанулась на каблуках. Лиска стояла и не двигалась. Одна ее рука безжизненно повисла, а вторая стискивала нож. Марита ощутила, как что-то темное и скользкое заворочалось у нее глубоко в груди.

– Лиска?

Служанка не ответила, но ее голова начала медленно, дергано поворачиваться – как у сломанной куклы. Вот показалась щека, вот нос, вот... Голова не остановилась. Раздалось влажное хлюпанье и хруст ломающихся позвонков. Человек так... не... может... Мир закружился. Голова Лиски, сделав оборот, замерла, и теперь Марита видела, что глаза у нее со-

вершенно черные.

– Я все знаю. И они узнают, – просипело чудовище.

Его лапа, тоже черная и скрюченная, потянулась вперед. Когти антрацитово заблестели на свету. Марита дернулась, готовая бежать, взмахнула руками – и проснулась.

Воздух посерел, звезды на небе поблекли, будто выцвели. Было зябко – от вырывающегося изо рта сбивчивого дыхания в воздухе вис едва различимый пар. Марита прижала к груди ладони, пытаясь успокоиться.

– Все в порядке, леди? – послышалось сбоку.

– Да что ей будет? Кидай давай, твоя очередь.

Марита опасливо, все еще не до конца стряхнув липкую паутину кошмара, огляделась. На поляне высились холмики спящих разбойников, и в воздухе то и дело раздавались храп и шорохи ворочающихся людей. Но двое не спешили к ним присоединиться.

Чуть поодаль, склонившись над плоским валуном, сидели Расим и Ревка. Марита успела заметить вырезанные из дерева кости, которые тут же исчезли в смуглом кулаке.

– Мне послышался шум, – уклончиво сказала Марита, подтягивая ноги к груди. – Почему вы не спите?

– Ревка на посту. А я уже выспался, – ответил измовец простодушным, почти извиняющимся тоном, словно его застали за чем-то неприличным.

Он то и дело подтягивал падающий воротник обратно на нос, поэтому эмоции скорее угадывались в глухом голосе.

Расим потряс в воздухе рукой и разжал пальцы. Кубики стукнули о камень.

– Мертвец, – довольно заметила Ревка.

– Беда... – пробурчал измовец себе под нос и, отодвинув одну кость в сторону, вновь сграбастал остальные. – Ложитесь досыпать, леди.

Марита задумчиво поглядела на горизонт. Тот еще не заалел, но золотистая полоска уже наметилась. Нет смысла вновь засыпать, все равно вставать скоро. Да и вдруг опять тот же сон приснится?

– Уже выпалась, – отозвалась она, украв чужую фразу, и поднялась на ноги.

– Понимаю, – кивнул Расим, пропустив колкость мимо ушей. – Тогда, может... ай, ну вот, опять не повезло... тогда сыграете с нами?

Марита, следящая за тем, как измовец отодвигает в сторону уже второй кубик, растерянно моргнула.

– Я?

Она поискала в глазах Расима насмешку, но ее не было. Зато у Ревки хватило на двоих. Обидно рассмеявшись, женщина хлопнула себя по коленке – словно в знак высшей степени веселья.

– Ты что, у нее тогда голубая кровь в жилах протухнет, – оскалилась она, отчего жуткие шрамы стали еще более пугающими.

В любое другое время Марита бы поспешно отступила, но

сейчас, когда кошмар все еще господствовал над нею, готовый в любой момент наброситься вновь, ухватилась за возможность отвлечься обеими руками.

– Или кто-то просто не переживет, если проиграет баронессе, – как бы вскользь сказала она, глядя в сторону.

Пущенная стрела мгновенно достигла цели – Ревка хрипло рыкнула, словно потревоженное животное.

– Тебе, что ли? Не смеши, – женщина горделиво приосанилась. – Иди сюда, если не боишься, что мама заругает.

Марита уже привычно состряпала на лице вежливую, но высокомерную улыбку и принялась пробираться вперед, переступая через чужие конечности. У камня она остановилась и осторожно села, придерживая юбки.

– Тогда начинаем заново, – решил Расим, явно довольный, и вынул откуда-то из недр складок своей одежды еще пять костей. – Правила знаете?

– Нет, – соврала Марита, покачав головой.

Конечно же, она знала. Игра в Мертвеца была одной из самых излюбленных среди путников всех мастей, от солдат до торговцев. И довольно простой. Каждый из игроков кидал кости и запоминал очки. Однако, если хотя бы на одном из кубиков выпадали два или пять, то счет оставался прежним, а кость объявлялась «мертвецом» и выбывала. И так, пока «живых» не останется. Только тогда ход переходил к другому игроку.

– Так что побеждает тот, у кого больше счет, – закончил

терпеливо объяснять Расим. – Вы поняли, леди?

Ревка показательно зевнула, продемонстрировав заостренные клыки.

– Да, наверное, – ответила Марита как можно более растерянно.

Не нужно было смотреть, чтобы ощущать злорадство, которым так и лучилась зенийка. Расим ободряюще улыбнулся.

– Ничего, мы не на деньги играем, втянетесь.

– Потому что у нее их нет.

Пропустив последние слова мимо ушей, Марита неуверенно потянулась к костям, глядя на них, как на неизвестную и опасную диковинку. Это было сложно, потому что на губы так и просилась улыбка. Марита не просто знала, как играть в Мертвеца – она умела жульничать.

Первое время Ревка с Расимом переговаривались, но вскоре в воздухе стал слышен только стук падающих костей и сосредоточенное сопение. Марита осторожничала, да и значительно уступала в сноровке своим учителям, но все равно выиграла в трех играх из пяти.

– Не может такого быть! – наконец не выдержала Ревка, в очередной раз оставшись позади.

Марита сдержанно улыбнулась, ничем не выдавая переполняющее грудь ликование, и в последний раз нежно коснулась костей.

– Новичкам везет. Впрочем, мы ведь играли не на деньги.

Ревка хищно прищурилась, заставив мгновенно пожалеть

о попытке ее поддразнить. В глазах зенийки таилось нечто старое как мир и настолько кровожадное, что Марита поежилась. Она уже собиралась было попытаться сменить тему, когда Расим вдруг поднял в воздух ладонь и прошептал:

–Тихо! Слышите?

Сперва Марита решила, что измовец тоже пытается замять назревающий конфликт, но потом слух уловил отдаленный хруст ломающихся ветвей, который с каждым мгновением становился все громче и громче. Словно что-то большое и злое несло на стоянку напролом, яростно сминая ветви.

– Что за? – не поняла подскочившая Ревка, но быстро сориентировалась и рявкнула: – Просыпайтесь! Опасность!

Ее крик волной разнесся по подлеску, и везде, где он пролетал, шуршали, вскакивали и гомонили, поспешно продирая глаза. Ноздри зенийки жадно затрепетали. Метнувшись к своим вещам, она выхватила из ножен меч, и полоска стали огненно сверкнула в лучах восходящего солнца.

– Леди, назад!

Расим подхватил Мариту под локоть и дернул в сторону. Ноги внезапно перестали слушаться, поволоклись бесполезным грузом, но девушка сумела ухватиться за чужую руку и не упасть окончательно. Она как раз пыталась отползти подалее, когда кусты, в очередной раз дрогнув, с треском разлетелись в стороны, пропуская вперед пышущее яростью существо.

Наверное, когда-то оно было человеком. И все еще напо-

минало его, но так отдаленно, словно слепой лепил эту искаженную фигуру по скудному описанию. Сгорбленная спина, безжизненно висящие руки, ссохшееся лицо, покрытое трупными пятнами. В разодранной щеке, там, где кожа свисала клочьями, роилось и извивалось что-то тошнотворно белое.

Глаза были такого же цвета. Они застыли в одном положении и не двигались, только желтоватые прожилки, кружевом покрывающие белизну, мерно и часто пульсировали на свету. Торчащая из груди рукоять кинжала, казалось, качалась в такт.

Рот Мариты распахнулся сам собой, словно она собиралась закричать, но сделать этого девушка не успела. Тварь неестественно повернула голову в сторону Ревки и прыгнула.

В груди все сдавило от стремительно поглощающего ужаса. Ноги окончательно перестали слушаться, и Марита рухнула на землю, но продолжила смотреть, не в силах отвести от мертвеца взгляда. Ревка скакнула вслепую, кое-как уйдя из-под удара, замахнулась, и меч рассек твари плечо, как нож – масло. Но та даже не дернулась, и крови на месте раны не выступило. Существо прыгнуло снова, но этого разглядеть уже не удалось – что-то схватило Мариту и потащило в сторону.

– Леди, да встаньте же, леди! – натужно просипел над ухом Расим.

Но тело не желало слушаться. Девушка со всех сил на-

прягла мышцы, суматошно дергая ногами. Она взяла в собственном страхе, как муха в паутине.

Клинок рассек воздух еще дважды, заставляя тварь пятиться, но стоило Ревке лишь на мгновение промедлить, как та пошла в наступление. Зенийка дралась молча, и, кажется, даже не дышала. Ловко увернулась от двух замахов, качнув корпусом, но пропустила третий и скрючилась, с шипением зажимая живот. Тварь занесла руку над открывшейся шеей.

В груди Мариты екнуло, но тут к Ревке наконец подоспели остальные. Мечи замелькали в воздухе, словно стальная буря, и чудовищу пришлось отступить.

– Ва... кха...лим! – порывисто командовала зенийка, хрипя и кашляя. Она вновь выпрямилась и перетекла в боевую стойку. – Расим, огонь!

Рука на плече Мариты разжалась, и девушка упала на спину, потеряв опору. Небо задралось, повиснув серо-золотым куполом, в глазах зарябило. Где-то рядом вновь затрещали кусты. Второй? Мариту охватила паника, и она принялась отползать, путаясь в юбках. Но далеко не продвинулась – почти сразу спина уперлась во что-то твердое.

Кое-как оттолкнувшись от земли, Марита сделала очередной рывок и села на корточки. Пока она барахталась, картина боя успела смениться.

Разбойники теснили тварь, окружая со всех сторон, и теперь та больше отбивалась, лишь иногда делая короткие выпады. Синюшное тело успело покрыться многочисленными

порезами, а на одной из рук не доставало кисти. Из неровного среза сочилось что-то вязкое и белое.

Справа, у остывшего кострища, возился Расим, чиркая огнивом, но искра все не желала высекаться. Марита вжалась в дерево лопатками и вновь попыталась встать.

– Обходим! Фел, страхуй. Навалились!

Рваные команды Ревки разносились над поляной. Ей вторил непонятно когда появившийся Тэкито:

– Пич, Васко, подсекай.

В руке урнийца блестел кинжал, но глаз едва различал ловкие уколы-выпады. Очередной ужалил тварь в бок, и та, все еще не произнеся ни звука, припала к земле, исторгая вязкую жижу из пасти. Тэкито помедлил, и этого хватило.

Вдруг резко развернувшись, существо кинулась в сторону Мариты, быстро загребая ногами. Девушка зажмурилась и, скованная собственной беспомощностью, завизжала. Ужас, до того ворошившийся в груди, вырвался наружу, ничем не сдерживаемый.

Когда искривленная лапа мелькнула перед самым лицом, Марита в последней раз трепыхнулась и зажмурилась в ожидании удара. Но его не последовало. Девушка медленно раскрыла глаза.

Мертвец извивался, пригвожденный к земле мечом.

– Руки, голову, ноги! – закричала Ревка, сильнее наваливаясь на рукоять. – Расим, сукин сын... быстрее... Держим, держим!

Мертвец конвульсивно задержался, как бабочка, пронзенная булавкой. Раздались чавкающие звуки, и в воздухе потянуло сладковатой гнилью и почему-то перцем. А еще в носу защипало, как от мороза. Отрубленные конечности твари продолжали двигаться: сжимались пальцы, выворачивались колени.

Видя, что Расим не справляется, Тэкиито поспешил к нему на помощь. Ревка крепче обхватила меч и прокрутила в груди твари, напряженно шипя сквозь зубы.

– Расим! – крикнула она гневно.

– Сейчас.

Измовец еще раз чикнул огнем, пока Тэкиито загораживал его от ветра, и импровизированный факел наконец-то вспыхнул, занявшись языками пламени. Ревка выждала, пока измовец подойдет, и резко выдернула меч.

Хлюпнуло. Тварь дернулась, клацнув в воздухе зубами в бессмысленной попытке задеть хоть кого-нибудь, и в это мгновение Расим погрузил факел прямо в зияющую рану. Вместо того, чтобы потухнуть, огонь вспыхнул сильнее, словно попав на сухую ветку, и с треском раздался в стороны.

В воздух взвился дым, но не серый и даже не черный, а ослепительно белый. От одного взгляда на него к горлу подступила тошнота, и Марита отвернулась, а когда посмотрела вновь, от мертвеца осталась только кучка пепла и почерневший кинжал.

Силы мгновенно покинули девушку, и она медленно осела

обратно на землю.

– Проклятая тварь! Руки бы поотрывать идиотам, которые труп бросили! – выругалась Ревка, утирая лоб тыльной стороной ладони, и принялась придирчиво оглядывать меч: не скололся ли, не поцарапался.

– А может, он сам, от неразделенной любви! Ушел в чащу, терзаемый чувствами, и при свете луны истек кровью с мыслями о ней... – высокопарно, словно зачитывая поэму, начал Пич и тут же захихикал, сводя свои слова на нет.

– Тогда я понимаю, почему она его бросила, – буркнула зенийка, все так же не отрывая от стали глаз.

Тэкито плавно поднялся на ноги, взял черный от огня кинжал и отряхнул от пепла, рассматривая с холодным расчетом оценщика. На невыразительном лице не мелькнуло ни тени чувств. Как будто никакого нападения и вовсе не было.

– Васко, Пич, проверьте, нет ли поблизости еще гостей, – наконец, приказал глава разведки.

Разбойники с готовностью кинулись в стороны и растворились в ближайших зарослях. Марита растерянно заморгала – задрожали ресницы. К ней едва ли вернулся контроль над собственным телом, а остальные всюду шутили над прахом чудовища как ни в чем не бывало. Нет, Марита и раньше видела мертвецов. Но в мире, к которому она привыкла, трупы не шевелились.

Расим, быстро отряхнув руки, нашел Мариту взглядом и приблизился, участливо улыбаясь.

– Леди, не сидите на земле, простудитесь, – почти с родительской мягкостью сказал он. – Вы впервые видите сальвахов?

Марита оперлась о протянутую руку и встала, пытаясь прийти в себя.

– Что?

Она растерянно перевела взгляд на измовца. Перед глазами все еще расплывалось, а пальцы мелко подрагивали. Расим обеспокоенно окинул девушку взглядом.

– Диких умертвий, которые поднимаются сами, если не сжечь, – осторожно пояснил он и ненавязчиво направил Мариту к одному из бревен. – Я думал, об этом все знают, даже аристократы.

– Я... простите, я так испугалась, все мысли спутались...
– пролепетала Марита.

Играть не пришлось. Во рту так пересохло, что язык и без того еле ворочался, заставляя слова звучать неразборчиво. Расим понимающе кивнул и погладил ее по плечу.

– Ничего, леди. С нами вы в безопасности, – успокаивающе сказал он, усаживая Мариту на бревно.

Где-то рядом пренебрежительно фыркнула Ревка. Разбойники уже вовсю занимались своими делами, будто ничего страшного не произошло. Марита вновь поглядела на пепел, ничем не выдающий своего происхождения.

Да, в Урносе смерть действительно была лишь началом.

«Веселая странница» оказалась большим придорожным трактиром. Камни в его основании были выкрашены в разные цвета, а по краю многоугольных окон бежала вычурная резьба. Над дверью на квадратной дощечке висел рисунок девушки с внушительным бюстом и кружкой пива в руках.

Пока Расим договаривался с конюшим мальчиком, Тэки-то раздавал своим людям негромкие указания, то и дело просвечивая все вокруг взглядом. Если раньше урниец словно бы терялся на фоне остальных, то теперь его стало слишком много. Как выбравшийся из логова паук, он ловко раскидывал свою сеть, не давая и шанса от нее увернуться.

Привычным жестом бросив мальчику монетку, Расим кивнул остальным, и они прошли внутрь.

Главный зал трактира был очень просторным, с высоким потолком, перекрещенным резными балками, но сейчас он пустовал. Три путника, рассеявшихся по углам, казались одинокими корабликами, потерявшимися в океане. На стенах яркими пятнами виднелись тканые полотна с геометрическими узорами.

Хозяин, крепкий урниец с выцветшими татуировками на руках, дремал, сидя на стуле за стойкой. Когда хлопнула дверь, он встрепенулся и сонно заморгал.

– Здравствуй, хозяин, – подступил к нему Расим. Лицо измовца скрывала кофра, но мягкая улыбка чувствовалась в голосе. – Леди желает комнату с видом на реку.

– А? – недоуменно переспросил урниец, но почти сразу

его лицо озарило понимание. – Прошу за мной. – Трактирщик встал и направился к невзрачной двери за стойкой. Марита двинулась следом, сопровождаемая своим молчаливым конвоем. Хозяин обернулся, и его голос приобрел оттенок озабоченности. – Девушка пойдет одна.

Повисло напряженное молчание.

– Леди не пристало оставаться без верных стражей, это роняет ее честь и достоинство, – вежливо, но твердо сказал Расим.

Хозяин заколебался.

– Но господин велел...

– Господин поймет. Мы подождем за дверью, – будто невзначай перебил его измовец таким спокойным, но уверенным голосом, что едва ли решишься перечить.

Глаза Тэкиито едва заметно сощурились, то ли отражая испытываемое мужчиной неодобрение, то ли развернувшийся из-за смены плана мыслительный процесс. Однако оспаривать решение он не стал: махнул остальным, и разбойники принялись рассаживаться, рассредоточиваясь по залу. Трактирщик нервно пожевал губами.

– Прошу, господа, – в итоге сказал он – решил не влезать между молотом и наковальней – и приоткрыл дверь.

Ревка протиснулась первой, Расим же помедлил, пока брал Мариту под руку. Когда они уже переступали порог, девушка, сама не зная почему, обернулась.

Тэкиито, выбравший себе стол неподалеку от одного из

путников, откинулся на широкую спинку. Его рука, обтянутая черной перчаткой, чуть сдвинулась назад, мимо стола незнакомца, шевельнула пальцами и... дверь захлопнулась, перегородив обзор.

Марита задумчиво качнула головой, невольно мазнув по вуали губами, и тут же забыла об увиденном, потому что за дверью оказалась не комната, а коридор, погруженный в полумрак. Темно-синий ковер глушил все звуки, и казалось, что их маленькая процессия плывет по воздуху, не касаясь пола. У одной из дверей хозяин остановился и деликатно постучал по дереву костяшками пальцев.

– Войдите.

Голос оказался низким и твердым, какой бывает только у не привыкших колебаться людей. Расим легонько удержал Мариту за плечо и, наклонившись, шепнул ей на ухо:

– Не забудьте, леди. В случае опасности ломайте белую бусину, а если все в порядке, красную. Не переживайте, мы будем рядом.

Пальцы, чуть стиснув плечо, разжались. Марита, слышавшая это за время пути уже в третий раз, терпеливо кивнула и вошла внутрь.

За дверью был свет. Очень, очень много света. Тут были и светильники из рогов на стенах, и массивная люстра на потолке, и даже лампы на столе и над кроватью. В первое мгновение это ослепило, и Марита растерянно замерла, смагивая плавающие перед глазами черные круги.

– Амаранта? – послышался удивленный голос.

Мир прояснился, и девушка смогла разглядеть темно-коричневый платяной шкаф, резные панели на стенах, кровать, накрытую голубым покрывалом с пышной бахромой и сидящую на ней женщину.

Незнакомка встала, чтобы поздороваться, и они осмотрели друг друга с почти одинаковым интересом. Ссутуленная, но с высоко поднятой головой, аквалка держалась как человек, привыкший жить с тяжелой ношей. Об этом говорили и морщинки вокруг губ, и седые пряди, мелькающие в уложенных «улиткой» волосах. Но все меркло на фоне глаз.

Раскосые, темно-серые, как речные камни, они не имели зрачков и, казалось, не могли принадлежать обычной женщине. Марите почудилось, что она смотрит в глубокую воду и не видит дна. В ушах раздался рокот горного ручья, почти хрустальное журчание реки, плеск волн, стук дождя по крыше. Остро запахло тиной и влажной землей.

Под кожей пробежали мурашки, и дыхание застряло в горле. Марита сжала руку в кулак, пытаясь вырваться из плена морока, и пальцы заломило, будто сунутые в ледяную прорубь. Напуганная и очарованная, девушка и горячо желала отвести взгляд, и не могла этого сделать.

Однако аквалка отвернулась сама.

– Простите, – сказала она и вдруг надсадно закашлялась.

Марита пришла в себя и вздрогнула от острого укола боли. Ногти так сильно впились в ладонь, что на ней отпечата-

лись покрасневшие полумесяцы. Она разжала пальцы.

– Не вставай.

К аквалке подскочил высокий мужчина в расшитом серебряной нитью камзоле и, подставив руку, помог опуститься обратно на кровать. Женщина туда почти рухнула. Стальной стержень, ощущаемый в ней, сразу потерялся за хрупкой оболочкой.

А еще, стоило прийти в себя, как в глаза бросилось то, на что Марита сперва не обратила внимание. Все тело аквалки, от головы до ног, покрывали дорожки белых пятен. Они убегали за ворот традиционного синего балахона с запахом и появлялись вновь вокруг щиколоток. Они же опоясывали запястья и шею. Эти пятнышки казались не цветом, а скорее его отсутствием, отчего смотреть на них было неприятно. Как будто что-то просто выело с кожи все краски.

В груди Мариты поселился холодок. Она впервые увидела кого-то с бесцветницей. Болезнь, поражающая только жителей «мертвых» земель, считалась опасной, но излечимой. Так почему же аквалка все еще болеет?

– Мы ждали другого человека. Объяснитесь, – отрывисто приказал мужчина и нахмурился.

У незнакомца были вьющиеся волосы, лицо благородного рыцаря с фресок, чуть испорченное печатью усталости, и ясные голубые глаза. Марита никогда прежде не встречала лорда Кортеса лично, но сразу узнала его по достойной титула выправке. Придерживая край платья, девушка почтитель-

но поклонилась.

– Приветствую господина Кортеса и госпожу Сальвадору.

Я – кукла Амары. Она будет смотреть через меня.

Лорд Кортес недовольно поджал губы:

– Я надеялся, она соизволит присутствовать лично.

– Сожалею.

Марита говорила это, не поднимая глаз, потому что боялась, что там отразятся ее истинные чувства, далекие от сказанного. Сальвадора невесомо тронула графа за локоть.

– Все в порядке. Это не имеет значения, – сказала она и улыбнулась рассеянно, как маленький ребенок или наоборот старуха, начавшая терять разум. – Можете приступать.

Сальвадора с графом обменялись быстрыми взглядами, и мужчина отступил, неохотно сев обратно на стул. Лорд Кортес всем своим видом выражал недоверие, готовый в любой момент сорваться с места.

Марита поежилась и, достав из притороченного к талии мешочка красную бусину, раздавила ее двумя пальцами. Раздался тихий треск, и на пол осыпалось мелкое крошево. Сперва ничего не произошло, а потом губы сами собой изогнулись в ухмылке и произнесли:

– Ну здравствуй, Сал. Давно не виделись.